

ВАСИЛИЙ *Grandmaster* ГОЛОВАЧЕВ

Посланник

Спасатели Веера

Василий Головачев

Посланник

«ЭКСМО»

1993

Головачев В. В.

Посланник / В. В. Головачев — «Эксмо», 1993 — (Спасатели
Веера)

ISBN 978-5-699-24264-1

Герой романа Никита Сухов становится случайным свидетелем ликвидации на Земле Посланника Светлых Сил. Чудом оставшись в живых, он понимает, что навсегда попал под прицел убийц-неземлян и может в любой момент погибнуть. Ему остается только принять вызов и пройти в качестве нового Посланника страшный Путь Меча в Веере Миров. Текст романа приводится в издательской версии.

ISBN 978-5-699-24264-1

© Головачев В. В., 1993

© Эксмо, 1993

Содержание

Вершина первая	5
Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5	37
Глава 6	45
Глава 7	52
Вершина вторая	63
Глава 1	63
Глава 2	72
Глава 3	79
Глава 4	87
Глава 5	95
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Василий ГОЛОВАЧЕВ

ПОСЛАННИК

Мир – бездна бездн!

И. Бунин

Вершина первая

НОВИЧОК

Глава 1

Никита всей грудью вдохнул прохладный вечерний воздух: самый длинный июньский день закончился, прошел дождь, смыв жару и духоту, и парк был напоен ароматами цветов и трав.

– Вдыхаешь так, будто потерял что, – заметил спутник, головой едва доставая Никите до подбородка. – Или устал? Но танцевал ты сегодня блестяще! Я бы даже сказал – на пределе. Конечно, я не эстет, но, по-моему, такой танец требует не только мастерства, но высочайшей культуры движения, исключительной пластики и координации. Ты поразил всех, в том числе и меня. Уж не попрощался ли ты с труппой?

Никита искоса глянул на товарища, освещенного рассеянным светом недалекого фонаря. Тоява Такэда, Толя – как его звали все от мала до велика. Тридцать два года, отец японец, мать русская. От отца нос пуговкой, раскосые глаза-щелочки, черные блестящие волосы, невозмутимость и сдержанность, от матери большие губы, широкие скулы и застенчивость, несколько странная для мужчины и бойца. Инженер-электронщик, кандидат технических наук. Черный пояс айки-дзюцу. Коллекционер старинного холодного оружия и философских трактатов древности. И рядом Никита Сухов, Ник, или Кит, или просто Сухов, – акробат, гимнаст, танцор-солист в труппе шоу-балета. М-да...

Никита вспомнил, как они познакомились.

Раз в неделю, по субботам, он ходил вместе с приятелем в баню-сауну на Кривоколенном. На этот раз приятель – сосед по лестничной клетке – уехал в командировку, и Сухову пришлось идти одному. Банщик, сориентировавшись, впустил кого-то из своих знакомых, и этим знакомым оказался Тоява Оямович Такэда.

Когда Никита, дважды пройдя сухую и мокрую парилки, блаженствовал в бассейне, к нему по бордюру подошел невысокий по сравнению с акробатом, тонкий, худощавый, но весь перевитый мышцами-канатами молодой японец, в котором явно текла и европейская кровь.

– Извините, – вежливо сказал он, опускаясь на корточки. – Меня зовут Толя. – По-русски он говорил без акцента. – А вас?

– Сухов. – Никита приоткрыл глаза, стоя в воде по грудь. – Фамилие такое. По паспорту я Никита Будимирович. Правда, все привыкли звать меня просто Сухов.

Новоявленный знакомец тихо рассмеялся.

– Да и меня, в общем-то, зовут иначе: Тоява Такэда. Толя – это уже русифицированный вариант. Я вас видел здесь дважды, но разглядел одну деталь только сейчас.

– Какую? – Сил у Никиты хватало только на краткие реплики.

Толя коснулся указательным пальцем плеча Никиты: там красовались рядом четыре родинки, каждая из которых здорово напоминала цифру «семь».

– Devini numeri.

– Что?

– С латыни – священные числа. Дело в том, что я немного увлекаюсь эзотеризмом и математикой Пифагора, а он об этих числах написал целый трактат.

– Ну и что?

Японец протянул руку вперед, и Никита увидел на предплечье три такие же, как у него, родинки, но похожие на цифру «восемь».

– Три восьмерки – знак великого долга, – продолжал Толя мягко. – А ваши четыре семерки – знак ангела. Люди с таким знаком умирают в младенчестве, а если живут, то им постоянно угрожает опасность.

С Никиты слетела вся его сонливость, парень заинтересовал.

– Насчет ангела я с вами согласен, мама говорила мне то же самое. А вот насчет опасности... Вы что же, всерьез в это верите? В мистику?

– В мистику – нет, в магию цифр – да...

Так они и познакомились год назад и стали друзьями, хотя Толя был старше Никиты на шесть лет. По имени он его, как и приятели в театре, также звал редко, чаще – Меченый или Сухов. А иногда, в зависимости от своего отношения к поступку Сухова, сокращал его имя, называя то Ником, если был доволен им, то Китом, если считал неправым. Такэда понял взгляд товарища по-своему.

– Ты сегодня какой-то странный, Никки. Хочешь, познакомлю с красивой девушкой?

Никита покачал головой.

– По христианским представлениям, женщина – источник соблазна и греха. У нас в труппе их двадцать, так что с меня греха вполне достаточно.

– Знаю я, как ты грешишь, точно – ангел, недаром четыре семерки на плече носишь. Вина не пьешь, мяса не ешь, с женщинами не спишь. Или я не в курсе? Вот первый мой учитель по айкидо – тот знал толк в пяти «ма».

– Пять «ма»? Напомни.

– Объекты почитания в тантризме: мадья – вино, макс – мясо, матсья – рыба...

– Вспомнил: мадра – жареная пшеница, так? И майтхуна – это... м-м...

– Оно самое, с женщинами. Ладно, если можешь обойтись – обходись, это хороший принцип. Но я бы тебе все-таки посоветовал заняться айкидо. Или кунгфу.

– Зачем? Драться ни с кем не собираюсь.

– Айкидо – это не умение драться, это прежде всего философия, отношение к жизни, к себе, к самосовершенствованию. Это искусство и наука, а главное – культура бытия.

– Завел сказку про белого бычка. На протяжении всей своей истории человечество почему-то обожествляло бой, хотя акробатика, гимнастика требуют лучшей координации и более высокой культуры движения.

Такэда погрузнел.

– Тут с тобой согласен. Однако именно поэтому тебе и стоило бы заняться кэмпо, база у тебя отличная. Как ты сегодня танцевал! Долго тренировался?

– Долго. – Никита снова прокрутил в памяти только что прошедший вечер, ощущая приятную усталость во всем теле, сладко ноющие, натруженные мышцы.

В балетную труппу Коренева он попал после окончания Смирновского танцевально-хореографического, занимаясь одновременно и акробатикой в сборной команде России, имея степень мастера международного класса. Случались, конечно, накладки, когда тренировки в сборной совпадали с репетициями в балете, однако Никите как-то удавалось находить компромиссы, то есть тренироваться и работать в течение двух лет. В отличие от друзей, он не любил ходить в ночные клубы, хотя и бывал в Олимпийском, но удовольствие получал от многого другого. Несмотря на свой рост – сто девяносто три сантиметра – и при-

личный вес, акробатом он был от Бога, как говаривал Толя Такэда, добавляя: врожденный дар, да еще отшлифованный. Но и в танце Сухов не знал себе равных, затмив славу самого Коренева, который основал труппу современного эстрадного шоу-балета и подгонял ее под себя. Никита был от природы солистом, танец любил и понимал естественным, совершенно свободно, чему способствовала и атмосфера семьи: мать сама танцевала когда-то, преподавала хореографию, а отец был неплохим музыкантом-скрипачом, пока не умер внезапно, мгновенно, от разрыва сердца в одной из гастрольных поездок за границей.

Сначала Коренев ставил молодого танцора в параллельные связки, не слишком обращая внимание на рост его мастерства и класса, но потом заметил, что сам уходит на вторые роли, и для Никиты наступили трудные времена. Выделяясь из массы остальных исполнителей, он вынужден был подгонять свой темперамент, силу, возможности растяжки и пластики под общее *движение*, потому что Коренев перестал давать ему сольные роли практически во всех программах.

Промучившись так с полгода, подумывая о переходе в другие труппы, в том числе классического балета, предложения были, и довольно солидные, – Никита вдруг решил создать собственную программу и показать ее на конкурсном отборе среди мастеров балета. В формировании программы большую помощь оказала мама, дав несколько советов и показав видеоролик с выступлением выдающихся фигуристов мира. Танец Толлера Крэнстона, канадского профессионала, выступавшего в семидесятые годы двадцатого века и не превзойденного позже никем из последователей в течение четверти века, произвел на Никиту неизгладимое впечатление. Такой пластичности, красоты движения, необычности поз он еще не видел и загорелся создать нечто подобное не на льду, а на сцене.

Тренировался он почти год, никого не посвятив в свой план, даже Такэду, а потом внезапно сорвался: оставил после репетиции труппу, сказав, что подготовил сюрприз, включил кассету с музыкой, под которую репетировал программу, и двадцать минут летал над сценой в порыве какого-то неистового вдохновения, соединив плие, пируэты, фуэте и арабески ¹ в необычные и сложные комбинации. Может быть, он уже знал или предчувствовал, что нигде и никогда больше не покажет этот танец, в том числе на конкурсе.

Танец не имел названия, он сочетал в себе элементы многих классических и эстрадных танцев в стиле рэп, брейк и монопляс, кроме того, в нем присутствовали и сложнейшие па акробатических прыжков и гимнастических связок, а также придуманные танцором тончайшие пластические переходы мышечных растяжек и гибких махов, имитирующих грациозно-величественную поступь леопарда, охотничьи прыжки пантеры, броски змеи и гротескный полет по деревьям гиббона.

Для увязки всего этого сложного танцевального пространства Никита использовал чистоту, благородство и пластичность языка русской школы, ритмику Хаммера, негритянского певца и танцора девяностых годов двадцатого века, и опыт индийской танцевальной культуры, насчитывающей тысячелетия. Ему как нельзя кстати пришлось стили школ бхарат натья и катхак – утонченной разработкой мимики и движений рук, а также своеобразной системой канонических жестов.

Когда музыка закончилась, в зале, оказавшемся забитым до отказа – слухи о «конкурсном просмотре» просочились во все помещения театра, и в зал прибежали все, кто там был, – установилась абсолютная тишина. Ни скрипа, ни шороха, ни хлопка! Лишь чей-то тихий вздох. Так, в полной тишине, Никита и сошел со сцены, улынувшись Такэде, который молча взял его под руку.

Да, вероятно, это и было прощание. С коллективом, во всяком случае, если не с театром и студией. И все это поняли, кроме, пожалуй, Коренева, который пытался что-то говорить вслед

¹ Группы приседаний, поз, прыжков и вращений в балете.

уходящим, требовать, давать распоряжения и вдруг замолк на полуслове, потому что зал встал и стоя проводил танцора штормом аплодисментов...

– Ты домой? – Толя Такэда, щурясь, смотрел на него задумчиво и понимающе.

У Никиты потеплело на душе: порой ему казалось, что друг свободно читает его мысли, сочувствуя и сопереживая. Он нашел у Бранта четверостишие:

От танцев много есть последствий,
Весьма тлетворных в младолетстве:
Заносчивость и самохвальство,
Распутство, грубость и нахальство.²

И добавил:

– Тебе не хватает лишь последнего.

– Проводишь?

– Нет, пройду по парку, хочу побыть в одиночестве. Завтра в два обедаем у тебя в институте.

Такэда хлопнул ладонью по подставленной ладони танцора, но не успел сделать и шага, как вдруг из парка донесся страшный свист и гул, от которых задрожала земля. Что-то с неистовым треском взорвалось, по аллеям парка расплзлось ядовитое шипение, заглушенное удаляющимся топотом. Яркие голубовато-зеленые всполохи, озарив небо над северным районом массива, погасли. Наступила тишина.

– Что это? – удивленно поднял брови Сухов.

Такэда глянул на руку, на пальце которой красовался замысловатой формы перстень: в глубине черного камня горел рубиновый шестиугольник.

– О Сусаноо³! Иди домой, Кит, потом поговорим. Кое-что мне здорово не нравится.

– Но ты видел? Гроза будет, что ли?

– Не знаю. Пока. – Инженер бесшумно растворился в ночи. Никита иногда шутил, что ходит он как ниндзя, но в этой шутке была доля правды: Толя занимался айки-дзюцу с младенческого возраста, сначала с дедом Сокаку Такэда, который сохранил технику сосредоточения жизненной энергии школы Дайторю, а потом – под руководством отца, и к своим тридцати двум годам, овладев тайнами восточных единоборств, стал мэнкё – мастером высшего класса. Что не мешало ему заниматься философией и работать в Институте электроники.

Никита улыбнулся своим мыслям и не спеша направился по боковой аллее парка к выходу на стоянку, где была припаркована его машина, не придав значения этим странным звукам и вспышкам. Но именно с этого момента колесо его бытия сдвинулось с наезженной колеи, увлекая к событиям странным, таинственным и страшным, к которым он абсолютно не был подготовлен.

Он успел пройти лишь треть аллеи, отметив почти полное отсутствие горевших фонарей, как вдруг впереди и слева, за кустами черемухи, раздался вскрик, за ним глухие удары, возня, еще один вскрик и потом долгий мучительный стон. Затем все стихло.

Чувствуя что-то вроде озноба, Никита в нерешительности остановился, вглядываясь в темноту. Свет фонаря, горевшего сзади метрах в десяти, сюда почти не доходил, и разглядеть, что делается в кустах, было невозможно. Сухов по натуре не был трусом, но и на рожон лезть не любил, предпочитая разумный компромисс открытому бою, хотя физически был развит великолепно. Однако он занимался тем видом спорта, который не поднимает в человеке чувства неприязни и желания победить насилием, в акробатике и гимнастике человек, по сути,

² Брант С. Корабль дураков.

³ Бог дождя, грозы и грома (яп.).

борется с собой и лишь потом – опосредованно – с противником. Еще ни разу в жизни Никита не сталкивался с ситуацией, заставившей бы его сражаться за жизнь, хотя мелких стычек было достаточно, и все же судьба его хранила. Но кто знает наверняка, когда надо быть осторожным, а когда бросаться вперед сломя голову?

Из-за кустов донеслись шорохи, треск ломаемых ветвей, затем шаги нескольких человек, и на асфальтовую дорожку вышли четверо мужчин в одинаковых пятнистых комбинезонах, с какими-то палками в руках и «дипломатами», замки на которых и металлические углы светились голубым призрачным светом. Увидев Сухова, они разом остановились, потом один из них, огромный, широкий, как шкаф, ростом с Никиту, если не выше, тяжелой поступью двинулся к нему. То, что Сухов принял за палки, оказалось короткими копьями со светящимися, длинными и острыми, как жало, наконечниками.

Бежать было поздно, да и вид этих четверых показался таким необычным, что первой мыслью было: десантники! Выбросили их здесь для тренировки, вот и все. В здравом уме никто не будет разгуливать по парку в маскировочных костюмах. А может быть, это артисты снимают какой-то экзотический боевик, пришла другая мысль, не менее успокаивающая. Тоже вариант не исключен.

– Вы не слышали? – поинтересовался Никита, на всякий случай принимая стойку. – Кто-то недалеко кричал.

Гигант подошел вплотную, наконечник его копья уперся в грудь Сухова, засветился сильнее.

– Осторожнее! – недовольно буркнул танцор, отодвигаясь. – Что за шутки в такое позднее... – Он не договорил, только теперь разглядев лицо незнакомца.

Оно было неестественно бледным, вернее, совершенно белым! Белки глаз светились, а зрачки, огромные, как отверстия пистолетного дула, источали угрозу и странную сосущую тоску. Губы, прямые и узкие, казались черными, а нос больше походил на треугольный клапан и мелко подрагивал, будто незнакомец принюхивался.

– Иди назад! – шелестящим голосом, без интонаций, но тяжело и угрюмо приказал «десантник». – Шагай.

Никита сглотнул, с трудом отводя взгляд от гипнотизирующих глаз незнакомца. Возмутился:

– С какой стати я должен шагать назад? Я иду домой, так короче. В чем дело?

Жало копья прокололо рубашку, вонзилось в кожу. Никита вскрикнул, отступил, с изумлением и недоверием понимая, что все это не сон и что странный «десантник» вовсе не собирается шутить.

– Сказано: иди назад. Быстро. Тихо. Понял?

– Понял. – Гнев поднялся в душе крутой волной. Сухов не привык, чтобы с ним разговаривали в таком тоне.

Он схватил копьё возле наконечника, собираясь вырвать его у шкафоподобного верзилы, и вскрикнул еще раз – от неожиданности, получив болезненный электрический разряд. Однако он был довольно упрям и не останавливался на полпути, да еще вспыхнувшая злость требовала выхода, хотя странное лицо незнакомца продолжало гипнотизировать, заставляло искать объяснений.

Копьё нашло Никиту, оцарапало грудь, но он уже ушел влево, подставив под удар «дипломат» – «десантник» бил наотмашь, схватил копьё и... кубарем покатился по дорожке, не успев сгруппироваться, получив оглушающий удар током. Гигант снова шагнул к нему, и в это время из-за кустов на дорожку вывалился пятый незнакомец.

Никита сел, опираясь на бордюр, потрогал гудящую голову, попытался сосредоточить внимание.

Новое действующее лицо оказалось седым стариком, одетым в нечто напоминающее изодранный окровавленный плащ неопределенного цвета. Он, согнувшись, заскреб пальцами по асфальту, вывернул голову к Никите. Глаза у него были выколоты, по темному лицу текли слезы и кровь, открытый рот давился немым криком, потому что язык в нем отсутствовал.

«Десантник» оглянулся на товарищей, молча стоявших неподалеку, не сделавших с момента знакомства ни одного жеста, не спеша подошел к старику и так же молча, не останавливаясь, проткнул его своей пикой насквозь.

– Что вы делаете?! – воскликнул Сухов, вскакивая.

Верзила нанес еще один удар. Старик растянулся на асфальте и затих.

Никита бросился к «десантнику» и в прыжке нанес ему прямой удар в голову, одновременно отбивая сумкой выпад копья. Некоторое время они танцевали странный танец: Никита уворачивался от выпадов копья и ударов «дипломатом», стараясь, в свою очередь, достать незнакомца ногой или рукой, а тот уходил от его ударов с какой-то небрежной ленивой грацией, казавшейся невозможной для такого массивного и громоздкого тела, пока не задел плечо Сухова жалом копья и снова не парализовал его разрядом электричества. Впрочем, вряд ли это можно было назвать электрическим разрядом: от него тело сжималось в тугий комок напряженных, но недеятельных мышц, а вокруг точки укола разливалась волна холода.

Никита упал, с бессильной яростью впиваясь взглядом в страшные зрачки «десантника».

Копье приблизилось к его глазам, поиграло возле сердца, снова нацелилось в глаз, в другой, словно белолицый «нелюдь» не знал, с какого глаза начать. И тут один из трех напарников предупреждающе пролаял что-то на неизвестном языке: по боковой аллее справа кто-то бежал.

Копье замерло. Исчезло. «Десантник» наклонился к Никите:

– Слабый. Не для Пути. Умрешь.

Голос был глухой, невыразительный, равнодушный, но полный скрытой силы и угрозы. Он давил, повелевал, предупреждал. И не принадлежал человеку. Это открытие доконало Сухова.

Кто-то тронул его за плечо, приподнял голову. Он открыл глаза и увидел лицо Такэды.

– Толя?!

– Жив, однако! Куда они пошли?

Никита вцепился в его руку, с трудом поднялся.

– Не ходи за ними, это... дьяволы, а не люди.

– Как они выглядели?!

– Высокие, широкие, белолицые. В пятнистых комбинезонах... с такими короткими странными копьями...

– С копьями?! – Такэда побледнел, несмотря на всю свою выдержку. Сухов никогда прежде не видел, чтобы инженер так открыто проявлял свои чувства.

– Амаэрасу! Это был отряд СС! А может быть, и ЧК!

Никита невольно засмеялся, закашлялся.

– Эсэсовцы ходили в мундирах, а чекисты – в кожаных куртках, а не в современных десанткостюмах.

– Я и не говорю, что это ЧК времен революции. ЧК – значит «черные командос». А СС – «свита Сатаны».

– Чепуха какая-то! Давай посмотрим, жив ли вон тот старик. Они его проткнули копьем.

– Я бы не советовал тебе вмешиваться. Старику уже не поможешь, а неприятности нажить...

Не отвечая, Никита подошел к лежащему ничком седоголовому мужчине, перевернул его на спину. Плащ на груди незнакомца распахнулся, и Никита невольно отшатнулся. Не раны на груди и животе человека потрясли его, а глаза! Два нормальных человеческих глаза, разве что без ресниц, на месте сосков на груди и два под ребрами! Три из них были мутными, слепыми,

полузакрытыми, неживыми, а четвертый, полный муки и боли, смотрел на Сухова пристально, изучающе и скорбно.

– Катакиути! ⁴ – проговорил за спиной Такэда и добавил еще несколько слов по-японски.

Никита оглянулся и снова, как зачарованный, уставился в глаз на груди старика. Впрочем, стариком этого человека назвать было нельзя, несмотря на седину и худобу, ему от силы исполнилось лет сорок, если не меньше. И он был еще жив, хотя и получил страшные раны.

Рука его шевельнулась, согнулись и разогнулись пальцы. Хриплый клокочущий вздох выгнул грудь. Страшное лицо повернулось к людям, исказилось гримасой боли, напряглось в натуге что-то сказать, но у человека не было языка. Никита убедился в этом окончательно.

Рука незнакомца снова шевельнулась, приподнялась, словно он искал опору, и вдруг затвердела, перестала дрожать, повернулась ладонью вверх. Казалось, вся жизнь чужака, еще теплившаяся в теле, сосредоточилась сейчас в его руке. И в глазу на груди.

В центре ладони разгорелась звездочка, сияние волнами пошло от нее к пальцам и запястью. Рука приобрела оранжево-прозрачный цвет, словно отлитая из раскаленного стекла. Звезда в центре ладони стала бледнеть, превратилась в облачко свечения, начала формироваться в какой-то геометрический знак: сначала это был круг, затем в нем появился треугольник, круг преобразовался в квадрат, и наконец эти две фигуры слились в одну – пятиконечную звезду, выпуклую, светящуюся, словно лед под луной.

Незнакомец замычал, протягивая руку Сухову. Тот нерешительно глянул на озабоченного товарища.

– Что ему надо?

Седой снова замычал, обреченно, тоскливо, жутко. Глаз на груди его заполнился влагой, он умолял, он просил, он требовал чего-то: то ли что-то взять у него, то ли помочь встать.

Никита решил, осторожно берясь за ладонь незнакомца. И получил знакомый леденяще-электрический удар, так что свело руку и подогнулись ноги. Вскрикнув, он выдернул руку из горячей ладони старика, отступил на шаг, хватая воздух ртом.

Рука седого безвольно упала, погасла. Знака в виде звезды на его ладони уже не было. На лице незнакомца проступило нечто вроде улыбки, затем черты его разгладились, по лицу разлилась бледность. Глаз на груди еще несколько мгновений пристально вглядывался в людей, потом внутри него словно отключили свет – стал пустым и бледным.

– Умер! – констатировал Такэда, озабоченно поддерживая Никиту под локоть. – Что с тобой?

– Не знаю, – прохрипел танцор. – Такое впечатление, будто меня потрянуло током... причем уже второй раз! Эти, которые его убили, тоже имели разрядники... копья. О Господи! Башка раскалывается! И рука болит... – Он разжал кулак и взглянул на ладонь. Точно посредине линии судьбы виднелась черная отметина в виде пятиконечной звезды, словно кожа в этом месте была сожжена. Такэда хмыкнул, рассматривая ладонь друга.

– Любопытно. В эзотерике пятиконечная звезда – символ вечности и совершенства. Такая звезда была эмблемой Тота и Кецалькоатля, а также ключом Соломона. Кстати, у японцев это знак высокого положения. – Такэда спохватился, видя, что Никита побледнел и еле стоит на ногах: – Тебе плохо?! Пошли, пошли отсюда, отвезу тебя домой. Хорошо, что я пошел за тобой, интуиция подсказала.

– Его... надо... в «Скорую».

– Поздно, ему уже никто не поможет. Позвоним от тебя в милицию.

– Он... не человек...

– Ладно, успокойся. Обопрись о плечо.

– И те... амбалы пятнистые... тоже не люди.

⁴ Катакиути – обычай кровной мести (яп.); здесь: убийство по заказу.

Такэда не ответил, выбирая дорогу и почти волоча Никиту на себе, пока не выбрались из парка на освещенную улицу.

Сухов не помнил, как добрался домой. Перед глазами все плыло, к горлу подступала рвота, рука горела и дергала, в ладони точно застрял раскаленный гвоздь, не помогли ни йод, ни мази, ни таблетки. В конце концов ему стало совсем плохо, и он потерял сознание, уже не видя и не слыша, как Такэда вызвал «Скорую» и сообщил милиции об инциденте в парке.

Глава 2

Двое суток Сухов провалялся дома с высокой температурой. Его лихорадило, бросало то в жар, то в холод, а по ночам постоянно снились кошмары: то один, то двое, а то и целый батальон «десантников» с белыми лицами мертвецов гонялись за ним по парку, дырявили копьями, выжигали на груди и руках странные клейма и гудели на все лады: «Слабый! Шагай! Умрешь!..» Снился и многоглазый старик в плаще на голом теле, тянул руки и беззвучно кричал, разевая черный безъязыкий рот: «Возьми-и-и! Это ключ власти! Будешь повелевать миром!» Никита хватал из рук старика странной формы ключ, но тот превращался то в громадного жука, то в скорпиона, а однажды – в гранату, осколки которой после взрыва превратили голову больного в решето...

Первые ночи у постели танцора дежурила мама; в больницу сына отправить не разрешила, хотя врач «Скорой», вызванный Такэдой, настаивал на госпитализации. На третий день Никите стало легче, и Толя уговорил маму, что теперь его очередь заботиться о больном, а в случае каких-либо осложнений он тут же вызовет ее к сыну.

К вечеру лихорадка прошла окончательно, температура спала, и Сухов почувствовал себя значительно лучше. С аппетитом поужинав (заодно и пообедав), он поднял подушку повыше и, сняв повязку, с интересом принялся разглядывать свою ладонь. Пятно в форме пятиконечной звезды размером с жетон метро уже посветлело, приобрело коричневый оттенок и теперь походило на вдавленное в кожу родимое пятно. А главное, оно сдвинулось с центра ладони к запястью. Ладонь уже не жгло, как вначале, а лишь покалывало, причем иногда это было даже приятно. Врач, осмотрев пятно, лишь хмыкнул, когда ему сообщили о передаче звезды с ладони на ладонь. Однако мазать «родинку» не стал, ограничась спиртовым обеззараживающим тампоном. Сказал: это не рак и не СПИД, будет болеть – пропишу УВЧ.

Допив кофе, Такэда убрал посуду и устроился возле рабочего стола Никиты, разложив на нем какой-то старинный с виду манускрипт. Разговаривал он мало, в отличие от матери, и Сухову это нравилось. Правда, после случившегося его самого тянуло к разговору. Из головы не шла фраза, произнесенная гигантом-«десантником»: «Слабый. Не для Пути. Умрешь». Интуитивно Никита чувствовал, что речь шла не о физической силе, а это уязвляло и заставляло искать причину оценки.

– Толя, а сам ты что об этом думаешь?

– О чем? – Такэда не поднял головы от пожелтевшей страницы манускрипта. Спокойный, сдержанный, он будто излучал прохладу, как колодец с ничем не замутненным зеркалом воды.

– О встрече в парке... о старике... Ты сообщил в «Скорую»?

– И в милицию тоже.

– Ну и?..

– Рассказал, что знал. Когда приехала «Скорая», он уже не дышал. Кстати, – Такэда взглянул на Сухова поверх страницы, – глаз на его теле никаких не нашли.

– Как это не нашли? Куда ж они делись?

Толя молча углубился в изучение книги. Он никогда не отвечал на вопросы пожиманием плеч или другими жестами, если не знал ответа.

Никита полежал, переваривая сказанное, потом залпом выпил стакан холодного молока.

– Ты хочешь сказать, что нам все померещилось?

– Не померещилось.

– Так в чем же дело?

Такэда перелистнул страницу, любовно пригладив книгу, снова взглянул на лежащего.

– Чтобы делать какие-то выводы, информации недостаточно. Похоже, что он был человеком с какими-то добавочными органами чувств. Как, возможно, и те четверо, о которых

ты говоришь. Но что дальше? Мы не знаем ни их координат, ни цели появления, ни причин ссоры... кстати, язык у него был вырван.

Никита невольно пошевелил своим, словно проверяя – на месте ли.

– О дьявол! Серьезные, видать, разборы у них были. Как ты думаешь, что он им сделал?

За что они его... так?

Такэда углубился в штудирование очередной страницы.

– Что ты там изучаешь? – рассердился Никита. – Напился моего чая, сел в мое кресло, за мой стол с моей лампой, да еще и не разговариваешь!

– Жлоб! – констатировал Такэда. Закрыв книгу. Улыбнулся своей обычной, сдержанной и застенчивой улыбкой. – Теперь я понимаю, почему девушки с тобой не водятся: ты заставляешь их приходиться со своим чаем. Кстати, пока ты болел, они едва телефон не оборвали. А читаю я очень умную книгу: Чхве Ёнсол, «Техника «мягкого» искусства. Хапкидо».

– На японском?

– На корейском!

– О-о! Вы у нас полиглот.

– Не ругайся.

Никита засмеялся, но посерьезнел, заметив, что Такэда смотрит на его ладонь. Глянул на нее сам, потрогал звезду пальцем.

– Что же это такое? Ожог?

– Весть, – серьезно сказал Такэда.

– Что?!

– Весть. Но это ты поймешь позже. – Толя предостерегающе поднял руку, останавливая попытку Сухова выяснить смысл сказанного. – Я не готов ответить на твои вопросы. Как и ты – услышать правду. Отложим разговор дня на два-три.

Сухов покачал головой, с любопытством глядя на внезапно окаменевшее лицо друга, хотел что-то спросить, но передумал. Показал на стакан.

– Налей молока, плиз.

– А нетути, дорогой. Ты выдул все три литра. Но если хочешь, я позвоню, и через полчаса принесут. А мы пока посмотрим «Новости», не возражаешь? – Инженер включил телевизор. – Звонить?

– А кто это?

– Мой друг, – уклонился от прямого ответа японец. – Живет тут неподалеку, на «Соколе». Приедет, познакомлю. – Он набрал номер: – Извини, подтверждаю. Квартира двенадцать, найдешь? Ждем. – Повесил трубку. – Сейчас принесут.

Никита с недоверием взглянул в узкие непроницаемые глаза Такэды.

– Ты что же, заранее договорился?

Такэда молча увеличил громкость телевизора.

Некоторое время они слушали новости первого канала «Останкино»: страны Лиги Империй, как уже негласно называли Содружество Независимых Государств, жили по своим законам, часто не совпадавшим с законами ближнего зарубежья, конфликтовали, все еще воевали, пытались строить экономику с помощью противоречий политики, но учились, работали, рожали детей, занимались спортом, слушали музыку, смотрели видео, а иногда спектакли – вживую, увлекались сексом, наркотиками – все больше и больше, боролись с тем и другим, митинговали – правда, все меньше и меньше, то есть творили историю. Национализм продолжал буйствовать, успешно развивался терроризм, росли цены. События ближнего и дальнего зарубежья тоже не внушали особого оптимизма: становление великих государств – Великой Сербии, Великого Афганистана, Таджикистана и даже Карабаха – сопровождалось невиданными, дикими братоубийственными войнами, геноцидом и массовым истреблением мирного населения. На этом сообщении Никита перестал воспринимать информацию, пере-

ключая поток сознания в другое русло. Этому научил его Такэда, потому что заметил: после телеинформационной программы у друга растет желание поубивать сначала националистов, потом политиков, а потом уничтожить толпу, вознесшую этих политиков на своих плечах к власти. История толпы не помнит, любил повторять отец Никиты, заставляя сына быть личностью, пока не добился своего: сын научился вкладывать в любое дело, чем бы ни занимался, все физические и душевные силы, заряжаться на максимальный результат, что и позволило ему не только стать мастером спорта по акробатике, а также профессиональным танцором балета, но индивидуумом с высокой степенью ответственности, как опять же говаривал его отец.

Обо всем этом вспомнил Такэда, услышав вздох друга. И вздохнул сам. Несмотря на все лестные отзывы и собственное мнение о Никите, он сомневался в том, что танцор справится с предстоящей миссией.

Но Вестник выбрал его!..

– Что вздыхаешь? – Толя выключил телевизор.

– Помнишь, как старик тянул руку? А ведь блямба у него на ладони формировалась сначала не пятиконечная. Ты знаток символики, пояснил бы. Весть! – передразнил Никита приятеля. – Что за весть? Может быть, пояснишь, какой смысл вкладываешь в это слово? Я умный, пойму.

– Позже, умник. А формировалась эта штука действительно интересно. Круг – это начало всему, знак Вечности, а треугольник в квадрате – символ соединения божественного и человеческого, небесного и земного, духовного и телесного. Вестник... м-м... старик как бы предсказал твой путь... если ты его начнешь.

– Чушь какая-то! Идти я никуда не собираюсь.

– В том-то и дело. Но, боюсь, тебя вынудят к этому. Все, все! Не будем об этом больше, а то подумаешь, что я немножко свихнулся на мистике.

– Не немножко.

– Спасибо.

– Не за что.

Зазвонил дверной звонок. Такэда встал.

– Обещай мне только быть осторожным.

– В каком смысле?

– В любом. Обещай, это серьезно. Я не всегда смогу прийти на помощь. И объяснить смысл предупреждения пока не могу, так что принимай на веру.

Такэда пошел открывать входную дверь, в прихожей зазвучал женский голос.

Никита медленно натянул простыню до подбородка – он спал летом без одеяла, – пребывая в шоке. Приятель, который должен был принести молоко, оказался девушкой.

Она вошла в гостиную вслед за Толей и остановилась, сказав: «Добрый вечер».

– Добрый, – просипел в ответ Сухов, убивая Такэду взглядом.

Девушка была прекрасно сложена. Не слишком высокая, но и не карманный вариант. Черты лица изящные, небольшой, правильной формы нос и прекрасные большие глаза, не то голубые, не то зеленые, глядящие без лишней томности и притворной робости, искренне и доверчиво. Лишь потом, часом позже, Никита разглядел, что одета она в скромный на первый взгляд летний костюм, в котором при более внимательном взгляде угадывался изысканный вкус и утонченность. Впрочем, удивляться этому не пришлось, девушка оказалась художницей. Звали ее Ксения, Ксения Константиновна Краснова. Такэда в шутку звал ее Три К.

Никита не помнил, о чем они говорили, шок прошел только после ухода Ксении.

Обычно их разговор с Толей сопровождался шутками, ироническими репликами и пикировкой – оба ценили юмор и реагировали на него одинаково, но если бы Такэда позволил себе подобное в данной ситуации, в присутствии Ксении, Никита, наверное, пришел бы в ярость.

Однако Толя тонко чувствовал состояние друга, и ему хватало ума и такта поучаствовать в беседе в качестве бессловесного предмета интерьера.

Прощались они в коридоре, пообещав звонить, если что, и Толя увел девушку, подарившую хозяину мимолетную улыбку и взгляд искоса, в котором горел огонек интереса и расположения. Обалдевший Сухов обнаружил, что одет в спортивный костюм, хотя совершенно не помнил, когда он его надевал, преодолел желание проводить гостей до остановки и вернулся домой.

Уснул он поздно, часа в два ночи, и спал как убитый, без сновидений и тревог.

В среду он вышел на тренировку с другими акробатами, учениками Вячеслава Сокола, и отработал почти полную норму, чувствуя удивительную легкость в теле и желание достичь новых ступеней совершенства. Правда, каким образом осуществить желание, он не знал, но смутная догадка уже брезжила в голове: использовать элементы акробатики, все эти рондаты, флик-фляки и сальто, в танце, что могло усилить его эстетическую насыщенность.

В четверг утром планировалась репетиция труппы, и Сухов пошел на нее с каким-то сопротивлением в душе: после воскресного своего сольного выступления работать с Кореневым уже не хотелось, да и вряд ли можно было что-то добавить к тому, что он выразил на сцене, на языке танца. Многие в труппе поняли его правильно, посчитав, как и Толя Такэда, этот взрыв танцевального движения прощанием. Сам же Никита понял это лишь на репетиции, когда увидел в глазах товарищей легкое удивление, а на лице Коренева хмурый вопрос и недовольство.

Не дорепетировав до конца, он сошел со сцены – на сей раз репетировали не в танцзале, а на сцене театра, – но не успел спуститься в костюмерную, как вдруг произошел странный инцидент: пол сцены провалился! Если бы Никита остался до конца, он упал бы на конструкцию поддержки пола с высоты трех с половиной метров. К счастью, участники репетиции отделались травмами и ушибами да поломалась музыкальная аппаратура, на чем инцидент этот был исчерпан, однако в душе Сухова осталось сосущее чувство неудовлетворения, заноза тихого раздражения, будто он что-то забыл, упустил из виду, а что именно – вспомнить не мог.

– Бывает, – сказал Такэда, которому он позвонил на работу. – Хотя, может быть, это психоразведка.

– Опять ты за старое? – разозлился танцор. – Твои намеки я не понимаю: или не говори загадками, или молчи.

– Хорошо, – коротко согласился Толя. – Как твоя новая родинка на ладони, держится? Никита взглянул на ладонь, буркнул:

– Держится. Но побледнела и сдвинулась к запястью. Только что чесалась здорово, я, по сути, из-за этого сошел со сцены.

– Любопытно. А так не беспокоит?

– Покалывает иногда... только не надо ничего плести про Весть, психоразведку и тому подобное, я сыт мистикой по горло.

– Тогда сходи к врачу. А лучше к Три К, она тебя приглашала.

– К... когда? То есть приглашала когда?

– Я с ней разговаривал час назад. Сходи, посмотришь на ее работы, на них стоит посмотреть. – Такэда повесил трубку. А Никита полчаса ходил по комнатам, пил молоко, пролистал газеты, смотрел телевизор, не вдумываясь в напечатанное и показываемое с экрана, пока не понял, что давно созрел. Если о происшествии в парке он думал эпизодически, то о Ксении – почти все время, и – видит Бог! – думать о ней было приятно.

Громкое название «Студия художественных промыслов» носил подвал в одном из старых зданий Остоженки. Мастерская Ксении Красновой занимала одно из его помещений, освещенное двумя полуокнами и самодельной люстрой из пяти лампочек. Все помещение было заставлено мольбертами, стойками, холстами и рамами, картин в нем насчитывалось ровно

две: пейзаж с рекой и сосновым лесом и портрет какого-то сурового мужика с бородой и пронзительным взглядом из-под кустистых бровей.

Ксения работала над третьей картиной – нечто в стиле «русское возрождение»: на холме, по колону в траве, стоял странник с посохом в руке, с ликом святого и смотрел на сожженное до горизонта поле, над которым на фоне креста церквушки всходило солнце. Картина была почти закончена и вселяла в зрителя непередаваемое чувство печали и ожидания.

Ксения, в аккуратном голубом халатике, под которым явно ничего не было, почувствовала гостя и оглянулась, глядя отрешенно и *уходяще*. Волосы ее были собраны короной в огромный узел и открывали длинную загорелую шею, тонкую, чисто классической формы и красивую. Взгляд девушки прояснился, когда в Никите узнала «больного», ради которого по просьбе Такэды везла молоко чуть ли не через весь город.

– Никита? Вот не чаяла увидеть тебя. Проходи, не стой у порога. Как самочувствие?

– Привет, – смущенно сказал Сухов. – Все нормально. Выжил. Вообще-то друзья зовут меня короче – Ник. Я вас не отрываю от дел?

Ксения засмеялась, сверкнув ослепительной белизной зубов.

– Конечно, отрываете, но пару минут я вам уделить смогу. Если хотите, встретимся вечером, поговорим не торопясь.

– Идет. Я заеду за вами...

– Часов в семь, не раньше.

– Тогда покажите мне хотя бы, над чем работаете, и я ретируюсь.

– Только в обмен.

– В обмен? На что?

– Толя говорил, что вы гениальный танцор, и мне хотелось бы побывать на одном из ваших шоу.

– Он у меня еще схлопочет за «гениального», – пробормотал Никита. – Конечно, я вам достану билет на очередное представление, только не ждите чего-то сногшибательного: программу и сценарий составляю не я и танцую под чужую музыку.

На лице девушки последовательно отразилась целая гамма чувств: вопрос, удивление, улыбка, понимание, интерес. Как оказалось, Сухов плохо разглядел ее в прошлый раз и теперь с восторгом неожиданности наверстывал упущенное, жадно отмечая те черты, которые слагаются в термин «красота».

Кожа у Ксении была смуглая, то ли от природы, то ли от загара (а может быть, от татаро-монгольского нашествия?), глаза зеленые, с влажным блеском, поднимающиеся уголками к вискам, брови черные, вразлет, изящный нос и тонко очерченный подбородок. И маленькие розовые ушки. «Шедевр!» – как любил говорить о таких женщинах великий знаток Коренев. У Никиты вдруг гулко забилось сердце: он испугался! Испугался того, что Толя познакомил его с Ксенией слишком поздно и у нее уже есть муж или, по крайней мере, жених. Такая красота обычно недолго бывает в свободном полете...

– ... – сказала девушка с тихим смехом.

– Что? – очнулся Никита, краснея. – Простите, ради Бога!

– Так и будем стоять? – повторила Ксения. – Картины показывать уже не нужно?

– Еще как нужно! Просто вспоминал, где это я мог вас видеть? Вы случайно не приносили молоко одному больному?

Ксения с улыбкой пошла вперед, а Никита, как замороженный, остался стоять, глядя, с какой грацией она идет. Казалось, таких длинных и красивых ног он еще не видел. Не говоря уже об остальном. И снова страх морозной волной пробежал по коже на спине: а если она и Такэда – не просто друзья?!

– Так вы идете? – оглянулась художница, открывая дверь перегородки подвала.

Соседнее помещение оказалось галереей, вернее, складом картин, из которых лишь часть висела на стенах в простых белых или черных рамках, а остальные были составлены пачками, лежали на столах или закреплены в станках. Но и того, что увидел Сухов, было достаточно, чтобы сделать вывод: Ксения не любитель, она была Мастером, талант которого не требовал доказательств.

На одной стене помещения Никита узнал молодых Лермонтова и Пушкина, Петра Первого, современных писателей и артистов. На другой были закреплены пейзажи, не уступавшие по эмоциональному накалу и точности рисунка пейзажам классиков этого жанра; особенно глянулся танцору один из них: прозрачный до дна ручей, опушка леса, сосны, мостик через ручей. Этот пейзаж напоминал родину отца под Тамбовом.

А на противоположной стене... Никита подошел и, кажется, потерял дар речи. То, что было изображено на холстах, названия не имело, э т о можно было лишь обозначить словами: смещение тьмы и света! буйство форм и красок! магия жизни и смерти! Картины не были абстрактными, хотя на первый взгляд ничего не изображали, но они имели *смысл*, а главное – создавали определенный эмоциональный фон и явно впечатляли. Одна звала к столу – Никите вдруг захотелось есть и пить... Вторая навевала сон. Третья заставила тоскливо сжаться сердце, четвертая – почувствовать радостный прилив сил. Пятая влекла к женщине, да так, что в душе зарождалось желание и неистовое волнение!

– Колдовство! – хрипло проговорил Никита, вздрогнув от прикосновения девушки к плечу – ее вопроса он снова не услышал.

– Спасибо, – серьезно ответила та, пряча лукавую усмешку в глазах; она заметила, какое действие оказала на гостя последняя картина. – К сожалению, ваше мнение отличается от мнения маститых, от которых зависит судьба молодых художников и их персональных выставок. За шесть лет работы, а я рисую с пятнадцати, мне разрешили сделать всего две выставки: в Рязанском соборе и в Благотворительном фонде, остальные, самодеятельные, в общежитиях и студиях не в счет.

Сухов покачал головой, с трудом отрываясь от созерцания картин.

– Это действительно колдовство. Как вам это удается? Я читал, что существуют какие-то методы инфравлияния на подсознание человека, используемые в рекламе на телевидении и в кино. Может быть, вы тоже шифруете в картинах нечто подобное?

– Я не знаю, как это называется, просто *чувствую*, что должно быть изображено на холсте для создания необходимого эффекта. Мой учитель говорил, что это прорывы космической информации. Годится такое объяснение?

Никита улыбнулся.

– Я бы назвал это проще – прорывами таланта в неизведанное, но если вас это смущает, не буду повторяться. Однако вы меня поразили, Ксения, честное слово! Можно, я еще раз приду сюда, полюбуюсь на картины, подумаю над ними?

– Почему бы и нет?

– Тогда до вечера. – Никита направился вслед за художницей, оглядываясь на галерею и чувствуя сожаление, что не насмотрелся на них вдоволь. – Кстати, Ксения, как вы познакомились с Толей?

– На улице, вечером. – Ксения оглянулась через плечо, и Никита не успел отвести взгляд от ее ног. – У гастронома на Сенной ко мне подошли ребята... м-м... очень веселые, и Толя... уговаривал их не шалить.

Никита, представив, как это делал Такэда, фыркнул.

Ксения тоже засмеялась. Заметив его жест, кивнула на руку с отметиной.

– Как ладонь, не беспокоит? Очень интересная форма у ожога, вы не находите?

Сухов взглянул на звезду, упорно сползающую к запястью, и посерьезнел: показалось, что после вопроса девушки звезда запульсировала, послав серию легких уколов, добежавших по коже руки до шеи.

– По-моему, это не ожог. Толя говорил что-то странное, но не объясняет, что имеет в виду. Потом поговорим. Итак, в семь у входа?

Художница кивнула, глядя на него исподлобья, испытующе, серьезно, без улыбки. Этот взгляд он и унес с собой, сохранив его в памяти до вечера.

Дома его ждал Такэда.

– Тебя уволили? – удивился Никита, привычно хлопая ладонью по подставленной ладони приятеля.

– Я свободный художник, хожу на работу, когда хочу. Был у Три К?

– Слушай, не зови ты ее больше так... технически, а?

– Хорошо, не буду. Так ты был?

– Только что от нее, смотрел картины.

– В студии? Или в запаснике?

– Ну, не знаю где, там их было много, десятка три.

Такэда хмыкнул.

– Надо же! Ксения не всем показывает свои работы, несмотря на приветливость и некоторую наивность. Девушка это редкостная, такую встретишь одну на миллион, учти.

– Уже учел. – Никита сходил на кухню и принес запотевшую банку с квасом. – Мы с ней идем вечером в кафе в Москворечье.

– Это ты решил или она?

– Я. А что?

– Блажен, кто верует. Она не любит ходить по вечерам в кафе, рестораны и бары. Не то воспитание, не тот характер, не те устремления. Разве что в ресторан Союза художников, да и то очень редко. Она талантливый мастер...

– Я это понял.

– ...и живет в своем мире, – закончил Такэда бесстрастно. – Она тебя взволновала, я вижу, но...

– Оямович! – изумленно взглянул на друга Никита. – Ты что? Откуда этот менторский тон? Или она – твоя девушка? Так бы сразу и сказал!

– Она мой друг. – Такэда подумал. – И ее очень легко обидеть.

Сухов сел, не сводя пытливого взгляда с безучастно рассеянного лица Толи, глотнул квасу.

– М-да... иногда ты меня поражаешь. Тебя еще что-то беспокоит?

Такэда выпил свой квас, помолчал.

– Беспокоит. Как случилось, что у вас в театре провалился потолок?

– Сцена, а не потолок. Провалился, и все. Наверное, поддерживающие фермы проржавели. Но я как раз ушел со сцены, надоело все, да и рука зачесалась так, что спасу нет.

Толя задумался, хмуря брови. Никита впервые увидел на лице товарища тень тревоги.

– То, что зачесалась рука, – символично, Весть говорила. Но то, что провалилась сцена... Неужели Они решили подстраховаться? Ну-ка, расскажи еще раз, как действовали эти твои «десантники» в парке.

– Зачем? – Сухов снова с внутренней дрожью вспомнил ледяной взгляд гиганта в пятнистом комбинезоне, его парализующее электроразрядами копьё, странный голос: «Слабый. Не для Пути. Умрешь...»

– Дело в том, что в тот вечер в парке был убит еще один человек. Тот многоглазый старик, который передал тебе Весть... – Такэда не обратил внимания на протестующий жест товарища, – вот этот самый знак в виде звезды, шел к убитому. Вестник шел к Посланнику, и их

убили обоих. Не смотри на меня как на сумасшедшего, я же сказал, в свое время я тебе все объясню, а пока пусть мои слова будут для тебя китайской грамотой.

Толя выпил еще один стакан кваса. Он был встревожен до такой степени, что его обычная невозмутимость дала сбой. И говорил он больше сам с собой, а не с приятелем, словно рассуждал вслух:

– Хорошо, что Они тебе не поверили, иначе действовали бы по-другому, но плохо, если решили перестраховаться и оставили черное заклятие.

– Что-что?! – Никита смотрел на друга во все глаза.

Такэда слабо усмехнулся.

– Вообще-то заклятие – это психологический запрет, играющий роль физического закона. А черное заклятие иногда называют печатью зла. Боюсь, ты не поверишь, даже если я попытаюсь тебе объяснить все остальное. Ладно, поживем – увидим. Не возражаешь, если у тебя еще посижу?

Никита ничего не имел против. Он был сбит с толку, озадачен и не знал, что думать о загадочном поведении Такэды и о его более чем странных намеках. И словно в ответ на мысли хозяина пятно на ладони отозвалось тонкими уколами-подергиваниями, распространившимися волной по всей руке до плеча.

Глава 3

Три дня Никита выдерживал характер: Ксении не позвонил, с Корневым не скандалил, с Такэдой разговора о загадочных «печатах зла» не заводил (хотя намек на тайну его заинтересовал всерьез), зато усиленно занимался акробатикой и готовился к демонстрации своего «фирменного» танца – чтобы предстать перед Ксенией во всем блеске профессиональной подготовки. На четвертый день позвонила мама и пожаловалась на то, что ей в очередной раз не принесли пенсию.

Сухов уже не раз выяснял причины подобного отношения почтовых работников, выслушивал их вранье насчет того, что заходили, но дома никого не застали, просил в следующий раз звонить дольше, извинялся и шел за пенсией с матерью, но тут его терпение лопнуло. К почтальону, который разносил пенсию, он не пошел, а направился прямо к начальнику отделения связи, молодому двадцатилетнему парню. И получил хамский ответ: «Пусть сама приходит, ноги не отвалятся».

Никита, типичное дитя постсоветского общества, давно привык к тому, что новые демократические власти полностью переняли привычки старой государственной системы работать *на отказ*, а не на удовлетворение человеческих потребностей, однако в быту сам редко сталкивался с социальными институтами типа милиции, почты, ЖЭО, телефонной сети, ремонтных и строительных организаций. Зато и никогда не комплексовал по поводу «развитого идиотизма» чиновников, зная, что словом доказать ничего не сможет, – чиновничья исполнительная рать реагировала только на звонок сверху, документ или грубую силу. На этот раз Никита озверел.

Он схватил начальника почты за ремень, приподнял и бросил на стул с такой силой, что тот чуть не рассыпался.

– В следующий раз, если снова придется идти на почту мне, разговор будет другой.

– Разговор этот произойдет раньше! – прошипел вслед белобрысый, модно одетый – в ядовито-зеленые безразмерные штаны и кожаную безрукавку – начальник, но Сухов не обратил на реплику внимания.

Матери он ничего не сказал, только пообещал, что все будет нормально.

– Калиюга в разгаре, – грустно сказала все понимающая мама, погладив сына по плечу. – Все изменяется к худшему, и нет лампы впереди.

– Калиюга – это что-то из индийской мифологии? – Никита повел мать к остановке трамвая.

– По представлениям древних индийцев, человеческая история состоит из четырех эр: критаяуги, третаюги, двапарюги и калиюги. Критаюга – благой век, длилась один миллион семьсот двадцать восемь тысяч лет... Тебе интересно? – Они остановились в тени тополя.

– Я когда-то читал, но забыл. Продолжай.

– Третаюга длилась один миллион двести девяносто шесть тысяч лет, и эта эпоха характеризовалась уже уменьшением справедливости, хотя религиозные каноны соблюдались и люди радовались жизни. Во времена двапарюги начали преобладать зло и пороки, длилось это восемьсот шестьдесят четыре тысячи лет. Ну, а калиюга... сам видишь: добродетель в полном упадке, зло берет верх во всем мире, войны, процветание преступлений, насилия, злобы, лжи и алчности... – Мама содрогнулась. – Грехопадение всегда ужасно, но в таких масштабах... Я, наверное, брюзжу?

– Нет, ты говоришь правду. – Никита поцеловал мать в щеку. – Это все, что ты знаешь о югах?

– Почти. Все эти «юги», как ты говоришь, составляют одну махаюгу, тысяча махаюг – одну кальпу, то есть один день жизни Брахмы, а живет Брахма сто лет.

– Долго-то как!

Мать засмеялась.

– Да уж, не то что мы.

– А потом? Ну, прожил Брахма, допустим, свои сто лет, что потом?

– Потом уничтожаются все миры, цивилизации, существа и сам Брахма. Следующие сто лет длится «Божественный хаос», а затем рождается новый Брахма. Что это ты вдруг заинтересовался? Отец оставил целую библиотеку по индийской и буддистской философии, но раньше ты ею пренебрегал. Вот твой друг-японец, тот все проштудировал.

Никита взглянул на часы.

– Он фанатик подобного рода литературы, мне это не дано. Ну, я побежал, ма?

– Беги. Только побереги себя, что-то мне тревожно.

Они расстались. Машина Сухова стояла без бензина, и мать уехала на трамвае, а он сел в метро и направился на поиски Ксении. Увидеть ее захотелось непреодолимо. А еще тянуло рассказать ей историю с убийством странного старика в парке и о передаче им знака в виде пятиконечной звезды.

«Символ вечности и совершенства»... Никита привычно взглянул на ладонь, вернее – на запястье, потому что звезда, оставаясь коричнево-розовой, как заживший ожог, переместилась уже на запястье, имея явное намерение погулять по руке. Она почти не беспокоила, разве что изредка отзывалась на какие-то внешние или внутренние раздражители вибрацией тонких ледяных укольчиков, но именно этот факт и заставлял сердце Сухова сжиматься в тревоге и ждать неприятностей.

В конце концов он решил объясниться с Такэдой, а если тот не сможет помочь – пойти к косметологу и попросить свести пятно с кожи.

На Тверской, в переходе, уже недалеко от студии Ксении Красновой, Никита стал свидетелем грязной сцены: двое молодых людей, неплохо одетых – в джинсы, кроссовки «Рибок» и черные майки, выхватили у инвалида, просящего милостыню, его картуз с деньгами и, не слишком торопясь, пересекли переход, не обращая внимания на возмущенные возгласы женщин и крик инвалида.

Обычно Сухов не вмешивался в подобные конфликты, считая, что этим должны заниматься соответствующие службы, да и в его характере была заложена готовность к компромиссам, хотя и до определенного предела: и отец, и мать сумели привить сыну чувства долга, чести и совести. Почему вдруг его потянуло на подвиг именно в этот момент, он не анализировал: вероятно, сработала еще одна черта характера – нередко он подчинялся настроению.

Парней он догнал на лестнице, задержал за плечо крайнего слева, белобрысого, с жирным затылком.

– Минутку, мальчики.

Реакция юношей свидетельствовала о том, что они хорошо отработали операцию отхода: оба рванули наверх и в разные стороны, сметая людей на пути, но тут один из них вместо родной «голубой» формы разглядел костюм Никиты и свистнул. Они сошлись и как ни в чем не бывало двинулись навстречу Сухову, поигрывая бицепсами.

– Чо надо, амбал? – спросил белобрысый, во взгляде которого невольно отразилось уважение: Никита был выше каждого из них на полголовы и шире в плечах.

– Верните деньги инвалиду, – тихо сказал танцор, чувствуя неловкость и какое-то злое смущение; он уже жалел, что ввязался в эту историю.

– Какие деньги? – вытаращился белобрысый. Его напарник, потемней, с длинными волосами, в зеркальных очках, сплюнул под ноги танцору.

– Вали своей дорогой, накатчик. Или, может быть, ты переодетый шпинтель, сикач ⁵?

⁵ Шпинтель – милиционер, сика ч – спецсотрудник (жарг. тюрем.).

Никита молча взял его за плечо, ближе к шее, и нажал, как учил Такэда. Длинноволосый ойкнул, хватаясь за плечо. Его напарник молча, не размахиваясь, ударил Сухова в лицо, потом ногой в пах. Оба удара танцор отбил, но в это время его ударили сзади, и все поплыло перед глазами, завертелась лестница, в ушах поплыл звон. Он еще успел заметить, что ударил его тот самый «инвалид», у которого воры отобрали выручку, дважды закрылся от ударов длинноволосого, но пропустил еще один удар «инвалида» и оглох.

Его били бы долго, если бы не вмешался кто-то из молча наблюдавшей за дракой толпы. Получив по удару – никто не заметил их, так быстро они были нанесены, – драчуны мгновенно ретировались с поля боя, и лишь потом Никита разглядел, что выручил его хмурый парень в костюме и при галстукке. Типичный дипломат.

– Спасибо, – пробормотал Сухов, держась за затылок.

– Не за что, мы делаем одно дело, – ответил «дипломат». – Идти сможете?

– Сможет, – появился из-за его спины Такэда. – Благодарим за помощь, мы теперь сами. –

Он наклонился над лежащим танцором, дотронулся до его затылка, озабоченно разглядывая окровавленную ладонь.

Сухов, напрягаясь, встал на четвереньки, и его вырвало. В толпе раздался женский голос:

– Да он пьяный...

Такэда помог Никите встать на ноги и повел по лестнице вверх, потом поймал такси.

– Может, тебя сразу в «Скорую»? Голова сзади разбита.

– Домой, – вяло ворочая языком, проговорил Никита. – Ты что, следишь за мной?

Такэда промолчал.

– Ну и зачем ты ввязался?

– Бес попутал. – Сухов потрогал забинтованную голову, покривился от боли. – Кто же знал, что они заодно? Какой в этом смысл? Делать вид, что отнимают... Или для эффекта – инвалиду после этого больше давать будут?

Такэда разглядывал свои ноги, о чем-то задумавшись. Время от времени он посматривал на хозяина, и во взгляде его надежда боролась с сомнениями.

Они сидели на диване в гостиной Сухова, пили кофе, смотрели новости и перебрасывались редкими фразами.

– Ты знаешь, меня раньше никогда не били! – криво улыбнулся Никита; в голосе его прозвучало удивление.

– Ничего, это исправимо, – рассеянно ответил инженер.

Сухов хмыкнул, оценив реплику. До сего времени, то есть до драки, он жил в своем мире, высоком мире искусства и музыки, спортзалов и театров, не пересекавшемся с миром улиц и подворотен, воровства и насилия, обмана и страха. Судьба и воспитание, устойчивый круг культурных отношений хранили его от множества неприятностей, и, попав в переплет, ожидая от окружающих другой реакции, он растерялся, вдруг осознав, что ничего не знает о жизни вокруг. И было жутко обидно, что вступился он за псевдоинвалида зря.

– Знаешь, а тот парень ничего. Хорошо бы найти его и пригласить в ресторан.

– Какой парень?

– Что помог мне. Странный только... по-моему, он меня с кем-то спутал, потому что сказал, что мы делаем одно дело.

Такэда насторожился.

– Так и сказал: одно дело?

– Так и сказал. А потом ты подошел. Ума не приложу, как тебе удастся вычислить меня.

– Если отвечу, не поверишь.

– А ты попробуй.

Такэда допил кофе, отобрал пустую чашку у Никиты и отнес поднос на кухню. Сказал, вернувшись:

– Существует система знаний, не основанная на познании и науке. Если хочешь, я один из ее адептов. – Сухов присвистнул.

– С ума сойти! А ты не темнишь, адепт? Уж не прицепил ли мне какую-нибудь электронную штучку вроде микропередатчика?

Такэда отреагировал на шутку друга с неожиданной серьезностью:

– Я – нет, Они – могли.

– Снова загадки? – Никита не имел намерений ссориться с Толей, поэтому спрашивал скорее риторически, зная, что Такэда все равно ответит лишь тогда, когда захочет. – Кто это – они?

– СС, – без тени усмешки ответил японец. – Я тебе уже говорил – это аббревиатура слов «свита Сатаны». Хотя кто опасней: они или эсэсовцы времен Отечественной войны – еще надо подумать. Я имею в виду тех самых «десантников» в пятнистых комбинезонах.

– А-а... – Никита поморщился, но язвить и высмеивать Такэду желания не имел. – Значит, по-твоему, они оставили... как ты там называл? «Печать зла»? И поэтому мне сегодня набили морду?

– Не уверен, что сегодняшней случай инспирирован ею, но не исключаю и такую возможность. Ты видел то, что не должен был видеть, и Они не могли не подстраховаться.

– А помог мне тогда кто? ЧК? НКВД? МБР? Молчишь? По-моему, все это чепуха! К тому же их главарь там, в парке, мне не поверил.

– Вот как? Ты мне ничего не говорил. – Открываться до конца Сухову не хотелось, было стыдно и обидно, слова «десантника» характеризовали его не с лучшей стороны, но Такэда никогда не смеялся над слабостями других.

– Он сказал что-то вроде: «Слабый. Не для Пути. Умрешь». В общем, абракадабра. Что за путь такой, почему я не для него – осталось тайной. Может, пояснишь?

– Может быть. Не сегодня.

– Не шутишь? – Никита изумленно оторвался от спинки дивана. – Ты знаешь, о чем речь? Эта фраза имеет смысл?!

– Эта фраза имеет страшный смысл! И в ней все правда, к сожалению. И что ты еще слаб, и что не создан для Пути, и что умрешь. Попытайся изменить реальность. Хотя... кто знает, может, не к сожалению, а к счастью? Ведь ты не собираешься никуда идти, менять образ жизни?

– Да с какой стати я должен что-то менять?! – взорвался Сухов, получил укол боли в затылок и сморщился. – Какого черта, Толя? Объяснишь ты мне все по-человечески или нет?

– Сегодня нет. – Такэда встал. – Пока не получу доказательств... того или иного. Если я прав – ты попал в очень скверную историю, и выпутаться из нее будет невероятно сложно. Если же нет... – Японец улыбнулся. – На нет и суда нет, как гласит русская пословица. Но я еще раз прошу тебя быть осторожней во всех делах, особенно на тренировках, в театре, транспорте. Остерегайся случайных знакомств и конфликтов, не затрагивающих тебя лично. О'кей?

Никита с интересом разглядывал лицо друга, ставшее вдруг твердым, напряженным и чужим.

– Психоразведка, говоришь? – Такэда не улыбнулся в ответ.

– Психоразведка.

– «Печать зла»?

– Или «След зла», как угодно. Не ухмыляйся, это очень серьезно, очень, вплоть до летального исхода. Потерпи маленько, я тебе все объясню... если вынудят обстоятельства. В настоящий момент чем меньше ты знаешь, тем лучше для тебя. Но помни: тогда в парке убили двоих. Двоих, понимаешь? Вспышки и грохот помнишь? Это убивали первого, еще до того старика.

Один человек – весть, как утверждал классик ⁶, два – уже вторжение. Не дай Бог попасть тебе в круг устойчивого интереса... скажем, неких темных сил. Хотя первый шаг, увы, ими уже сделан. – Такэда кивнул на руку Никиты с темнеющей звездой «ожога». – До завтра, Кит. Я бы тебе все-таки посоветовал заняться борьбой, кунгфу там или айкидо, в дальнейшем это может здорово пригодиться.

Хлопок ладони по ладони, и Такэда ушел. Но не успел Сухов углубиться в анализ их разговора, как в прихожей прозвенел звонок. Наверное, забыл что-то, подумал танцор, считая, что вернулся Такэда. Но это была Ксения.

Изумление Никиты было таким искренним, а радость – такой очевидной, что гостья засмеялась.

– Не ждал? Или уже слишком поздно? Я молоко принесла. – Тут Ксения заметила бинт, следы драки на лице танцора и перестала смеяться. – Что с тобой?! Попал в аварию?

– Свалился со стула, – пошутил Никита, отбирая у девушки сумку. – Проходите, Ксения Константиновна. Мы тут с Толей только что плюшками баловались и кофе пили, могу и вас напоить.

Художница, в сарафане, подчеркивающим фигуру, и плетеных туфлях-сандалиях, впорхнула в гостиную, тревожно оглядываясь на идущего следом хозяина. Никита вспомнил индийский миф о Тилоттаме ⁷. Она была так прекрасна, что, когда впервые появилась перед богами, Шива сделался четырехликим, а на теле Индры проступила тысяча глаз. Ксения выглядела столь же великолепно, как и Тилоттама, и снова сердце Никиты дало сбой: он еще не верил, что такая красота не принадлежала никому, и от мысли, что кто-то имеет на нее больше прав, настроение упало. Оно упало еще больше, когда по ассоциации с Индрой вспомнились глаза на теле несчастного старика, убитого «десантником» в парке. «Вестник»... Что за весть он нес? И кому? Уж не этот ли знак в виде звезды?!

Сухов невольно обхватил левой рукой запястье правой. Ксения поняла этот жест по-своему:

– Болит? Бедненький! Давай полечу. Толя говорил, что у меня задатки экстрасенса. Он не рассказывал? – Девушка усадила хозяина на диван и стала разглядывать звезду на руке, изогнув бровь, в недоумении; веселость ее как рукой сняло. – На синяк не похоже... ожог? Но почему такой идеальной формы? Звезда... символ вечности и совершенства. Странно!

Никита отдернул руку и понес молоко на кухню, крикнув:

– Сейчас приготовлю кофе, посиди минутку. Вина выпьешь? У меня есть «Киндзмарули» и миндаль.

– Не сегодня, Ник. Не обижайся, ладно? Я на минутку забежала, к бабушке еще надо зайти.

– Я провожу, – заверил Никита, а в ушах снова и снова звучали слова Толи: «Один человек – весть, два – уже вторжение». Кто же был тот второй, убитый в парке первым? И почему Такэда придает этому такое значение? А главное, почему связывает те события с ним, акробатом и танцором, ни сном ни духом не помышляющим о каком-то там пути?..

Они пили кофе с молоком, шутили и смеялись. Ксения уже успокоилась, хотя иногда на ее чело набегало облачко задумчивости. Она рассказала Никите, что Толя вычислил по Пифагору ее священные числа – двойки, и у нее их осталось целых три.

– Он говорит, что это знак высоких экстрасенсорных способностей и биоэнергетики, – смеясь, сказала художница. – И знаешь, я ему верю, ведь его числа – три восьмерки – видны самым натуральным образом.

⁶ Урсула ле Гуин.

⁷ Тилоттама – одна из апсар, полубожественных женских существ, живущих преимущественно на небе.

– У меня тоже видны. – Никита с улыбкой оголил плечо и показал четыре маленькие родинки, похожие на цифру семь. – Как видишь, и я в свою очередь меченый, так что... – Сухов споткнулся, заметив, как побледнела Ксения. – Ты что?!

Девушка закусила губу, попыталась улыбнуться.

– Не обращай внимания. Но этот знак...

– Знак ангела, если верить Оямовичу.

– Странно...

– Что странно? Не хватало, чтобы и ты тоже изъяснялась загадками. Давай лучше поговорим о чем-нибудь приятном. Ты, кстати, обещала рисовать мой портрет.

Девушка продолжала смотреть на него с сомнением, будто что-то решая про себя, но так ничего и не решила.

– Завтра приходи в студию, если свободен. – Она встала. – Чао, меченый, береги себя.

– Я провожу.

– Куда ты с такой головой?

В словах гостьи таился какой-то иной смысл; и Никита, уловив его, прищурился.

– Вот тут ты права, голова – мое слабое место, к тому же чуть-чуть бо-бо. И все же я тебя провожу.

Ксения уехала на троллейбусе, отказавшись ехать на такси. Никита медленно побрел домой, размышляя над ее странным поведением, словами, жестами, испугом, имеющим какой-то конкретный смысл, но неясный пока для него. Думал об этом он и когда ложился спать, пока не позвонили сразу трое, один за другим: мать, Такэда и Ксения, – с одним и тем же вопросом: все ли у него в порядке? Сначала он разозлился, потом развеселился, обозвал всех троих перестраховщиками и уснул в полной уверенности, что утро вечера мудренее.

На следующий день Никита не пошел с утра на репетицию, позвонив Кореневу и сказавшись больным. Выслушивать неискренние соболезнования балетмейстера не стал, отрубив: «Всего доброго». Мысль уйти из труппы, принять предложение Ванфельда, балетмейстера классического балета, поучаствовать в конкурсе с выходом на Большой театр – завладела им целиком. Но облегчения эта мысль не принесла. Что-то мешало Никите жить просто, как он жил до событий в парке, дышать свободно и легко и не заботиться о последствиях своих шагов.

Неприятный осадок от вчерашних событий, а также намеков Такэды, не проходил, бередил душу, засел в памяти занозой дискомфорта.

Позанимавшись без особой охоты на снарядах в спортивном углу спальни, Сухов принялся разглядывать сползшую за ночь ближе к локтю звезду, гадая, что же это все-таки такое. Предположение, что это пресловутая «печать зла» – со слов Такэды, едва ли было верным, и все же в звезде скрывалась какая-то зловеющая тайна, тем более что появилась она совершенно необычным способом. «Весть», – сказал Толя. Что за «весть»? От кого? Кому? О чем?..

– О чем? – повторил Сухов вслух, дотрагиваясь до коричневого пятна на коже. И получил ощутимый – не электрический, хотя и близкий по действию, ледяной парализующий разряд, пронзивший руку до плеча, проникший дальше в шею, а оттуда – в голову. Рука занемела, а в голове долго не утихало гулкое бронзово-бархатное эхо, словно она послужила неким колоколом, по которому ударили деревянным молотом.

– Разрази меня гром! – пробормотал Никита, озадаченно глядя на звезду. – Лучше тебя не трогать.

Подумал: надо посоветоваться с врачом. Может, действительно пойти к косметологу и срезать? Или сначала посоветоваться с Оямовичем?

Проделав обычные водные процедуры, позавтракав и сходяв в магазин, Никита продолжал ощущать в груди какое-то стеснение. Тревога не проходила, пока не переросла в настоящую панику. Ничего подобного танцор никогда не ощущал, вины за собой никакой не видел,

причин тревоги найти не мог и в конце концов решил, не откладывая в долгий ящик, что проконсультируется по данному поводу с психиатром, маминым приятелем; когда-то они дружили семьями. Правда, тут же пришла другая идея: съездить в Кунцево, купить кое-что из деталей к машине в местном автоцентре. Там работал приятель, который всегда ремонтировал суховский «аппарат», как он выражался.

Сняв с головы повязку и пощупав здоровенную гулю на затылке («Чем это он меня саданул?! Гантелью, что ли?»), Никита переделся во все черное – черные костюмы и рубашки ему шли – и вывел из гаража машину: у него была вазовская «сотка».

До разъезда на Кунцево добрался за полчаса: сдерживали не столько светофоры и ремонты дороги, сколько собственные мысли. В машине дышалось легче, тревога отступила, хотя странное ощущение неюта осталось. Впечатление было такое, будто кто-то невидимый сидел в машине, на заднем сиденье, и дышал в затылок. Сухов даже оглянулся дважды, с трудом заставив себя собраться с мыслями и думать о приятном.

А на выезде с Кольцевой на Кунцевскую трассу у машины лопнула правая задняя шина. Руль Никита почти удержал, хотя машину со страшной силой повело влево – на скорости под восемьдесят километров в час, но от столкновения это его не спасло: следовавший по соседней полосе со скоростью сто двадцать километров «Форд» ударил «сотку» в левую скулу и выбросил ее в крайний правый ряд, где на нее аккуратно наехал старенький джип с компанией подгулявших парней.

«Форд» не стал останавливаться, лишь увеличил скорость и скрылся на подъеме, а компания в джипе живо напомнила о себе, посчитав виновником столкновения Сухова. То ли они не видели, что произошло перед этим, то ли были подогреты зельем в баре.

Не успел Никита сообразить, в чем дело, порадоваться, что остался жив, и ужаснуться тому, что случилось, как двое парней выволокли его из кабины с криками и ругательствами и принялись избивать. Оглушенный двойным столкновением, танцор не сразу пришел в себя, и ему крепко наkostenяли по спине и незажившей еще голове, пока он не начал инстинктивно сопротивляться. Один раз очень удачно провел бросок через бедро – усатый недоросль с воплем свалился под откос, другой раз сильный толчок Никиты опрокинул коротко стриженного здоровяка, но все же досталось и ему крепко – в основном когда били в спину и по ногам.

Затем ураган ударов стих и крики умолкли: трое драчунов покатались в разные стороны, словно их раскидал ураган. Никита, щуря заплывший левый глаз, сквозь кровавый туман разглядел неожиданных защитников. Трое молодых людей, очень сильно смахивающих на бандитов, бежавших из колонии усиленного режима, делали свое дело, то есть били обидчиков танцора – умело и быстро. Закончив, переглянулись и направились к своей машине, старой «Волге» с побитыми стеклами. Один из них оглянулся, и показалось Никите, что он подмигнул.

«Волга» отъехала, и в тот же момент подкатил на чьей-то «Таврии» Такэда. Никита хмыкнул.

– А ты как тут оказался, Абдулла?

– Стреляли... – мрачно отозвался Толя, провожая взглядом удаляющуюся «Волгу». Потом оглядел растерзанную физиономию танцора. – Эк они тебя! Говорил же – займись кэмпо... Что тут произошло?

Сориентировавшиеся драчуны полезли было в бой снова, благо добровольные защитники Сухова исчезли, однако Толя быстро утихомирил их, уложив штабелем у дверцы автомобиля, которую открыл шофер джипа; вступить за приятелей парень не решился.

– Ну? Рассказывай.

Никита сел на бордюр, ноги его не держали, и коротко поведал историю столкновения. Перестав массировать глаз, взглянул на Такэду, который дважды обошел «сотку», заглянул под машину.

– Что, опять твоя пресловутая «печать зла»?

– Поехали домой?

– А колесо поставишь? Но надо же... милицию дожидаться... ГАИ.

– Поехали, ничего мы им не докажем. – Такэда подошел к водителю джипа. – Убирайтесь отсюда, и побыстрее, если не хотите платить штраф и лишиться прав.

– Конечно, конечно, – заторопился водитель, худой, тонкий, суетливый от страха. – Я что, я могу и деньги дать, я же не... в общем, не успел.

– Проваливайте.

Джип, дребезжа и стреляя глушителем, укатил. И пока длилось все это действие, на трассе остановилась лишь машина, в которой ехали похожие на бандитов защитники танцора, остальные равнодушно проскакивали мимо.

Такэда отослал «Таврию», сменил лопнувшее колесо, сел за руль «сотки», включил двигатель, и они тихо поехали обратно к центру города.

– Можешь верить или не верить, – нарушил молчание инженер, загоня помятый автомобиль в гараж, – но «печать зла» увеличивает вероятность неблагоприятного исхода любых действий того, на ком она поставлена. Если бы ты вчера меня послушал...

Никита жестом прервал Толю.

– Вчера не догонишь, а от завтра не уйдешь. Хватит об этом. Обещаю тщательно рассчитывать каждый свой шаг. Доволен? И борьбе пойду учиться, если найдешь хорошего тренера.

Такэда посмотрел на него недоверчиво, с интересом. Качнул головой.

– Видать, сильно тебя долбанули, если ты и на тренинг согласен.

– Просто не люблю, когда меня лупит разная шпана. Идем кофе пить и лечиться. Массаж сделаешь?

Толя молча пошел вперед. Он думал, что время тренинга для Никиты еще не пришло. Пусть разведка (психоразведка, точнее) убедится, что ее подопечный ни о чем таком, вроде Пути, не думает, продолжая жить так же, как и до встречи с Вестником. Пусть «печать зла» разрядится на мелкие дела и ловушки, а тогда можно будет подумать о большем. Если только танцор согласится принять Путь. И если у императив-центра СС не останется ума перестраховаться еще каким-нибудь образом...

Глава 4

Каждое утро Такэда начинал с отработки дыхания и тао – повторения комбинаций из нескольких десятков движений, присущих технике айки-дзюцу. Он знал около шестидесяти тао, но упорно тренировал новые, планируя довести счет до сотни комбинаций: именно столько должен знать мэнкё – мастер высшего класса, если хочет быть не просто сэмпаем – старшим инструктором, но и организовать свою школу.

В свои тридцать два года Такэда успел овладеть не только айкидо и кунгфу, отметив свой путь борца званиями чемпиона Европы, России и Азиатских игр, но и уникальными приемами боя нин-дзюцу, о чем знал только его отец, сам в прошлом великолепный боец, да те немногочисленные поклонники «чистых рас», пытавшиеся вколотить в голову Тоявы свою науку. Однако занятия борьбой не стали для него самоцелью и главным делом жизни, его больше влекла психология и философия древних цивилизаций: тибетской, индийской, китайской, и Такэда отдался увлечению со всем пылом нерастраченной души, решив пройти путь Дао до конца. Но будучи сыном своего века и своей страны, коей стала для него Россия, Такэда родился и жил, как и все его друзья других национальностей, приняв российский уклад, быт и законы, не потеряв при этом и традиционные черты характера японца: трудолюбие, выдержку, организованность, дисциплину, – и его понятия о чести, родстве, любви, эстетических чувствах и готовности к безоговорочному подчинению.

Окончив Технический университет имени Баумана, имея блестящие математические способности, Такэда не поддался торгово-делочному безумию, характеризующему социум страны, хотя и мог бы выйти в преуспевающие бизнесмены. Имея твердое убеждение, что познание само по себе намного интереснее и важнее признания, он устроился в Институт электроники и стал инженером-исследователем, дважды отказываясь от повышения: личную свободу он ценил выше, чем возможность руководить другими.

Посланник Соборной Души Веера Миров, как он себя называл, вышел на Такэду, когда тому исполнилось тридцать лет. Видимо, уже тогда инженер был достаточно подготовлен, чтобы поверить Посланнику и принять его предложение. С тех пор он стал НСИ – Наблюдателем статистических изменений, находя в этом занятии истинное удовольствие и... испытывая глубокую тревогу, потому что ясно видел, к чему идет история Земли. А также история Вселенной, в которой Земля родилась как планета и которая представляла собой одну из колоссального количества пластин-слоев Веера Миров...

Знал бы обо всем этом Сухов, мельком подумал Такэда, растираясь полотенцем перед зеркалом после душа. Усмехнулся – дрогнул уголок губ, стер усмешку. Знал бы танцор, в какую смертоносную историю попал!

Тогда в парке функционеры СС, рядовые оруженосцы Сатаны, исполнители воли Синклита Четырех, убили сначала Посланника, а потом Вестника, и не вмешайся Никита... Не вмешайся меченый Сухов, неизвестно, чем бы все это обернулось. Но, видимо, – судьба! Весть теперь у него. У обычного человека, физически сильного, но неумелого, духовно не защищенного, в меру смелого, но привыкшего жить по стандарту и не желавшего менять образ жизни. Да, он не создан для Пути Посланника, это заметно. Хотя... кто знает? Может быть, не все так безнадежно? Силу духа можно ведь и укрепить, а способности развить, если знать – как. Во всяком случае, задатки у него есть, такого танцора днем с огнем не сыскать! А что нужно еще, чтобы стать Мастером, кроме наивысшего совершенства в своем деле? Пусть даже дело это – танец...

Позавтракав: тэмпура, рис моти-гомо, охаги ⁸ и кофе, Такэда привычно включил в рабочей комнате, она же гостиная, – жил он в двухкомнатной квартире в районе Останкино, на двенадцатом этаже, – персональный комп и выбил на клавиатуре: «Привет, Айбизм-сан».

По экрану дисплея поползли строчки проснувшегося компьютера (фирма IBM, пятьсот мегабайт): «Доброе утро, Наблюдатель. Какие новости?»

– Плохие, – буркнул Такэда, устраиваясь в кресле.

Полчаса он работал на компьютере, включенном в общую информационную сеть технических институтов и вузов, пока не убедился во вчерашнем выводе, что поле искажений социума медленно, но неотвратимо увеличивается. Негативные изменения из сфер социальных отношений – рост преступности и наркомании; политики – войны, конфликты, национальное обособление; и экономики – падение жизненного уровня во всех без исключения странах, даже самых развитых, переползли в сферы медицины: СПИД, генетические заболевания, раковые, психические принимали все больший масштаб; и культуры: теле– и киноэкраны захлестнул поток порновидео и сцен насилия, оттеснив талантливые произведения, авторы которых достигли высот искусства.

– Ясно, – пробурчал Такэда, сбрасывая файл. – Видимо, дружище, только мы с тобой и следим за Процессом падения на Земле, никому до него больше нет дела, все живут одним днем.

Инженер ошибался. За Процессом падения, как он говорил, или за процессом регрессии в данном хроноквантовом слое Веера Миров, следило множество глаз, в том числе и не принадлежащих людям. Многие из этих существ анализировали происходящее точнее, шире и глубже, чем это делал Такэда, и не только делали выводы, но и принимали соответствующие меры.

– Ну а как там наш танцор?

Компьютер получил новые данные о происшествиях с Никитой Суховым, две минуты думал, наконец выдал информацию:

– Ситуация под контролем, причем двойным. Намечаются слабые тенденции к *сползанию*. Прогноз негативной линии – один к пяти.

«И на том спасибо, – подумал Такэда. – Я тоже понял уже, что кто-то его подстраховывает, помимо меня. Неужели Собор заинтересовался его личностью? Или он просто отработывает мое сообщение?»

Толя включил рацию, и в комнате тихо засвистел сигнал маяка, микропередатчики которого в виде незаметных иголок были вколоты в одежду танцора. Компьютер, запрограммированный специально на поиск местонахождения Сухова по карте Москвы, всегда мог с точностью до десятка метров сообщить, где находится его подопечный. В данный момент Никита ехал в машине по центру города в направлении к телестудии.

«Будь внимательнее», – выбил инженер на клавиатуре, хотя комп и так делал все, что зависело от программы. Он уже дважды давал сигнал опасности, в результате чего Такэда успевал прибыть к месту очередного происшествия в считанные минуты. Правда, все-таки позже неизвестных благодетелей, успевавших прийти на помощь Сухову с удивительной точностью, зато раньше милиции.

Пора было заниматься ханами ⁹ и собираться на работу, но Тоява медлил. Что-то ему не нравилось. Появилось неприятное чувство забытой обязанности, томление, желание оглянуться. И еще показалось, что в комнате что-то изменилось.

⁸ Тэмпура – мясо и овощи, жаренные в тесте; мот и-гом о – сорт риса; охаг и – колобок из вареного риса, покрытый сладкой пастой из вареных бобов.

⁹ Ханами – любование цветами, ритуал, почти обязательный для японца.

Внутренне собираясь, Такэда скользнул взглядом по обстановке комнаты: стол, четыре стула, два кресла, книжные полки, шкаф, компьютер, принтер, сейф... две картины в стиле сэйгаку на стене, календарь... зеркало... все на месте... Зеркало!

Такэда стремительно прыгнул к шкафу, выхватил нунчаки, со свистом провел вокруг себя два круга защиты, зажал нунчаки под мышками, медленно подошел к зеркалу, в котором отражалось все, кроме самого хозяина. Зеркало слепо смотрело на инженера, и было в этом взгляде нечто, отчего Такэда покрылся холодным потом. Инстинкт сработал раньше, чем он сам понял, в чем дело.

Взметнулись нунчаки: правый сбил на лету выплунутый зеркалом острый, зазубренный кусок стекла, левый врезался в зеркало, еще до удара зазмеившееся трещинами. Звон, грохот, стон... стон! Осколки стекла, кривые, как ятаганы, посыпались на пол, крепления зеркала вылетели из гнезд, рама треснула и разлетелась в щепы!

Обессиленный, чувствуя, как по телу бегут струйки пота, Такэда стоял над кучей стекла и разбитых деревянных планок и... в голове вертелось только одно слово: «Нашли!..»

Но как, почему, с чьей подачи? Или он прав – психоразведка? Подстраховочная кампания СС? Скорее всего, так оно и есть: «печать зла» действует на все объекты, попавшие в поле зрения *заклятия*, наложенного на объект опеки. Поскольку объектом опеки в данном случае является Никита Сухов, это означает, что все его друзья, родные, знакомые находятся в «круге устойчивого интереса» «печати». То есть всем им грозит опасность. И Ксении тоже...

– Набил тут стекла, – сказал с осуждением Такэда и сам же себе ответил: – Гомон кудасай¹⁰.

В дверь позвонили. Тоява оценивающе глянул на нунчаки, кивнул, успокаиваясь. *Внедрения* готовятся заранее, вряд ли два спланированы сразу одно за другим.

За дверью стоял Сухов с заклеенной пластырем физиономией.

– Ты что, тренировался? – поинтересовался танцор, глядя на то, что минуту назад было зеркалом. Взгляд Никиты скользнул по нунчакам, потом по лицу хозяина. – Что случилось, Оямович? У тебя вид, будто ты ждал налоговую инспекцию.

– Собираюсь на работу, – буркнул Такэда, отступив в прихожую. То, что произошло, называлось *внедрением*, но Сухову знать это пока не нужно. Если СС вцепилась, уйти от следующего «появления души» у мертвых предметов будет труднее. Как правило, никто не ждет никаких каверз от знакомых с детства вещей...

– Не обращай внимания, – добавил Толя. – Я случайно зацепил нунчаками зеркало. Сейчас умоюсь, и ты отвезешь меня в институт.

– Отвезу... а откуда ты знаешь, что я на машине?

– Бензином воняешь.

Такэда ушел умываться, а Никита, сказав ему в спину: «Да?» – прошел в комнату с компьютером, разглядывая грудку зеркального стекла на полу. Один из осколков мерцал голубовато-льдыстым светом и выглядел угрожающе живым, но, пока танцор протирает глаза, свет исчез, осколок выпал из общей кучи и рассыпался в пыль.

«Показалось», – подумал Никита, озираясь.

Гостиная Такэды недвусмысленно говорила о национальности владельца квартиры: циновки-татами на полу; холодное оружие вместо традиционных кукол на всех полках, шкафах, телевизоре, компьютере, на столе и на стенах; эстампы с видами Фудзи и поединками самураев; цветы вдоль стен в специальных длинных ящичках. И множество книжных полок, повешенных на стенах таким образом, чтобы создавались традиционные японские токонома – ниши, в которых также лежали ножи, этикетки и кинжалы. В глубине одной из ниш висел свиток с японскими иероглифами – какэмоно.

¹⁰ Извините, пожалуйста (яп.).

Все это Никита знал давно и тем не менее, попадая в дом Такэды, не мог не любоваться его убранством, своеобразной эстетикой и чистотой.

– Я есть хочу, – заявил он подошедшему сзади Толе. – И пить. И музыку послушать, твою любимую – с шумом ветра. У тебя найдется что перекусить?

– Обойдешься. Я всегда считал, что ты не воспитан по формуле: хочу все сразу и сейчас. К тому же я тороплюсь.

– А я нет.

– Надо же! – Голос Такэды сделался неприятным. – Оказывается, есть люди, которые никуда не спешат.

Никита внимательно посмотрел на него.

– Да что произошло, Толя? Ты явно не в себе.

– Извини. – Такэда взял себя в руки. – Поехали, по дороге расскажу.

Но в машине он молчал и думал о своем. Сухов не приставал с расспросами, это позволяло заниматься самоанализом и не раздражало. Высаживая Такэду на проспекте Черепанова, танцор сказал с неуверенностью:

– Знаешь, я решил радикально изменить ритм жизни.

Такэда оглянулся через плечо, не спеша захлопывать дверцу, ожидая продолжения.

– Хочу попробовать себя в классическом балете. Как ты думаешь, я смогу там чего-то достичь?

– Сможешь. Только это не есть радикальное изменение жизни. Я тебе советовал, что делать.

– Я сам могу решить, что мне делать, – с прорвавшимся вдруг высокомерием произнес Никита. – И в советах не нуждаюсь. Мне, между прочим, двадцать шесть лет, и ты мне в няньки не годишься.

– Ну-ну, – сказал Такэда, все еще медля. – И куда же ты сейчас направляешься, если не секрет?

– Мой день принадлежит мне. – Сухова несло дальше, хотя едва ли он сам понимал, почему и на кого злится.

Такэда покачал головой, лицо у него погрузнело.

– Твой день послезавтрашний, меченый. И хорошо, если бы ты до него дожил. Как рука? Звезда не беспокоит?

Никита, на которого будто вылили ушат холодной воды, опомнился, глянул на правую руку: коричневый «ожог» в форме пятиконечной звезды переместился уже на предплечье. Вспомнился «удар холодом», которым ответила звезда на прикосновение, душу на мгновение заземил страх.

– Что все-таки это такое? Скажешь ты наконец или нет?

– «Зарытый» в шумах сигнал, – Толя усмехнулся, – говоря научным языком. А вообще – Весть. Когда-нибудь проявится. А может быть, и нет. Терпи. И не показывай ее никому без надобности. Вот еще что. – Такэда поднял руку, предупреждая возражение танцора. – Бери Ксению и уезжай с ней на юг, недели на две, все равно куда. «Печать зла» действует и на нее, пока ты жив. Думаю, за тысячи километров от столицы она потеряет силу. Не могу же я все время подстраховывать обоих сразу. Звони.

Он ушел. А Никита остался сидеть в машине с ощущением, будто ему врезали по больному глазу.

В два часа дня он с недоумением разглядывал повестку в милицию, только что вынутую из почтового ящика. Прочитал еще раз: «В случае неявки взимается штраф в размере двух тысяч рублей». Хмыкнул. Такой суммой можно было бы и пренебречь, но Сухов был законопослушным гражданином своей страны и конфликтовать с властью не хотел.

В два сорок он подкатил в райотдел милиции, осведомился у дежурного, где находится комната под номером одиннадцать, и зашел.

Комната оказалась небольшой, уютной, со стенами, окрашенными голубой масляной краской, по которым были развешаны плакаты с рекламой боевого самбо и фото машин производства АЗЛК. Стол, шесть стульев, сейф и книжный шкаф радовали глаз чистотой и простотой линий. Портрет Феликса Эдмундовича дополнял эстетическое убранство кабинета.

За столом с работающим вентилятором сидел лысый мужчина средних лет, с лицом бледным и болезненным. Губы на этом лице почти не выделялись, зато нос поражал величиной и формой. Покатые плечи, пухлые руки, штатский костюм (пиджак – в такую жару?!), зеленая рубашка со сползшим галстуком. «Господи, в какую эпоху я попал?» – с недоумением подумал Никита. Но вслух сказал:

– Я по поводу повестки. Видимо, здесь какая-то ошибка...

Хозяин кабинета молча взял повестку, поискал что-то в куче бумаг, вытащил три серых листа с каким-то текстом, прочитал и поднял на Никиту водянистые, без выражения, глаза. Голос у него оказался хриплым и мокрым, будто он вот-вот начнет отхаркиваться.

– Документы!

Никита протянул паспорт.

Лысый мельком взглянул на портрет владельца документа, отложил паспорт в сторону.

– Вы обвиняетесь в дебоширстве, учинении драки в уличном переходе, столкновении с машиной известного дипломата, наезде на автомашину коммерческого объединения «Валга» и нанесении побоев двум его работникам.

– Что?! – Никита не поверил своим ушам.

– Хватит на то, чтобы сесть по двум статьям на срок от трех до пяти лет. У вас есть смягчающие вину обстоятельства?

– Но это неправда! – возмутился Сухов, справившись с изумлением. – При чем тут моя вина? Я ни в чем не виноват.

– Да? – удивился сотрудник райотдела и вдруг, побагровев, заорал: – Ты мне здесь невиноватика не строй! Знаем мы таких тихих! Балетчик! Привык небось плевать на закон. Каждый день новая баба, машина, бары, рестораны, коньяк... Нет, скажешь? Я вас всех, танцоров, знаю как облупленных. Живете, не считаясь...

Бац! – ладонь Никиты хлестко ударила по столу. Лысый отшатнулся, мгновенно замолчав, тупо глянул на стол, потом на руку Сухова, оценив ее размеры, мышцы. Потянулся было к кнопке звонка, но передумал.

– Прекратите истерику, – проговорил Никита тихо. – Ни фига вы не знаете, как живут танцоры. Это первое. Ни в чем я не виноват, это второе. Разговаривать я с вами буду только в присутствии адвоката, это третье. Достаточно?

– Вполне, – как ни в чем не бывало ответил лысый. – Садитесь, уточним... э-э... некоторые детали.

Никита невольно засмеялся, махнул рукой и сел.

Дальнейший разговор протекал без инцидентов, криков и угроз, хотя старший оперуполномоченный не отличался ни умом, ни эрудицией, ни другими качествами интеллигентного человека. Был он дуб дубом и хорошо знал только уголовный кодекс и бандитскую среду. В заключение, перейдя на «вы», он доверительно сообщил:

– Но если обвинения в ваш адрес подтвердятся, мы вас и под землей найдем. А тем более если вы снова отмотите какой-нибудь фокус вроде драки. Так что сушите сухари.

Никита вышел молча, хотя его душил гнев и горячее словцо готово было сорваться с губ. Однако, выйдя из райотдела, он поразмыслил и сделал вывод, что легко отделался. По рассказам бывалых людей, попасть в милицию было легко, а вот выйти – очень непросто. Что-то здесь было не так. Такие обвинения и угрозы не произносятся зря, а объявив – добиваются признания

факта, чтобы завести уголовное дело. Найди они свидетелей – Сухову очень трудно было бы оправдаться. Но... что-то не клеилось. Или, наоборот, все прошло как надо, его решили попугать, и это удалось. Но зачем? Зачем его пугать?

Стоп!

Сухов замедлил шаг, глядя сквозь прохожих остановившимся взглядом. Уж не является ли этот странный вызов без последствий отголоском «печати зла»?! Никита качнул головой, отгоняя наваждение, обозвал себя в душе слабохарактерным, впечатлительным мистиком и поспешил к метро. Через полчаса он входил в мастерскую Ксении.

Сердце вдруг забилося часто и сильно, будто он бежал. А при виде склонившейся над мольбертом художницы – она работала над пейзажем – пришло страстное двойственное ощущение: его ждали и не хотели видеть одновременно! Чувство это все чаще приходило к Никите, и он даже как-то задумался о причине этой странности, но мастерская Красновой не способствовала самоанализу, мысли свернули в иное русло.

Он тихонько прошел за ее спиной в угол, где стояли столик, два кожаных кресла и вешалка, сел в одно из них и принялся разглядывать профиль девушки.

На ее лицо, когда она работала, хотелось смотреть не отрываясь, как на огонь костра или дождь. Когда она работала, то превращалась из феи приветливой доверчивости в фею милой сосредоточенности, и по лицу ее тихо бродили отголоски мыслей и чувств, переживаемых в данный момент. Никита мог часами наблюдать за ней, теряя счет времени, готовый убить всякого, кто посягнет на это существо, способное превращать безотрадное – в красивое, серость – в яркую многоцветность...

Одета Ксения была в голубой комбинезон, не скрывающий восхитительных форм тела. Волосы она заплела в косу, которая тяжелой короной украшала голову, открывая длинную шею с серебряной цепочкой на ней. В мочках ушей поблескивали серебряные сережки с сердоликом в форме листика березы. На среднем пальце левой руки – перстень с таким же камнем. Неброско, просто, но в этой простоте скрывался некий шарм и тонкий изыск, свойственный только истинному художнику – не в смысле профессии, в смысле свойств природы.

– И долго ты намерен так сидеть? – раздался волнующий голос девушки.

– А? Д-да... – промямлил застигнутый врасплох Никита.

Ксения оглянулась. В глазах улыбка, лукавые искры, приветливость и готовность выслушать любое известие. Повинуясь зову интуиции, Никита подошел к ней и молча поцеловал в полураскрытые пунцовые губы, ответившие на поцелуй с неожиданно нежной силой. Минута длилась долго, а тишина в мастерской была такая, что ощущалось кипение крови – в губах, сердце и руках, сжимавших девичьи плечи. Затем, снова повинуясь властному зову интуиции, Никита разжал объятия, оторвался от Ксении и отступил на шаг. Девушка смотрела на него без улыбки. Глаза ее стали огромными, глубокими, и радость в них соседствовала с сомнением.

Никита стиснул зубы, отступил еще на шаг. Снова это загадочное сомнение, что и в глазах Толи Такэды. Ах, друзья мои, приятели, откуда же эти сомнения? Что вы такого видите во мне, что позволяет вам сомневаться?

– Надо же, – все тем же спокойным низким голосом произнесла девушка, – на двадцать седьмой день знакомства ты наконец соизволил поцеловать меня. Я думала, ты смелей.

– Ну что ты, я такой неуклюжий и робкий, – пробормотал Никита.

Девушка засмеялась, и напряжение ушло, разрядившись смехом. Но вкус поцелуя остался на губах и в памяти. Сравнить его было не с чем, ничего подобного Никита не переживал раньше, хотя и целовал девушек прежде. Как сказал бы Толя Такэда: счастье выпадает тому, кто его не ждет.

– Я пришел жаловаться, – продолжал танцор, с жадной робостью впитывая смех девушки и свет, исходивший от ее лица. – Понимаешь, вокруг меня что-то происходит, какие-то скрытые силы жонглируют событиями, а я лишь изредка ощущаю их присутствие. Плюс вот это. –

Танцор кивнул на руку, закатав рукав рубашки над локтем, где красовалась звезда. – Подарок судьбы. Весть, как выражается Толя.

– Болит, мешает?

– Не мешает, но... действует на нервы. – Никита вспомнил реакцию пятна. – А стоит на него надавить, и...

Знакомый холодный разряд проколол руку от звезды до шеи, вонзился в затылок, растекаясь парализующим холодом по всему телу, заставил дрожать пальцы и губы. Раздался чей-то грохочуще-гулкий голос, показалось, в костях тела, позвоночника, в черепе произнес фразу на каком-то тарбарском языке, стих. И все прошло. Осталась только слабость в коленях и затихающий звон в голове.

– Что с тобой? – Никита увидел у лица испуганные глаза Ксении и обнаружил, что сидит в кресле. – Тебе плохо?

– Н-нет... все нормально... сейчас пройдет.

Ксения упорхнула куда-то и тут же принесла чашку холодного кофе.

– Пей, это взбодрит. – Посмотрела, как он пьет, отобрала чашку, положила одну ладонь на его затылок, вторую на лоб. – Теперь сиди тихо и думай о приятном.

Ладони у нее были мягкие, ласковые и в то же время сильные. От них исходила какая-то успокаивающая, живая прохлада и приятная бодрость. Через несколько минут Никита почувствовал себя окрепшим, восстановленным, отдохнувшим. Легкая нервная дрожь вокруг пятна звезды – словно по коже бродила «гусиная пупырчатость» – прошла... Страх в душе почти растаял, хотя Сухов знал, что он еще вернется. Загадка звезды угнетала, снова появилась идея сходить к косметологу и срезать участок кожи вместе со звездой. Если бы только была гарантия, что это поможет.

– К врачу не обращался? – поинтересовалась Ксения.

Танцор отрицательно качнул головой, криво улыбнулся.

– Тебе Толя рассказывал, как она появилась?

Ксения опустила глаза, потом прямо посмотрела на него.

– Рассказывал.

– И что ты об этом думаешь?

Девушка отвернулась, прошла по мастерской, остановилась у мольберта с пейзажем... Сказала, не глядя на гостя:

– Ник, ты попал под колесо истории, хочешь ты этого или не хочешь. С появлением Вестника мир вокруг изменился и... и многое зависит от тебя лично. Много, – подчеркнула она, искоса глянув на Никиту, – если не все. Если захочешь, в свое время ты узнаешь подробности. Но возврата к прежней жизни не будет. И ты – в большой опасности, в очень большой.

– Значит, ты все знаешь? – задумчиво проговорил Сухов, чувствуя, как впереди разверзается бездна.

– Не все, только то, что сказала. Тебе предстоит пройти Путь, вернее, три Пути...

– Целых три? – Никита постарался, чтобы в тоне вопроса было как можно больше иронии, но Ксения не прореагировала на это.

– Путь Меча, Путь Мысли и Путь Духа. Если только... – она помолчала, – если тебе хватит...

– Смелости? Ну что ты, я трус.

– Великодушия, – закончила девушка.

Чувствуя, как запыхали щеки, Никита встал и, не попрощавшись, вышел из мастерской. Он был взбешен, раздосадован и обижен, словно ему отвесили пощечину, хотя в глубине души сознавал, что Ксения не хотела его обижать. И все же было чертовски обидно, что в нем, таком положительном во всех отношениях, имевшем сотню великолепных качеств, нашли вдруг изъян. Великодушия, видите ли, ему недостает! Откуда это видно? И зачем оно для того

Пути, или трех Путей? Путнику больше требуются сила и выносливость, а не великодушие... если, конечно, он собирается куда-то идти...

Никита пожал плечами. Никуда идти он не собирался. Но от этого на душе не становилось спокойнее. Ксения знала, что он не из путешественников, вот почему во взгляде ее сквозило сомнение. Знала она и то, что он откажется от Пути, вернее, от трех Путей. Отсюда печаль и дистанция, которую она установила сама, поцелуй не в счет. Или как раз наоборот, поцелуй – шаг вперед?

Путь Меча...

Никита нахмурился.

Пахнет кровью. Путь Меча, Путь Мысли и Путь Духа. Но звучит! Как это звучит влекуще и жутко... упаси меня Боже от соблазна!

Глава 5

Целых два дня он выдерживал характер: Такэде не звонил, Ксению не искал, на звонки не отвечал. Общался только с соседями, с мамой и приятелями на тренировках. В театр пошел лишь затем, чтобы сообщить Кореневу окончательное решение: он переходит в балетную труппу Малого академического.

Так как и ему никто из друзей не досаждал, Никита, разозлившись, решил устроить себе отдых и уехал в Подмоскowie, на турбазу, минимум на неделю. А поскольку для этого нужны были деньги, пришлось идти в банк и снимать со счета.

Машина стояла в ремонте на станции техобслуживания, поэтому все вояжи приходилось выполнять или на такси, или общественным транспортом.

Сухов, вообще говоря, особых трудностей в жизни не испытывал, воспитывался в основном дедом и бабушкой и жил в достатке. Денег он никогда не считал, ни в детстве, ни во время учебы, ни потом, устроившись на работу, поэтому был в известной мере избалован, чтобы почти никогда и ни в чем себе не отказывать. В такси он сел не задумываясь, хотя на троллейбусе до районного сбербанка можно было добраться за двадцать минут. А когда подошло время расплачиваться (пятьсот рублей за пять километров?!), обнаружилось, что танцор забыл деньги дома: злую шутку сыграла привычка ездить на машине.

Водитель, угрюмый здоровяк с лысиной на полчерепа, шутки не понял.

– Крутой? – буркнул он сипло. – Тогда плати штуку, я тоже крутой. – И он взялся за монтировку.

Напрасно Никита клялся, что забыл портмоне, просил подождать, пока он получит в банке деньги, предлагал в залог часы: водитель только отфыркивался и выжидательно глядел исподлобья. Наконец Сухов выдохся и прошипел, сдерживая бешенство:

– Вези обратно, олух!

– Я тебя ща отвезу, – пообещал водитель, разворачиваясь. – Я тебя в милицию отвезу.

При слове «милиция» в мозгу танцора что-то щелкнуло. Он вспомнил вызов и разговор с инспектором, как две капли воды похожим на шофера такси. Не есть ли это звенья одной цепи? Не сработала ли снова «печать зла», усиливающая, по словам Толи, вероятность неблагоприятного исхода любых действий Сухова?

– Стоп! – сказал он. – Я плачу.

Но водитель словно не расслышал, продолжая гнать машину в обратном направлении. И тогда Никита что есть силы дернул вверх рукоятку ручного тормоза. Машину занесло. Взвыв, заглох мотор. Шофер тупо глянул на тормоз, на пассажира, брови его полезли вверх, но Никита не дал ему времени опомниться: рванул ручку дверцы и выскочил из такси.

Квартал он бежал так, словно сдавал стометровку, ожидая криков и ругани в спину, но все было тихо. Уехал ли таксист сразу или простоял час, Никита так и не узнал. А вбежав в здание банка, оказался свидетелем его ограбления. «Печать зла», видимо, продолжала действовать.

Четверо молодых людей в масках из чулок в «лучших» традициях голливудских боевиков уложили посетителей банка на пол и набивали деньгами сумки. Судя по ярости их главаря, добыча не была огромной. Вооружены они были пистолетами, а черноволосый главарь – автоматом «узи», что превращало любой акт сопротивления в акт самоубийства.

Никита еще ничего не успел сообразить, как получил по скуле рукоятку пистолета и, оглушенный, упал на колени.

До этого он ни разу не встречался с вооруженными бандитами, не считая случая в парке. Конечно, разговоры о рэкетирах, мафии, ворах в законе, коррумпированных чиновниках были на слуху, об их «успехах» не раз писали газеты, но все это для танцора происходило как бы в

других измерениях и его не касалось. Но вот на карту судьбы ему поставили «печать зла», и неприятные открытия посыпались как из рога изобилия.

– Лечь! – услышал он над собой, получил удар по затылку, но продолжал стоять на коленях, с усилием соображая, что делать дальше и как он оказался в таком беспомощном положении. Его ударили еще раз, и Сухов – долго потом вспоминалось это со стыдом и горечью – вскрикнул от боли и поспешно лег лицом вниз, хотя в момент удара – это он тоже осознал и запомнил – мог перехватить руку бандита и вырвать пистолет.

Грабители умчались через несколько минут, выстрелив для острастки пару раз в потолок. А еще через минуту вместе с блюстителями порядка в помещение сбербанка ворвался Такэда. Помог Никите подняться, повел на улицу. Их остановили, потребовали описания событий и преступников, – но Сухов соображал плохо, а помнил все и того хуже. Презирал он себя в данный момент люто.

– Ты появляешься как чертик из коробки, – сказал он инженеру, когда тот привез его домой и стал лечить ссадину на скуле и шишку на темени. – Как тебе это удается?

Такэда молча продолжал свое дело.

Никита подождал ответа, заговорил снова:

– Ладно, я еще с тобой разберусь... охранник. Что или кто меня прищучил на этот раз? Психоразведка? Молодчики СС? Как ты там говорил: «свита Сатаны»?

– Если появятся функционеры «свиты», тебе несдобровать. Я уже говорил: не ввязывайся в конфликты, поменьше бывай вне дома или займись боевой подготовкой. Хотя бы для выживания. Сейчас тебя можно ликвидировать шутя, хотя ты и здоров на вид.

Никита обиделся.

– Между прочим, я делаю стойку на двух пальцах! Отжимаюсь на одной руке... да и сальто кручу тройное... Попробуй, и посмотрим, что получится.

– Этого мало, Кит. – Инженер сел напротив, сгорбился. – Ты абсолютно не готов морально и не подготовлен технически к схватке, не ждешь опасности и не умеешь реагировать на нее вовремя. Тебе нужен не просто тренер айкидо, дзюдо или тхэквондо, но инструктор по выживанию.

– Зачем?

– Да, – тихо сказал Толя. – Я тоже часто задаю себе этот вопрос: зачем тебе лишние хлопоты? И не нахожу ответа.

Никита поискал обидный смысл в словах друга, не нашел и, решительно оттолкнув подушку, сел на кровати в тренировочном костюме.

– Рассказывай все.

Такэда покачал головой.

– Все еще рано. Пока есть шанс тихо просидеть в кустах и не поднимать шума. Может быть, Они снимут залятье и уйдут... тогда и начинать ничего не надо. Хотя вряд ли, ничего Они не делают наполовину. Странно все-таки, что Они тебя отпустили.

Никита покраснел. Он еще помнил слова «десантника» в парке: «Слабый. Не для Пути...» Чтобы скрыть замешательство, буркнул:

– Ну хорошо, допустим, я согласен... – Сухов заторопился, увидев, что на губах Толи появилась усмешка. – Что ты лыбишься, метис несчастный?

– «Допустим» здесь не проходит, Кит. Я понимаю, очень трудно, почти невозможно поменять образ жизни, но делать это придется. Хотя ты еще и не решил. Это в тебе говорит «эго», самолюбие, а не ум и сила.

– Где же их взять? – проворчал примирительно Никита. – Тупо сковано – не наточишь, глупо рожено – не научишь.

Такэда поморщил лоб, раздвинул губы, беззвучно рассмеялся.

– Браво, гимнаст, ты самокритичен.

Засмеялся и Сухов, но тут же перестал.

– Я серьезно – что согласен. Только не делай далеко идущие выводы, просто я не люблю, когда меня бьют.

– А я думал, тебе нравится.

– Не издевайся. Сведи меня с тренером, попробую овладеть твоим тхэквондо. Или айкидо. Кстати, какую систему борьбы посоветуешь?

– Если искать здоровья, душевного равновесия, то лучше восточных единоборств: кунгфу, пенчака, тайинга, айкидо, каратэ, тхэквондо или вьет-во-дао – не найти; но если хочешь получить практический боевой эффект, причем достаточно быстро, то лучше россдао школы Д ничего не существует. Я сведу тебя с моим знакомым, он инструктор в одной закрытой конторе.

Такэда помолчал, сходил в ванную и вымыл руки. Вернулся, походил из угла в угол. Сухов молча наблюдал за ним, потом не выдержал:

– Ходун напал? Опять что-то случилось? Или с Ксенией что?!

– Пока ничего. – Инженер поколебался и достал из сумки, с которой пришел, тонкий и острый, с замысловатой рукояткой, трехгранный кинжал – стилет. – Помнишь, где он у меня лежал?

– На полке у кровати, рядом с кортиком. Только ручка, по-моему, у него была другая.

– Гляди-ка, усек. Дело в том, что я утром обнаружил его торчащим в кровати; спал я на диване.

У Никиты перехватило дыхание.

– «Печать зла»?!

– Но самое интересное, – ровным голосом продолжал Толя, – что изменилась не только форма стилета, но и материал. Он был сделан из легированной стали, а теперь – из редчайшего изотопа тантала, на Земле практически не встречающегося. Я проверил в лаборатории.

– Ну и что?

– Это похоже на СС-профилактику. А может быть, и не только. В связи с чем хочу тебя предупредить: будь внимателен к самым обыденным домашним вещам. Некоторые из них могут... оживать. И называется сия метаморфоза внедрением.

Не дав Никите и рта раскрыть, инженер быстро засобирался и ушел, оставив того с гудящей от обилия впечатлений и фантазий головой.

Вопрос отдыха решился сам собой: Сухов попал в состав сборной России по акробатике и должен был через три дня выехать на двухнедельные сборы в Крым, на турбазу олимпийской подготовки «Дагомыс».

Ксения поехать с ним на весь срок отказалась: ей необходимо было завершить работу над несколькими картинами, но обещала подъехать на три-четыре дня в начале августа. Сухова это устраивало, а Такэде он поклялся не вмешиваться ни в какие инциденты и спать с газовым пистолетом под подушкой.

Перед отъездом они сходили к приятелю Толи, как оказалось, инструктору одной из закрытых школ спецподготовки сотрудников Главного разведуправления. Приятелю шел тридцатый год, был он почти одного роста с Никитой, но узкоплеч и тонок и особого уважения не вызывал. Такэда понял это по выражению лица Сухова, улыбнулся уголком рта, первым протянул руку инструктору:

– Привет, Роман.

– Салют, мастер. Давно тебя не видел. Перестал выступать? – Хозяин отступил, пропуская гостей в тренерскую. – Проходите.

Комната была заставлена кубками, вазами, спортивными снарядами, стены ее были увешаны календарями с видами борцов всех стилей, таблицами и схемами.

– Проходите, садитесь.

– Познакомься, – кивнул Такэда на танцора. – Никита Сухов, акробат, гимнаст, солист балета. А это сэмпай Роман, пятая категория россдао.

«Сэмпай» Роман окинул Никиту оценивающим взглядом, кивнул с удовлетворением.

– Подготовочка дай Бог! Мне бы такую статью, а, Толя?

– Ты и так не обижен, мастер. – Такэда вдруг нанес три быстрых удара: кулак и локоть правой руки – ребро ладони левой – и все три оказались заблокированы Романом. Сделал он это без усилий, как само собой разумеющееся, но добавил и кое-что свое: последний блок одновременно был и контрударом. Правда, в последнее мгновение инструктор движение остановил.

– Сэн-о-сэн ¹¹, – сказал Такэда. – Ты хорошо держишь форму.

– Не жалуюсь. – Голос Романа остался безразлично спокойным. Он отбил нападение, не глядя на неожиданного противника, продолжая оценивать Никиту, и была в этом безукоризненном автоматизме такая пластика, что Сухов восхитился в душе. – Итак, милостивые судари, что вас привело ко мне?

– Возьми его к себе в команду.

Зазвонил телефон, Роман поднял трубку, буркнул: «Да, они у меня», положил трубку. Школа была режимной, и всех ее посетителей проверяли.

– Я мог бы поработать с ним и в айкидо, но для восточных единоборств его статья не шибко подходит. К тому же ему надо пройти подготовку достаточно быстро.

– О причинах не спрашиваю. – Роман задумался. – Но в команду я взять его не смогу – все ученики на виду.

– Тогда займись индивидуально. С таким материалом ты еще не работал. Главное, что ему не надо тренировать базовые навыки: равновесие, четкость, ритмику, растяжку и так далее. Встань, Ник, сделай пару своих пируэтов. Сделай, сделай.

– Здесь мало места... – нерешительно поднялся Никита.

– Вот именно. Оцени пространство и давай.

Сухов прикинул расположение столов, стульев, стоек и шкафов комнаты и сделал спираль Карозо со сменой *en dehors* и *en dedans* ¹², ухитрившись ничего не задеть и не сбить. Его странное – в условиях тесного помещения – па было полно грации, гибкости и силы, каждое движение как бы перетекало в следующее, вычертив безупречную линию положений тела без разрывов и остановок. Роман цокнул языком.

– Впечатляет! Хорошо, я могу взяться за него...

Такэда, подмигнув, вдруг локтем сбил стакан с водой со стола, но инструктор быстрым, изумительно точным и плавным движением поймал его и поставил на стол, не прерывая речи:

– ...если он готов заниматься всерьез, по пять-шесть часов в день. У парня действительно имеется уникальная возможность достичь высокого мастерства в короткие сроки. Скажем, за два-три года. Годится такой вариант?

Никита, восхищенный мастерством инструктора, кивнул. Он был согласен на все, забыв и о собственных тренировках в сборной, и о переходе в другой театр, и о «печати зла».

– Тогда прошу выслушать пару сентенций. Первая: человек – это одушевленное универсальное оружие многопланового действия.

– Оямович говорит иначе, – кивнул на Такэду Никита, не выдержав. – Человек – биосистема с ограниченной способностью к изменениям.

Инструктор нахмурился.

¹¹ Синхронный контрудар (яп.).

¹² *En dehors* – движение наружу; *en dedans* – движение вовнутрь (классический балетный танец).

– Во-первых, никогда не перебивайте говорящего. Иначе мы расстанемся еще до начала учебы. Во-вторых, сказано это скорее о биохимии, чем о физике тела человека. Не так ли, господин инженер?

Толя, пряча улыбку в глазах, кивнул.

– И последнее. Россдао – это развитие традиций боевого искусства славянских корней, так называемого русского стиля рукопашного боя, впитавшего обширнейший арсенал приемов борьбы во всем многообразии национальных видов, направлений, стилей и школ. Господин Такэда может подтвердить: многие приемы россдао уникальны и рассчитаны в идеале на людей с таким телосложением, как ваше. И еще: профессионал-родер не уступит ни одному профессионалу Востока.

Никита посмотрел на Тояву. Тот снова кивнул, предпочитая обходиться минимумом жестов. Встал.

– Спасибо, Роман. Когда начнете?

Инструктор тоже встал, глянул на календарь.

– Через две недели, после сборов. Вот телефон, позвоните мне двадцать восьмого.

Никита попрощался, пожав крепкую руку тренера, вышел первым, Такэда задержался:

– Два года – слишком мало, чтобы из человека танца сделать человека боя, но слишком много, когда тому угрожает опасность. Подготовь его в максимально короткий срок, даже если придется работать по двадцать четыре часа в сутки.

Роман, хмуря брови, подошел к инженеру.

– Что за опасность? Зачем этому парню менять квалификацию? Если он акробат – в добрый путь к славе!

– У него другой... путь. Я ничего пока не могу тебе рассказать, но Ник вообще-то действительно в опасности. Хорошо, если бы ты начал заниматься с ним прямо с завтрашнего дня, но, если это невозможно, пусть будет через две недели. – Такэда шагнул из комнаты. – Если он останется жив.

– Погоди... мистика какая-то! Это что – так серьезно?

– Сверхсерьезно.

– Почему же ты сам не начнешь с ним работать?

– Потому что моя компания для него увеличивает опасность появления... скажем, неких сил, с которыми даже я не смогу справиться. Нужен совершенно посторонний человек, учитель. Только учти: та сила, которая заинтересована в гибели Никиты, может обратить внимание и на тебя.

– Что за чушь! Не пугай меня своими фантазиями. Я подумаю. Если удастся отвертеться от сборов, я начну с ним работать завтра же. Жди звонка.

Два события одно за другим сорвали планы Сухова на отдых, торжественную церемонию встречи Ксении и кайф на берегу моря. Первое произошло вечером, после похода Сухова в новый театр и разговора с балетмейстером труппы Суходольским.

В хорошем расположении духа Никита принял дома душ, переделся и только собрался позвонить Ксении и пригласить ее в ресторан, как вдруг ожил телефон. То есть по-настоящему ожил! Трубка его из голубого пластика почернела, изогнулась, выпустив лапы с когтями, и уселась на также почерневший корпус телефона, глянув на остолбеневшего танцора бусинами глаз. Взгляд ее был тяжел и злобен, он давил, угрожал, приказывал; казалось, ожившая трубка вот-вот заговорит или по крайней мере каркнет, как ворон Эдгара По. Никита даже замахнулся на нее:

– Кыш отсюда!

Трубка открыла пасть – таково было впечатление, хотя рта у нее не было и не могло быть, и зашипела. Сухов отшатнулся, и в то же мгновение трубка прыгнула на него, разматывая на лету шнур. Благодаря тому, что танцор опередил ее на мгновение, трубка не долетела до лица

и вцепилась лапами в предплечье, как раз в том месте, где на коже сидела звезда, то есть Весть, если верить Толе.

Никита получил сильнейший нервный укол в руку, обжигающая боль ударила огненной спиралью через плечо, шею и ухо в голову, оглушила. Вскрикнув, он смахнул с локтя озверевшую телефонную трубку, и та, не долетев до стены, взорвалась. Телефон вспыхнул, загорелся зеленым пламенем и горел до тех пор, пока не рассыпался в прах. Тумбочка под ним при этом даже не потемнела.

Оглушенный разрядом, парализовавшим правую руку, Никита дотащился до кухни, открыл пластмассовую бутылку с колой, жадно припал к горлышку. Рука дрожала, напиток проливался на воротник, шею, грудь, но он пил, пока не осушил полуторалитровую бутылку, не почувствовав вкуса.

С час сидел в гостиной на диване, прислушивался к руке, по которой бежали тонюсенькие иголки, и прикидывал, позвонить ли Такэде от соседей. Но рука наконец обрела чувствительность и подвижность, и Никита решил никому ничего не говорить. Как объяснить случившееся, он не знал. Галлюцинацией здесь не пахло, телефон действительно сгорел, а трубка рассыпалась в пыль, это он видел собственными глазами. Доказательством реальности происшествия был уцелевший телефонный шнур, однако вряд ли он мог рассказать правду. Единственным объяснением, ничего по сути не объяснявшим, было загадочное *внедрение*, о котором предупреждал Такэда. Кто-то или что-то внедрялось в какую-нибудь вещь, причем – опасную вещь, и та начинала вести себя самостоятельно, как живая.

Пахло колдовством, в которое Сухов не верил с детства, мистикой и дьявольщиной, а также чем-то безмерно чужим и далеким, запятанным в глубинах причин и явлений, недоступных обыкновенному человеку. Пахло жутковатой тайной, влияющей на судьбу рядового жителя Земли по имени Никита Сухов. Пахло неведомой, нечеловеческой волей, управляющей событиями, свидетелем которых он случайно оказался...

К вечеру Сухов пришел в себя настолько, что почти уже не верил в историю с телефоном. Неизвестность перестала пугать его, а поскольку он был человеком, который быстро забывал неприятное, то решил не обращать внимания на всякие там «психоразведки», «печати зла» и «внедрения». Как-никак его ждал отдых – тренировки на сборах не в счет, – море и Ксения, и жизнь продолжалась. Правда, в ресторан он не пошел.

Утром, забрав машину из ремонта, Никита принялся набивать ее необходимыми вещами – от одежды до палатки и спальника, залил баки на ближайшей станции бензозаправки, принадлежащей какой-то частной фирме, и выехал за город. А уже через полчаса после съезда с Кольцевой подоспело второе происшествие, поставившее танцора перед дилеммой: рисковать ли и ехать дальше или вернуться под опеку Такэды и всерьез заняться борьбой с инструктором-«грузчиком»¹³.

Сначала спустило правое заднее колесо.

Никита остановился у щита: «Кемпинг «Илья». 5 км», снял колесо, но поставить запасное в спокойной обстановке не успел. С грохотом, ревом, воплями и песнями лихо подкатила кавалькада рокеров и устроила привал. Вокруг в синих дымах закружились «Хонды», «Блэндховеры», «Харчи», «Дайхатсу» и «Навахо», замелькали кожаные куртки, штаны, юбки, металлические цепи, кресты, бляхи, молнии. На траву посыпались банки из-под пива и кока-колы, бутылки, свертки, тряпки и другой мусор. Одна из бутылок угодила в колесо машины Сухова, но он стерпел, тихо зверея.

Лексикон гонщиков не претерпел изменений с момента появления на свет этих любителей грохота и ветра, состоял он из трех-четырёх десятков нормальных слов, двух десятков стандартных жаргонных выражений, десяти фонем и мата. Слушать их было мучением, но

¹³ От ГРУ – Главное разведуправление Министерства обороны.

Сухов помнил наставления Такэды и терпел, скрипя зубами. За любое из выражений, с которыми обращались рокеры к своим подругам, он не задумываясь набил бы морду... если бы не видел, что «герлам» это нравится. И все же он не сдержался.

– Смотри, куда кидаешь! – рявкнул он, когда о кузов «сотки» ударилась пустая банка.

Тот, к кому он обращался, улыбаясь, швырнул в машину недопитую банку, пиво потекло по стеклу, обрызгало Никиту. Он молча стряхнул брызги, шагнул к детине (смуглое небритое лицо, тонкий горбатый нос, блестящие глаза, длинные волосы), сидевшему на высоком седле мотоцикла, и, перехватив руку, готовую метнуть еще одну банку, жал ее с такой силой, что ладонь парня смяла банку в лепешку. Рокер взвыл тонким голосом, головы его приятелей повернулись в их сторону.

– Извини, – сказал танцор, поворачиваясь спиной к парню, считая, что инцидент исчерпан, но это было ошибкой. Рокеры не знали, что такое этика и честь, ими правили другие законы, законы стаи и толпы, и Сухова ударили сзади – бутылкой по голове, причем сделала это юная «богиня», цеплявшаяся за талию своего господина.

Пока танцор сообразил, за что его ударили и кто, сосед длинноволосого наехал на него сбоку и сбил, проехав колесом по ноге.

Что было потом, Никита помнил смутно. Кажется, он свалил мотоцикл с наглцем, кого-то бил, кто-то бил его, сбивал с ног корпусом мотоцикла, бросал в него бутылки, камни, банки. Один из «кожаных» бандитов даже облил его джинсы бензином, но поджечь не успел: рядом остановились сразу три машины, из кабин выскочили крепкие ребята в спортивных костюмах, и в мгновение ока все изменилось.

Троим рокерам, особенно рьяно избивавшим танцора, скрутили руки, а остальные, повинаясь инстинкту, рванули за длинноволосым главарем.

Сухов не удивился, увидев подходящего Такэду. Сплюнув кровь – ему разбили губу, уселся на обочину дороги, рядом с машиной, у которой уцелело только заднее стекло. Сказал хрипло, не поворачивая головы:

– Сгинь, нечистая сила!

– Чистая, – сказал Толя, усаживаясь рядом.

– Создается впечатление, что эти драки провоцируешь ты, чтобы подтолкнуть меня на твой «путь».

Такэда подтянул брюки, стряхнул с них пыль.

– Если бы все было так просто.

– Ну так объясни мне, чтобы я понял. Почему вся эта гадость случается именно со мной? Почему я оказался в «круге устойчивого интереса»... так ты говорил? Интереса кого? СС? То бишь «свиты Сатаны»? Что за «свита»? Что я ей сделал, почему она устроила охоту на меня? Что за «весть» я получил и почему эта звезда движется по коже? И куда? К голове? Зачем? Что будет, когда она дойдет до цели?

– Ты задаешь слишком много вопросов, Кит.

– Но тебе придется ответить! Я хочу все знать!

– А поездка? Ты же собрался на юг.

– Откладывается. Уговори своего знакомого, Романа, чтобы он занялся со мной немедленно. К черту все дела и отдых, если меня постоянно лупят. – Никита оскалился в яростной усмешке. – Причем все время бьют в спину. Но прежде ты все мне расскажешь. Все! Понял?

– Рано, – упрямо сказал Такэда. – Пока все, что с тобой происходит, – лишь комплекс профилактических мер, предпринятых статистической службой СС, а если я начну давать тебе опасную информацию, опасную не только для тебя, но главным образом для них, вот тогда они возьмутся за тебя всерьез. И не поможет никто, ни Бог, ни царь и ни герой. В том числе и я. Ты этого хочешь?

– Ерунда! – слабо отмахнулся Сухов, задирая штанину и созерцая лиловый синяк на голени и содранную кожу. – Каким образом они узнают о том, что ты мне расскажешь?

– Э-э... мой милый, слово – не просто сотрясение воздуха, это еще и сотрясение вакуума, которое передается мгновенно и на колоссальные расстояния. Так что утаить в нашем мире какую-то важную информацию практически нельзя.

Никита воззрился на Такэду в немом удивлении. Тот обозначил свою обычную улыбку – уголком рта.

– Ладно, не пугайся, это я преувеличил. Хотя... кто знает? Ты по-прежнему считаешь, что я обязан ответить на твои вопросы? Учти, едва ли ты от этого станешь счастливее.

Сухов, не отвечая, стиснул голову руками, уставясь в землю. Такэда сочувственно разглядывал его измученное лицо со следами борьбы с самим собой. Помощники инженера, оказавшиеся сотрудниками спецгруппы по борьбе с бандитскими формированиями, увезли задержанных и их мотоциклы. Наступила тишина.

Глава 6

До вечера Никита не находил себе места.

Упрямый Такэда так и не начал объяснения, буркнув, что «все образуется». А если нет – вот тогда и возникнет необходимость «ввода танцора в реальность Веера Мирова». Что он этим хотел оказать, Сухов не понял, но, зная упорный характер Толи, не рассчитывал получить необходимые сведения до окончания «информационного моратория», наложенного инженером.

Толя обещал прийти вечером и велел Никите сидеть дома и никуда не выходить. Машину танцора он отправил в ремонт в автоцентр сам.

Если бы он знал, что Сухов уже был свидетелем *внедрения*, вряд ли Такэда оставил бы его одного.

К восьми часам вечера у Никиты окончательно сформировалось ощущение, что он дома не один и за ним исподтишка наблюдают чьи-то глаза. Помня случай с телефоном – он поставил запасной, старенький, без кнопок, – Сухов, посмеиваясь в душе над своими страхами и одновременно ожидая появления новых непрошенных гостей, внимательно оглядел гостиную, спальню, кухню. Глаз он ничьих не обнаружил, но ощущение подглядывания за ним от этого не исчезло. Наоборот, оно росло и усиливалось, пока не превратилось в тихую панику.

– Кто здесь? – позвал Никита вполголоса, покрываясь холодным потом, и на всякий случай достал из шкафа нунчаки. Такэда подарил их почти год назад, и Сухов владел ими с достаточной сноровкой.

На мгновение воздух комнаты остекленел, стал твердым. Никита почувствовал себя муравьем, вплавленным в янтарь, инстинктивно дернулся: воздух отпустил его, но движение получилось неловким, и правый нунчак задел плечо, куда уже сместилась звезда Вести.

Боль пронизала руку, шею, голову, в глазах потемнело, а в голове, где-то в глубинах черепных костей, раздался знакомый гулкий бас:

– Элиф! Лам!! Мим!!!

– Что?! – пролепетал Никита.

Гул и голос в голове утихли, зато что-то произошло с глазами: предметы в комнате обрели светящийся ореол всех оттенков желтого света, и лишь один из них засиял тревожным алым – керамическая ваза для цветов, стилизованная под древнегреческую амфору. Что-то сдвинулось в сознании Сухова, словно упал занавес сцены, и он увидел то, что скрывалось за плотным покрывалом. В следующее мгновение не реакция – инстинкт швырнул его на пол.

Ваза взорвалась, как граната!

Если бы Никита остался стоять – его изрешетило бы осколками, а так только два из них пробороздили спину, разорвав рубашку и кожу, да упавший стул ударил по шее.

В дверь позвонили, потом начали стучать.

Сухов, с трудом встав, доковылял до прихожей,

– Что вы там делаете? – запричитала соседка, полная, с жидкими крашеными волосами. – Пушку, что ли, испытываете? У меня картина со стены упала!

– Ваза разбилась, – сказал Никита осоловело. – Извините. Закрыв дверь, отрезав бушующий вулкан праведного гнева.

– То музыку включает во всю ивановскую, то железяки роняет, то гостей каких-то подозрительных приводит...

Вернувшись в гостиную, танцор собрал осколки вазы и стекла – разбились дверцы книжного шкафа, поставил на место упавшую настольную лампу и стулья, потом забрался в ванную, содрал с себя рубашку и попытался остановить кровь, сочившуюся из порезов на спине. За этим занятием его и застал Такэда. Присвистнул, оглядев спину:

– Ты что, с котами дрался?

– С вазой. – Ступор Сухова еще не совсем прошел, и рассказывал он о происшествии с философским спокойствием.

Глаза Толи превратились в щелочки.

– Я так и думал. *Внедрение!* А это означает, что я ошибался: в покое тебя не оставили и не оставят, узнаешь ты правду или нет. Каким манером тебе удалось *увидеть* опасность? Я имею в виду – красный ореол.

– Это нечто вроде... темного внутреннего зова, – нашел эпитет Никита. – Причем слышал я его второй раз, и оба – после прикосновения к звезде. А на пол меня бросил инстинкт, я ничего не успел сообразить.

– И все же Весть дает о себе знать. А ведь она не разговаривает с тем, кому не предназначена. Неужели твой душевный камертон начинает под нее подстраиваться?

– Да, вот еще что: сначала я услышал дикую фразу, – вспомнил Сухов. – «Элиф, лам, мим». Что это такое? Что за абракадабра?

– Это Коран. А еще Бунин. – Такэда полузакрыв глаза и медленно, растягивая слова, гортанно, так что у Никиты по спине мурашки побежали, процитировал:

Во имя Бога и Пророка,
Прочти, слуга небес и рока,
Свой бранный клич: скажи, каким
Девизом твой клинок украшен?
И он сказал: «Девиз мой страшен.
Он – тайна тайн: Элиф. Лам. Мим».

Никита суеверно сплюнул через плечо.

– Ну и что сие означает?

– Не знаю, – слабо улыбнулся Такэда. – Я не большой знаток Корана.

– Тогда зачем твоя Весть процитировала мне именно эту фразу из Корана? Смысл?

– Смысл ты должен найти сам, а когда найдешь – тогда и начнется настоящее приобщение к Пути, хочешь ты этого или не хочешь. Пока же прими совет: прислушивайся к голосу Вести почаще, это поможет тебе избежать многих опасностей.

– Значит, тот старик вручил мне настоящий волшебный дар?

Такэда отрицательно качнул головой.

– Это не дар, это почти проклятие! Дай тебе Бог выдержать его тяжесть, не сломаться и преодолеть все невзгоды!

Никита, бледнея, невольно глянул на коричнево-розовую звезду, добравшуюся на плече до четырех родинок в форме семерок.

Такэда понимающе вздохнул.

– Ты и после этого будешь требовать, чтобы я тебе все рассказал?

Танцор сглотнул вязкую слюну, сильно сдавил пальцами переносицу, но, когда поднял глаза на друга, взгляд его был тверд. Скорее всего, в нем заговорило самолюбие, но Толя хорошо знал, что и оно – большая сила для увлекающихся натур.

– Говори все. Лучше с умным потерять, чем с глупым найти.

– Спасибо, – серьезно кивнул инженер. – Но ты все-таки эгоист, Кит.

– Почему?

– Потому что я уже говорил: информация, которую ты услышишь, увеличивает опасность существования не только для тебя, но и для твоих друзей и близких. А о Ксении ты даже не вспомнил. И о маме тоже.

– Что... что с ними?!

– Пока ничего. Но многое в дальнейшем будет зависеть от тебя, от того, насколько правильно ты будешь действовать. О Ксении не беспокойся, она уехала, далеко, и по сути вырвалась за пределы круга устойчивого интереса... м-м... злых чар, к тому же она экстрасенс. А вот маме ты должен уделять внимания больше.

Никита, к лицу которого прихлынула кровь, отвернулся. Через минуту, справившись с гневом и стыдом, глухо проговорил:

– Где она?

– Она сама даст о себе знать. И вы встретитесь... если ты сможешь стать властелином обстоятельств. Но дорога трудна, далека и опасна.

– Путь?

– Нет, всего лишь дорога к Пути.

Помолчали. Сомнения в душе обоих – хотя и по разным причинам – вспыхнули с новой силой, но оба постарались скрыть их друг от друга. Никита перевел разговор на прежнюю тему, хотя думал о Ксении. Она уехала, ничего ему не сказав!

– Значит, Весть – это какое-то сообщение?

– Закодированная информация, которой нет цены! Как для тебя, так и для тех, кто за ней охотится. Если научишься не только слушать ее, но и расшифровывать...

– То что? – не выдержал Никита, видя, что Толя не собирается продолжать.

– А не знаю, – наконец ответил инженер. – Может быть, станешь колдуном, магом, может быть, сумасшедшим. Подходит такая судьба? Собирайся.

– Куда? – растерялся танцор.

– Ко мне. Здесь рассказывать ничего не буду, а дома у меня есть кое-какие секреты, позволяющие сохранить разговор в тайне.

– А спина? Может, перевяжешь?

– Засохнет. Одевайся, и пошли.

Такэда не торопился, затеяв тяною – чайную церемонию; как и все японцы, он боготворил ритуалы. Никита тоже любил пить чай, однако на этот раз еле выдержал, снедаемый любопытством. В одиннадцать вечера они наконец перешли в рабочий кабинет инженера, и Толя включил компьютер, коротко бросив:

– Генератор шума.

Никита не понял, и Толя терпеливо пояснил:

– Он создает электромагнитные помехи в широком диапазоне, так что нас не подслушаешь даже с помощью лазерного звукоснимателя.

Уселись в низкие удобные кресла для гостей, расписанные драконами. Никита вдруг почувствовал страх, как перед прыжком с тройным сальто на твердом полу. Такэда понял его чувства, кивнул.

– Да, Ники, мне тоже не по себе, но можно ведь и не начинать исповедь. Кто знает, может быть, все образуетса само собой?

– Не тяни душу, – хрипло ответил Никита. – И так белый свет не мил. Хуже не будет.

– В том-то все и дело, что будет. Но коли сказал «а», пора говорить и «б». Начну издалека. Будет что непонятно, спрашивай сразу.

Итак, ты, наверное, знаешь, что наша Вселенная, по современным представлениям, родилась около двенадцати-пятнадцати миллиардов лет назад в так называемом Большом Взрыве. Ученые-космологи теоретически доказали, что взрыв этот проходил две стадии: инфляционную – эру сверхбыстрого раздувания и экспоненциальную, после фазового перехода вакуума, в результате чего Вселенная теперь напоминает мыльную пену, где каждый «пузырек» – ученые называют их доменами – гигантская область пространства со своими свойствами и набором физических констант. Наша Земля и Солнечная система вместе с другими звездами и галак-

тиками торчит где-то в одном из таких доменов, занимая ничтожную часть его объема. Успеваешь охватывать?

Никита отмахнулся. В свое время, в юности, он начитался популярных брошюр по космологии – его всегда прельщали большие масштабы – и хорошо разбирался в терминологии.

– Тогда идем дальше. На самом деле наша Вселенная выглядит несколько иначе: все ее «мыльные пузырьки» сидят один в другом, как матрешки, а не взаимодействуют между собой по той простой причине, что время в каждом «пузырьке»-домене течет под углом ко времени в соседнем. Образовался своеобразный объемный веер, каждая пластина которого есть слой Вселенной со своим временем, и называется этот многослойный конгломерат – Веер Миров.

Такэда участливо глянул в помутневшие глаза танцора.

– Тяжело? Или поехали дальше? Даниила Андреева ты явно не читал.

– Продолжай, – с усилием выдавил Никита. – А насчет Андреева – каждый любит читать то, что любит.

– Резонно. Итак, Веер Миров раскрылся, и в каждом из его пластин-слоев, или хронов, началась своя эволюция, согласуясь с теми законами физики, которые определялись наборами физических констант. Во многих Мирах появилась жизнь, не во всех, но во многих, а в некоторых эволюция разума достигла такой стадии, когда носители интеллекта стали, по сути, Богами в своем хроне, ну, или, скажем, сверхтворцами; я привык к термину – Владыки.

Никита шевельнулся.

– Я не понимаю, при чем тут...

– Не торопись, поймешь, я еще не дошел до сути. И вот в одном из Миров Веера возник некто, сверхмогучее существо, могущество которого было настолько велико, что он нашел способы преодоления потенциального барьера, отделяющего слой от слоя, хрон-Мир от другого хрон-Мира, и мог путешествовать по Мирам, исследовать Веер. Все будто бы ничего, если бы он, выражая свободу выбора, присущую каждому интеллекту, не преступил законов бытия Веера, выработанных Собором Владык. Отвергнув принципы, о которых я знаю только, что они более совершенны, чем земные добро и любовь, он вздумал вдруг изменить условия существования одного из хронов. Мир этот был пуст, то есть не имел живых существ, но... наш сверхинтеллект решил создать не что-нибудь, а... Хаос! С большой буквы. То есть Абсолютный Хаос. Понимаешь, о чем речь?

Никита нерешительно пошевелил рукой.

– Ну, хаос – это... беспорядочность? Что-то связанное с энтропией, так? По Библии, все родилось из хаоса... и все к нему опять вернется.

– Поразительная осведомленность! – Ирония в голосе Такэды не была обидной. – Ученые твердят, что хаос – конечная, тупиковая стадия эволюции сложных систем. Но это не так. Хаос – состояние материи, являющееся источником высших форм порядка, основа для формирования практически неограниченного многообразия упорядоченных структур сколь угодно сложной и высокой организации. Я не буду углубляться в дебри науки, скажу только, что Библия права. Но это наше сверхсущество, Владыка одного из хронов, решило создать именно *совершенный* Хаос, абсолютный во всех отношениях, хотя Владыки других Миров и предупреждали, что это опасно. Причем опасно не только для того Мира-хрона, но и для всего Веера. Он не послушался...

– Постой-ка, – медленно произнес Никита. – Уж не о Люцифере ли идет речь?

– О нем, – просто ответил Такэда. – Падение Люцифера, или по-русски Денницы, не миф. Как и то, что все, помогавшие ему, утратили свое «я». Но я не закончил. Что такое Абсолютный Хаос? Это полиструктура, в которую входят физический, математический, экономический, политический, наконец, и любой другой хаос и в которой невозможны никакие упорядоченные процессы. Да, Денница – действительно великий ум и великий конструктор, он создал Хаос! Но и он не смог спрогнозировать последствия.

– Зачем он это сделал?

– Может быть, из чисто научного любопытства, может, по другим причинам, я не знаю. Нет, он не тот дьявол, каким его окрестила религия, он не есть изначальное воплощение Зла, но и не падший ангел. Это существо чистого, холодного интеллекта, лишенное каких бы то ни было эмоций. Воплотив свой замысел, он занялся другим экспериментом, каким – неизвестно, однако то, что он создал – то есть Абсолютную Смерть! – не удержалось в границах того обреченного Мира и начало просачиваться сквозь потенциальный барьер хрона в другие Миры – слои Веера. Кстати, в наш хрон-Вселенную тоже. Даже на Земле открылись прямые каналы просачивания Хаоса, пример – Чернобыль. Ну а когда над всем Веером нависла угроза уничтожения – свертки, тогда в дело вмешались другие Владыки...

– И низвергли Люцифера в ад!

– Их было семеро, и только все вместе, хотя каждый из них был великим магом, они смогли остановить распад Веера и ограничить интервенцию Хаоса. Но этим инцидент не был исчерпан. Люцифер-Денница нашел путь в Болото Смерти – так теперь называется зона с распавшимися хронами – и проделал еще один эксперимент – по выбросу Хаоса в Большую Вселенную, в «горячем» вакууме которой рождаются и гибнут мириады вселенных, подобных нашей. Ему это почти удалось, почти... И снова пришлось вмешаться Семерым. Веер не превратился в сверхплотную точку – сингулярность, как говорят ученые, только по счастливой случайности.

– Короче, философ!

– Короче, и в третий раз собирались Семеро, чтобы сохранить Веер, причем пришлось объявить войну приспешникам Люцифера, вернее, сторонникам Синклита Четырех Демонов, которые готовы были заплатить любую цену за освобождение Люцифера вплоть до гибели Веера со всеми его обитателями. Было это примерно тысячу лет назад по нашему летосчислению. И в этой последней битве Тьмы и Света, Закона и Анархии, Порядка и Хаоса, Гармонии и Безобразия Люцифер был изолирован в одном из хронов, Хаос заперт «по соседству», Синклит Четырех ограничен в своем волеизъявлении, наступила тишь да гладь да Божья благодать... если бы не новые попытки отступника выбраться из «клетки». Есть основания полагать, что он вот-вот вырвется на волю, и уцелеет ли Веер со всеми своими Мирами, неизвестно. Вот почему Соборная Душа Веера приняла решение собрать новую семерку, и Посланник уже начал заниматься поиском магов, когда его убили.

– Великолепную семерку, значит, – хмыкнул Никита. – А я, значит, должен заменить Посланника, так?

– Не должен, – тихо сказал Такэда. – Но боевики «свиты Сатаны» убрали Посланника и Вестника, и место Посланника вакантно. Может быть, Собор найдет другого Посланника, может, им станешь ты. Не знаю. Но у Люцифера... не люблю я это имя, привык к Деннице; так вот, у Денницы слишком много исполнителей, главные из которых образуют СД – Синклит Четырех Демонов, и действуют эти демоны весьма эффективно. Я как-нибудь расскажу о них подробнее. Их слуг ты и встретил в парке. В нашем хроне, Мире Земли и Солнца, законы М-физики, физики волшебных превращений, не реализуются в полной мере, и молодчики СС вынуждены действовать в согласии с законами нашей физики, но дыхание Хаоса, как я уже говорил, сказывается и на Земле: жизнь человечества пошла вразнос, примеров хоть отбавляй. А ведь это лишь слабый, еле ощутимый ветерок Смерти!

– Ну хорошо. – Сухов попытался собраться с мыслями, но не смог, информации было слишком много. – Пусть все это существует... Денница твой, СД, СС, ЧК... сам аббревиатуры выдумывал?

– А что, не подходит? «Чекисты», кстати, – профессионалы-охотники на разумных существ, пробующих вмешаться в конфликт против Денницы.

– Хорошо, верю. Но спрашиваю в третий раз: меня с какого боку все это касается? Какой я, к черту, Посланник, если даже не знал о существовании Веера!

– Вестник нес информацию Посланника о принципах отбора Семерых магов, а тот должен был найти их, зная, в каком из хронов кто из них обитает. Теперь оба убиты. А Весть – у тебя...

Никита побледнел, хотел дотронуться до плеча со звездой, однако вовремя остановился.

– Что и требовалось доказать. Выходит, я теперь... Посланник?

– Пока никто. Для Пути ты слаб, прав был командир отряда СС. Но шанс у тебя есть. Тебе плохо?! – Такэда вскочил. – Давай-ка приляг.

Никита отвел его руку, глубоко вздохнул, с минуту молчал, откинувшись в кресле. Под глазами его обозначились темные круги. Он поверил.

Конечно, в глубине души еще теплилась надежда, что все это – театральная постановка, фантазия инженера, но, с другой стороны, он слишком хорошо знал Толю, чтобы надеяться на розыгрыш.

– Я останусь у тебя, не возражаешь? Надо переварить.

Такэда молча стал раскладывать кресло-кровать.

Уснуть не удалось ни через час, ни через два. Не спал и Толя, потому что ответил на вопрос Сухова тотчас же.

– Я не все понял насчет Посланника.

– Его звали Симарглом, и был он как бы офицером связи, вернее, «богом» связи между другими Владыками.

– А разве он путешествовал в одиночку, без подстраховки?

– Магу не нужна подстраховка...

– Ну да, чего же его тогда подловили и убили?

Толя долго молчал, потом нехотя проговорил:

– Я пока не знаю конкретных деталей, но, по косвенным данным, Посланник попал в ловушку из-за предательства. Удар был слишком внезапен.

Снова тишина овладела комнатой. Стали слышны какие-то шелесты и попискивания в электронном нутре компьютера да изредка долетали звонки трамвая и скрип шин тормозящих автомобилей.

– И что я должен буду делать, если стану Посланником?

– Главной его задачей являлся поиск Владык, то есть магов высшего класса, способных при воссоединении образовать Принцип-регулятор, играющий роль физического закона для всего Веера, выполняющий волю Соборной Души Веера, а главное – превышающий возможности Денницы.

– Ты произносишь слово «маги» как «боги».

– В принципе это одно и то же, если под магией понимать надежное и глубокое познание тайн природы. Но твоя задача сейчас поскромней: довести до совершенства свои естественные способности и лишь потом выйти на лестницу предельных возможностей.

– Предел – это мощь мага? – усмехнулся в темноте Никита.

– Маг, творец – всего лишь ступень эволюции мыслящего существа, пределов же не ведает никто. Если ты решишься заменить Посланника, тебя ожидает столько опасных поворотов, что я советую еще раз подумать – стоит ли? Начинать надо с нуля, а впереди ждет кэндо, синто и дао: Путь Меча – овладение искусством выживания в любых условиях, Путь богов, или Путь Мысли, и Путь Духа. И каждый из них невероятно труден, практически за пределами человеческих возможностей.

– А я всего лишь танцор.

– Ты тоже мастер, творец пластики, гармонии движения, гибкости, ритма, идеала человеческого совершенства, это немало. Кстати, другие Владыки тоже являются яркими творче-

скими личностями. Один из них скульптор, вернее, архитектор, второй – резчик по камню, третий – воин, четвертый – мастер высших гармоний, невыразимых человеческим языком. Да, чуть не забыл: лишь четверо из них – люди, ну, или, скажем, гуманоиды, остальные трое – существа иных порядков. Это все, что я знаю, остальное тебе должна донести Весть.

Никита молчал. Мозг достиг пределов насыщения удивительным и не реагировал на другие, не менее удивительные вещи. Масштабы картины, нарисованной Такэдой, не только потрясали, поражали воображение, но и будили в душе атавистические страхи перед темным, тайным, непонятым, загадочным.

– А почему твои друзья... или кто они тебе? – не предложили Путь тебе? Ты же мастер кэмп, инженер-исследователь и всегда доводишь дело до конца.

– Я не подхожу, – спокойно ответил Такэда. – Для такого Пути нужны не просто высокоответственные индивидуалы, но яркие творческие личности. Ты в этом смысле подходишь больше. А я... я просто наблюдатель, посвященный лишь в самые тривиальные тайны бытия. Единственное, что мне подвластно, – сопровождать Посланника, в данном случае, наверное, тебя, до момента, когда ты сможешь обойтись без моей помощи или когда силы мои полностью иссякнут.

– И ты... готов идти со мной? – Никита привстал на локте, удивленный и обрадованный.

Лица Такэды в темноте не было видно, однако чувствовалось, что он улыбается.

– Это мой долг, Ник. Недаром же я отмечен тремя восьмерками – знаком высокого долга.

– Это меняет дело, – пробормотал Сухов, внезапно успокаиваясь, и его сразу потянуло на сон. – Завтра договорим.

Такэда не ответил. Сомнения все еще не оставили его: вытащив друга из уютного, достаточно комфортабельного мирка, он мог предложить взамен лишь страх, боль, опасность, жестокие испытания, а выдержит ли Никита – не знал.

Глава 7

Ни на следующий день, ни через день Сухов у Такэды не появился. Сбежав утром с рассеянно-задумчивым видом, он занялся какими-то делами, из дома почти не выходил, сделав лишь походы в магазин и в библиотеку. Что искал там танцор, осталось неясным, хотя Толя и догадывался, но терпеливо ждал исхода размышлений Никиты, прекрасно понимая, как трудно поверить в рассказанную им легенду.

Сходил Никита и в мастерскую Ксении, не застав там, естественно, никого. А потом в его квартире случился пожар: загорелся телевизор. К счастью, хозяин был дома и пожар потушил сам своей курткой. Разбился чайный сервиз, к тому же его потрянуло током, пока он отключал телевизор от сети. Это происшествие подтолкнуло к принятию окончательного решения, и на третий день отсидки Сухов заявился наконец к приятелю, признавшись:

– Может быть, я псих, что поверил во всю эту галиматью с Денницей-Люцифером, но мучиться неизвестностью дальше не намерен. Поехали к твоему тренеру. Но прежде ты ответишь на пару вопросов.

Такэда, одетый в шелковый халат-кимоно, пропустил Никиту в рабочий кабинет, принес на подносе чай и хрустящие тосты, которые жарил сам, поставил на чайный столик:

– Пей и спрашивай.

– У меня случился пожар...

– Я знаю.

Сухов было вскинулся, потом сник.

– Ах, да... ты же «наблюдатель». Техника оттуда или наша, отечественная? Впрочем, это несущественно. Так вот, что такое «печать зла», я усвоил. Пожар, наверное, тоже спровоцирован ею. Ну а что, если в дело вмешаются «десантники» СС? Или профессионалы, о которых ты говорил? Кто они на самом деле?

– ЧК? «Черные командос»? Как тебе сказать... я ведь с ними лично не сталкивался, просто меня предупредили. Если ребятки из СС – просто равнодушные исполнители воли пославших их существ, знаешь, вроде роботов без эмоций и колебаний и без злобы, то боевики ЧК – натуральные носители зла! Охота на людей и других разумных существ доставляет им удовольствие. Такие или подобные им твари есть и среди людей. Вспомни хотя бы добровольцев-снайперов из нашей недавней истории, стрелявших по старикам, женщинам и детям. С таких, как они, на Земле и начинается дьяволочеловечество! Правда, повторюсь, в условиях нашего хрона-Вселенной, с Землей и Солнцем и остальными галактиками, сила «черных» ограничена законами нашей природы, но в других Мирах они почти всемогущи.

– Успокоил, – хмуро улыбнулся Никита, сделав глоток обжигающе вкусного чая. – Значит, кроме СС, нам будут противостоять еще и дьяволы ЧК?

– Если бы только они, – горько усмехнулся Такэда. – Но кроме «свиты», а в ней ровно сорок «десантников», и «черных командос», которых тоже сорок, – поистине роковое число! – еще есть четверо их начальников-демонов, или дивов, или дьяволов, можешь называть их как угодно, существ с мощным и холодным интеллектом, наделенных колоссальной властью и силой. СС и ЧК подчинены непосредственно этим четверым, помощникам Денницы. А уж прямой выход на каждого из них – это, считай, кранты, и не только для нас с тобой, но и для более могучих существ. Кроме, наверное, Владык.

– Звучит весьма оптимистично.

– Ну и, наконец, сам Денница, – закончил Такэда. – Постичь его сущность нам не дано, да и вряд ли мы встретим его на Пути, ибо по сути он – предел интеллектуального развития Веера Миров, так сказать, Абсолют почти во всех смыслах, олицетворение жадного безжалостного стремления к...

– Власти!

– Нет, не к власти – к истине! Что гораздо опаснее. Дай ему душу, частицу добра и любви, он стал бы самым великим творцом-созидателем вселенной Веера. А так мы имеем то, что имеем: сверхдьявола, способного, может быть, к страданию, но не к состраданию. Еще чаю?

– Нет, спасибо. – Никита поиграл ложечкой для сахара. – Красивая и страшная сказка... Такэда мельком взглянул на него.

– Ты воспринимаешь это как сказку?

Сухов очнулся, виновато кивнул:

– И да и нет. Что-то мешает мне воспринимать твой рассказ как реальность. Но, тем не менее, я готов встать на Путь... в тридцатое царство. – Никита улыбнулся. – С таким гидом мне не страшен и Люцифер. Но мне еще не все ясно...

Такэда вытянул вперед ладонь, останавливая гостя.

– Не все сразу, мастер. Остальное – по мере твоего движения к цели. А идти нам далеко и долго.

– То есть ты мне не веришь.

Инженер ушел на кухню и вернулся уже переодетым в свой обычный летний костюм: серая рубашка, такие же брюки и туфли-кунгфуйки.

– Пошли, «посланник». Путь в тысячу ли начинается с первого шага, как говорят китайцы. Костюм захватил?

– Ты не ответил.

– Ответь себе сам – действием. Размышлять, анализировать и делать выводы никогда не поздно, однако этого мало. Чтобы чего-то достичь, надо действовать. Ты ведь даже еще не ученик – новичок, ничего не смыслящий в предстоящем деле.

Никита, будучи о себе довольно высокого мнения, по привычке хотел возмутиться, но Такэда уже вышел, прихватив с собой «дипломат» с нунчаками. Танцору ничего не оставалось, как последовать за ним с сумкой, в которой лежал тренировочный костюм.

Роман ждал их в небольшом спортивном зале, переделанном из подвала в доме, где он жил сам, неподалеку от метро «Кузьминки».

Правда, ждал довольно своеобразно, не теряя ни минуты для собственного тренинга. Когда Такэда открыл дверь с кодовым замком и они вошли в зал, инструктор занимался с мечом. Увидев входящих, Роман прыгнул к ним и сделал одно сложное, по-змеиному гибкое движение, и Никите показалось, что тот оплетен мечом со всех сторон!

– Хаппо ундо ¹⁴, – сказал Такэда, покосившись на танцора с понимающей усмешкой. – В защитном исполнении с мечом.

Никита неплохо знал терминологию восточных единоборств, инженер не раз тренировался при нем, объясняя на ходу свои действия, но исполнение приема в таком стиле, с мечом, в небывалом темпе и с небывалым мастерством, видел впервые. И был буквально околдован, ибо всегда уважал профессионализм в любом его проявлении.

– Переодевайся, – сказал Роман, оглядев фигуру танцора; дышал он легко и тихо, будто не прогнал только что часовой курс спецтренинга. – Я сейчас. – Он вышел.

Пришедшие переглянулись.

– У меня кюдан ¹⁵, – сказал Такэда, – а у него пятая категория россдао, но я против него не выстою. А мастера шестой категории вообще достать невозможно.

– Даже из автомата?

¹⁴ Хаппо ундо – движение на «восемь сторон света», прием, тренирующий мгновенную реакцию на любую опасность в любом направлении.

¹⁵ Кюдан – девятый дан.

- Разве что, да и то не уверен. Позанимаешься с годик, сам проверишь.
Никита не обратил внимания на обмолвку Толи – «годик», он уже видел себя на татами.
Роман вернулся без меча, и Такэда отозвал его в сторону:
– Мне нужен боец. И не через два-три года, а через два-три месяца.
– Невозможно, Оямович, и ты это знаешь.
– Не знаю. Он в прекрасной физической форме, входит в сборную России по акробатике, супплес развит, растяжка великолепная...
– Согласен, база неплохая, но даже гению не под силу усвоить все приемы россдао, чтобы стать мастером, за два-три месяца.
– Ты еще не работал с ним, увидишь. К тому же я немножко поднатаскал его по концентрации ¹⁶, хотя и не научил пользоваться ею.
– Посмотрим. Все?
– Ему очень понадобится кэндо ¹⁷.
Роман покачал головой.
– Темнишь ты что-то, Оямович. Кэндо, а тем более сеча, – искусство прошлого, в нашей жизни оно ему не понадобится. Вот знать приемы защиты против пистолета и автомата, а также ножа – это да, этого у нас сколько угодно.
– Кто знает, что ему может пригодиться, – философски заключил Такэда. – И еще одна просьба, пусть она тебя не удивляет: после тренировок посмотри за ним тихонько, чтобы он не заметил, пока не дойдет до дому.
Инструктор хмыкнул, прищурился.
– Я в эти «контрразведные» игры не играю.
Такэда остался серьезным.
– Ему угрожает опасность, Рома. Трижды он влип в инциденты, чудом выкарабкиваясь живым. Я не могу раскрыть тебе всего, прими на веру.
Роман оглядел лицо инженера серыми неулыбчивыми глазами и хлопнул ладонью по подставленной ладони.
Такэда подошел к сгорающему от любопытства танцору:
– Волнуешься? Хочешь наставление?
– Валяй.

– Время не трать даром —
молод ты или стар,
Учись ударом
отвечать на удар.
Пусть крепче булатной стали
будет твоя рука,
Чтобы зря враги уповали
на мощь стального клинка.

Это из трактата по Окинава-тэ, восемнадцатый век.

- Не сбивай его с толку, – проворчал Роман, испытующе глядя на Никиту, который был чуть выше его, но в два раза шире. – Россдао не требует набивки рук до крепости булатной стали. Прежде чем мы начнем, юноша, извольте выслушать несколько общих замечаний. Первое: родер никогда не нападает первым. Второе: ученик должен практиковаться без перерыва. Есть где заниматься самостоятельно?

¹⁶ Имеется в виду концентрация внутренней энергии.

¹⁷ Кэндо – путь меча (яп.); здесь: фехтование.

– Есть.

– Третье: борьбу использовать только для законной самозащиты.

– В отношении к учителю и старшим ученик должен проявлять учтивость и благообразие, – подхватил Никита и залился краской, заметив явное недовольство инструктора. – Извините, я, кажется...

– Надо было первой заповедью сделать принцип: не перебивать старших, – мрачно ответил Роман. – Что ж, раз ты хорошо знаешь кодекс¹⁸, повторяться не буду. Последнее замечание самое главное: столкновение с препятствием чуждо высшим уровням искусства, а я причисляю к ним и россдао. К мастеру-родеру *никто не пристанет*. В любой толпе он и заметен и незаметен одновременно.

– Кажется, я понимаю, – медленно произнес Никита. – Незаметен, как и любой человек, идущий по своим делам и занятый своими проблемами, и заметен для тех, кто захотел бы напасть на него. Так?

Роман улыбнулся.

– Соображаешь. Что ж, начнем, маэстро...

Месяц пролетел незаметно.

Сухов занимался с Романом почти ежедневно по два-три часа и, кроме этого, самостоятельно по четыре-пять часов каждый день, преодолев тягу к акробатике – тренер сборной ничего не понял из его невразумительного объяснения и пригрозил отчислить из команды, если он не выкинет блажь из головы. Тянуло и на сцену, танцевать и просто пообщаться с коллегами по искусству, окунуться в привычный мир закулисных историй, приятельских вечеринок и даже ссор. Но времени не хватало, и Никита лишь раз побывал в Малом театре, побеседовал с балетмейстером и уговорил его дать отпуск до середины сентября. Балетмейстер был человеком умным, к тому же он знал мать танцора, и отказывать Сухову не стал, несмотря на то что похожих молодых исполнителей, ждущих вакансий в театре, было немало.

С легкой душой Никита отдался тренировкам с Романом, овладевая россдао с такой скоростью, что удивил даже Такэду, не рассчитывавшего на особо быстрый успех. Отравляло существование только отсутствие Ксении, приславшей откуда-то из-за Урала открытку с видом на сопки и словами: «Желаю удачи в сюгэн-до. Встретимся, если ты этого захочешь».

Тон письма показался Никите сухим, холодным, он разозлился и приказал себе забыть о Ксении, не понимая и не желая понять причины ее отъезда. О предупреждении Такэды, что «печать зла» действует и на друзей «меченого», он забыл. К тому же его бесило знание Ксенией японских терминов и умелое их применение. Сюгэн-до, например, означало – путь приобретения могущества. По мнению Никиты, желая ему удачи в сюгэн-до, Ксения как бы признавала его слабость.

Такэда на заявление Никиты о «разрыве с Ксенией и всеми художниками заодно» лишь заметил:

– В одну упряжку впрячь не можно осла и трепетную лань.

И Сухов, поразмышляв, признал, что погорячился.

Дважды за месяц срабатывала «печать зла»: сначала рухнула крыша гаража, когда танцор полез в подвал за полиролем для машины, а потом на кухне упал навесной шкаф с посудой. Ни в том, ни в другом случае Никита не пострадал – спасала какая-нибудь случайность, но и видимых причин происшествий он не обнаружил. Изломы балок крыши гаража, сделанных из бруса, указывали на их прочность, и тем не менее они не выдержали веса крыши. Шкаф на кухне помогал крепить ему Такэда, всегда делавший все основательно, не торопясь, на совесть,

¹⁸ Имеется в виду кодекс кэмпо, насчитывающий двенадцать заповедей, которым должен следовать ученик.

и все же кирпичная стена вдруг выщербилась в местах установки деревянных втулок с винтами, причем именно в тот момент, когда танцор полез в шкаф за тарелкой.

Кроме этих событий, Сухову трижды пришлось отбиваться от хулиганских шаяк, о чем он не любил вспоминать, ибо каждый раз встречал в разборки между членами этих шаяк с намерением «помочь».

Такэда на сообщения Сухова о происшествиях лишь пожимал плечами, отказавшись их комментировать, зато стал чаще ночевать у танцора или оставлять его у себя дома. Последнее нравилось Никите больше, потому что у него появлялся прекрасный спарринг-партнер и учитель.

В одно из посещений квартиры Сухова Такэда застал его танцующим.

– Я не могу не танцевать, – смутился Никита. – Все время тянет на сцену.

– Я бы удивился, если бы не тянуло. Танец – творческий акт, требующий вдохновения и чувства эстетического удовлетворения, и без него ты – спортсмен-средняк, так что находи время и на танцевальный тренинг. Что вы сегодня проходили?

Никита пошел в душ и уже оттуда сообщил:

– Прыжок с колен и удар.

– Один из приемов иаи-дзюцу. Я же говорил: россдао впитывает все лучшее, что было известно в мировой практике единоборств. Но в айкидо этот прием изучается обычно на третьем году обучения. Не спешит ли Роман?

Никита не ответил, отфыркиваясь под струями душа.

– Что еще вы проходите?

– Контратаку при защите, передвижение; блоки и расчет дистанции и подходящего момента для защиты или нападения. – Сухов появился из ванной с мокрыми волосами, на ходу вытираясь полотенцем.

– До-ай и ма-ай¹⁹, – пробормотал Такэда. – Или я ничего не смыслю в борьбе, или Роман спешит. Или ты гений.

– Что ты там бормочешь?

– Я вижу, русский стиль очень многое взял из айкидо.

– Это тебя удивляет? Россдао, как и айкидо, этически можно отнести к разряду защиты против неспровоцированного нападения, и работают мастера-родеры на уровне рефлексов.

– В том все и дело, Ник. Мастера айкидо никогда серьезно не ранят нападающего, особенно более низкого уровня. А для этого в первую очередь требуются навыки концентрации внутренней энергии и колоссальная психологическая и психическая подготовка – рефлекс-прием должен быть адекватен нападению.

– Почему ты думаешь, что мы это не тренируем? Мы начали с концентрации. Я, например, уже могу добиваться эффекта «несгибаемой руки». Хочешь проверить?

– Потом как-нибудь, в спарринге. – Такэда был ошеломлен, и лишь привычка сдерживаться не позволила ему выразить удивление вслух. – Я рад, что у тебя получается. Но не обольщайся быстрыми успехами, это может сыграть над тобой злую шутку.

Никита сделал обиженный вид.

– Ясумэ²⁰, Толя, все идет нормально. Пару вопросов можно? Зачем мне знание кэндо, вернее, фехтования? Мне что, придется с кем-то драться на мечях? Роман у меня спросил то же самое, а ответа я не знаю.

– И я не знаю, – спокойно сказал Такэда. – Однако без этого знания тебе не осилить Пути стопроцентно. Твой противник усечет это сразу.

¹⁹ До-ай – всякая защита одновременно является и контратакой; ма-а й – сочетание оптимальной дистанции и подходящего момента для тех или иных действий.

²⁰ Ясумэ – расслабиться – команда тренера (яп.); здесь: расслабься.

Никита задумался, устраиваясь на диване в позе размышления, потом встрепенулся:

– Ты говорил, что нам придется путешествовать из... э-э... хрона в хрон, да? Из одного Мира Веера в другой. Каким образом? Ведь Миры отделены друг от друга твоим потенциальным порогом, иначе давно перемешались бы.

– Во-первых, не порогом, а барьером, а во-вторых, он не мой, это физическая реальность Веера. А вопрос интересен. Помнишь, я тебе говорил, что Люцифер-Денница нашел способы проникновения в соседние хроны? Так вот, по тем сведениям, которые у меня есть, его дороги – тоннели, червоточины, скважины, называй как угодно, сохранились. Владыкам-магам они в общем-то не нужны, маги сами способны преодолевать барьер, просачиваться в другой хрон, а вот волшебникам рангом пониже и тем более простым смертным «скважины» Люцифера нужны. В том числе и боевикам СС, ЧК и другим слугам СД. Есть два варианта поиска входа в сеть этих «хроноскважин». Первый: найти древнюю Книгу Бездн, в которой зашифрована нужная информация.

– Что еще за книга?

– В разные века ее называли по-разному: Влесова Книга, Черная, Вафли, Шестокрыл, Вороноград, Астромий, Зодей, Альманах, Звездочетьи, Аристотелевы Врата, Мистериум. Существует легенда, что она была спрятана в стенах Сухаревой башни в Москве, которую взорвали еще до Отечественной войны. Так что найти ее теперь довольно проблематично.

– Так, ясно. Дохлый номер. А второй вариант?

– Второй – проследить за одним из «десантников» СС при их следующем появлении.

– Вариант дохлей первого. Ты думаешь, они появятся?

– Непременно. Дай Бог, чтобы попозже и чтобы мы вовремя заметили! Сам понимаешь, оба варианта из разряда никудышных, но больше у меня ничего нет. Может быть, Весть проснется раньше и ты узнаешь все, что необходимо, сам? Не знаю. Кстати, она тебя не беспокоит?

Никита посмотрел на плечо: коричневая звезда Вести накрыла собой две родинки в форме семерок, и те были едва видны.

– Если о ней не думать – почти не беспокоит, а к ощущению тяжести – знаешь, будто гиря висит на плече, – я уже привык. Но иногда она начинает «вибрировать», особенно если ее задеть, и тогда я получаю весьма ощутимый нервный укол, сопровождаемый фейерверком странных видений, голосов и музыкальных отрывков. Звезда говорит со мной, но я ее не понимаю. Зато смотри. – Никита напрягся, глядя на звезду, и родинки, еле видимые на коричневом фоне, вдруг изменили форму: из семерок они превратились в девятки, держались так несколько секунд и снова стали семерками.

– Любопытно, – сказал Такэда. Глаза его загорелись и погасли. – Ладно, я пошел, мне еще нужно заняться кое-какими личными делами.

– Ты видел? Девятки. Что там говорит математика-мистика Пифагора насчет девяток?

– Потом расскажу, сейчас некогда. Но приятного в этом мало.

Никита проводил инженера удивленным взглядом, не ожидая такой реакции.

А Такэда на протяжении всего пути домой думал об увиденном. В магию цифр он поверил давно, еще до «вербовки» его Посланником, и за полтора года наблюдений за «отмеченными» людьми убедился в справедливости законов, выведенных Пифагором. Но девятки среди других цифр занимали особую позицию, их обладатель, в зависимости от их количества, был отмечен особыми качествами: остротой ума или скрытой жестокостью. Выходило, что звезда Вести предупреждала хозяина об этом и ей не нравился такой вариант событий.

– Посмотрим, – сказал Такэда сам себе. – Если предупреждение повторится, придется корректировать учебу, а без Ксюши это невозможно. Но и возвращать ее сюда – безумие!

Несмотря на очищающие контакты мира людей с толкователями универсальных законов справедливости и толерантности, а также с исполнителями их реалей в форме Принципа-регу-

лятора вроде Посланника или Великих посвященных, мир этот продолжал сползать в пучину распада. Медленно, исподволь, с задержками на время вспышек устойчивого сотрудничества, но неотвратно. Хаос – субстанция «идеальной смерти» – разъедал не только пространство и время, физические основы мира, но и его социальную ткань. Дестабилизационные процессы на Земле, утихая на короткие периоды всеобщего мира, все же продолжали развиваться, свидетельством чему был и недавний распад одного из самых могучих тоталитарных государств – СССР, и усиливающиеся националистические конфликты, и возникновение неонацистских режимов – в странах Балтии, Ближнего и Дальнего Востока, Южной Америки, и увеличение числа локальных войн, и все учащающиеся вспышки терроризма, и наркобизнес. Несмотря на «флер» демократизации общества, в сложнейшей социальной структуре Земли продолжал развиваться страшный принцип психологической кабалы: государство – все, человек – ничто! В большинстве самых развитых стран существовала криминальная пирамида власти: чиновники, плюс мафия, плюс сплотившиеся воры в законе, – и ни одна политическая или общественная сила в этих странах не в состоянии была обуздать эту власть.

Все это недвусмысленно указывало на проникновение ударной волны зла во все Миры Веера. . . о чем знали только Наблюдатели вроде Такэды и «статистическая служба информации Сатаны», доступ к материалам которой надежно охранялся слугами дьявола – вторым эшелонном «свиты».

Сделав такой вывод, Такэда записал его на кассету, положил кассету в хрустальную складную пепельницу в виде бабочки, раскрывшей крылья, и долго сидел за столом неподвижно, привычно продолжая уточнять формулировки и думать о своих друзьях, волею судьбы вынужденных вступать в борьбу с неведомым противником. Думал он и о том, что человек в этой борьбе, существо жестоко противоречивое, – не самое главное и совершенное существо. Тысячи лет назад, в последней битве Тьмы и Света, если под Тьмой подразумевать силы зла, а под Светом – силы добра и справедливости, семеро Владык предвидели возникновение агрессивного разумного вида – человека – и, уходя в свои Миры, изменили константы хрона Земли таким образом, что развитие человеческого мозга не стало максимально вероятным событием. Если бы не этот запрет, человечество, потенциально могучее интеллектуальное племя, в силу изначально заложенного в него эволюционного закона, основанного на агрессии, властолюбии, любопытстве и обмане, давно присоединилось бы к силам Тьмы, и Веер неминуемо погиб бы. Как ни горько было признавать этот факт, Такэда пережил стыд и муку, включившись в борьбу на самой низкой ступени, понимая, что никто наверняка не станет искать его, не поверит и не оценит. Кроме, может быть, самого Веера Миров, существование которого зависело и от самых малых движений души и ума населяющих его существ.

Плоть не вечна в этом мире.
Наша жизнь – роса ²¹, —

пробормотал Такэда.
Зазвонил телефон.

Инженер очнулся, сложил крылья бабочки-пепельницы, раскрыл – кассеты внутри уже не было. Тогда он снял трубку. Звонил Роман:

– Оямович, мне кое-что непонятно, можешь зайти поговорить?
– Что случилось?

– Да, в общем. . . странно все это. По твоей просьбе я четырежды сопровождал нашего подопечного домой, и трижды он втюхивался в какие-то неприятные истории. Один раз, ну два, допустить такое можно, но три – это уже закономерность.

²¹ Фуси-напевы. Песня, открывающая мир грез.

– Что за истории?

– Пытался спастись от хулиганья девиц, которые потом оказывались той же породы. Естественно, ему бы крепко доставалось, если бы не какая-нибудь случайность: то милиция подоспела, то довольно умелые парни, так что мне и вмешиваться не приходилось. Но каждый раз сценарий развития событий типичен до удивления, будто писан одним сценаристом и разыгран одним режиссером. Что за ерунда? Ты об этой опасности намекал? Рассказал бы толком.

– Как-нибудь расскажу. Инциденты на улицах – не самое страшное, и, пока он не научится владеть собой, нам с тобой придется его подстраховывать. Понимаешь?

– Слишком мудрено, по-моему. Парень он неплохой, не злой, сильный, схватывает все быстро, но относится к учению слишком утилитарно. Росдао – не просто техника приемов самозащиты, это прежде всего особая философия жизни, где нет места воинственным настроениям, агрессивности, алчности, хвастовству.

– Он поймет это, я знаю его лучше, не дави на его психику. Что касается техники, то в первую очередь его надо обучить управлению жизненной энергией организма, это по-настоящему абсолютное оружие. Если Ник сможет концентрировать волю на развитии интуитивного, сверхчувственного восприятия действий противника, он добьется любой цели.

– Задатки у него есть, но их проявление – в его воле, а не в моей. Чтобы развить их, надо заниматься двадцать четыре часа в сутки, и не месяц, а годы, тут ты меня не переубедишь. Заходи, потолкуем. Заниматься с твоим акробатом интересно, однако я хочу знать, ради чего все это затевается.

Такэда повесил трубку, и в это время на пульте компьютера замигал красный огонек, задребезжал звонок, и под картой города на дисплее побежали строки: «Уровень два – татакинаси²²».

Инженер не раздумывал ни секунды: взглянул на карту – где Сухов? (Лебяжий переулок. Что там? Библиотека, столовая, ЖЭО... Зачем его туда понесло?) Прыжок к шкафу – забрать сумку с нунчаками и мечом, и – вон из квартиры. Термином «татакинаси» он зашифровал возможное пришествие «десантников» СС – либо в качестве профилактики, либо для конкретного дела, то есть акции по обезвреживанию потенциальной угрозы, – если им стало известно о попытке вступления танцора на Путь. Компьютер мог и ошибаться, но, как правило, его прогнозы сбывались.

Лебяжий переулок начинался от Северного рынка и был достаточно коротким – метров двести, не более. Такэда пробежал его почти весь за минуту, поглядывая на черный камень индикатора, впаянный в перстень из сизо-голубого металла. Возле двухэтажного здания библиотеки камень стал мутно-прозрачным, и внутри него зажегся крохотный контур рогатого чертика.

На входной деревянной двери, прятанной в нише за двумя колоннами (зданию было лет шестьдесят с гаком), висела табличка: «Ремонт». Но Такэда обратил внимание на свежую краску – надпись даже не просохла как следует, и ему все стало ясно.

Дверь оказалась незапертой.

Инженер, выхватив из сумки нунчаки, а саму сумку повесив на шею, бесшумно пробежал по коридору первого этажа, пробуя двери. Ремонтом здесь не пахло, и все двери были закрыты на замок. Зато на втором возились трое угрюмых мужчин в касках и оранжевых жилетах дорожных рабочих, заделывая кирпичом торец читального зала. Строители такие жилеты не носили. *Вселение!* – понял Такэда. Они привлекли оперативников «бархатного вмешательства». Хорошо, что не ЧК!

²² Татакинаси – исправление наказанием (яп.).

Под *вселением* инженер понимал *внедрение* психоматрицы конкретного субъекта, в данном случае оперативного работника из технической группы СС, в мозг нормального человека, который начинал действовать по приказу вселённого. Дорожные рабочие попались «эсэсовцам» случайно, им было все равно, кто выполнит задание по нейтрализации угрозы в лице Сухова.

Увидев Такэду, «дорожники» прекратили работу, переглянулись, двое двинулись к нему, а третий принялся доделывать начатое. Когда до инженера, ждавшего «рабочих» на верхней ступеньке лестницы, осталось метра три, в руках незнакомцев появились короткие, мерцающие голубым огнем копыя.

Инженер прыгнул им навстречу, начиная первым. Он знал, с кем имеет дело. Взметнулись нунчаки, и копыя вылетели из рук «рабочих», врезались в стену коридора, пронзив ее, как бумагу. Второй выпад оружия Толи пришелся по каске первого «рабочего» и по челюсти второго. Последний беззвучно лег, но первый, весь какой-то серый, пыльный, перекошенный, успел перехватить гладкую дубинку нунчака, змеистый зеленый огонь стек с его руки на дубинку, достиг бечевы, связывающей обе палки нунчаков, и... сорвался на пол, потому что Такэда выпустил нунчаки из рук. В следующее мгновение он вытащил меч.

Тускло блеснуло лезвие, проделав зигзаг и вонзившись в широкое запястье «рабочего». Убивать инженер не хотел, потому что ему противостояли обычные люди, не понимающие, что творят. Вселённые уйдут, а они снова станут людьми. Но остановить их было необходимо.

На кисти руки «рабочего» заалела глубокая царапина, он вскрикнул и отшатнулся, глядя на ручеек крови, стекающий на пол из пореза. Такэда сделал угрожающее движение – «рабочий» поспешно отступил. Но прыгнул Толя не к нему, а к третьему члену группы, который доставал из-под жилета знакомое копые. Бросить не успел: меч инженера коснулся его лица, проделав борозду от лба к подбородку, минуя глаз. «Рабочий» взвыл, инстинктивно поднимая руку к лицу, и нарвался на синюю молнию сработавшего копыя. Это не был разряд электричества или плазменный выстрел – повеяло ледяным ветром, как из гигантского морозильника, и полголовы «рабочего» будто срезало бритвой: она исчезла, растаяла, испарилась! Боевик еще падал, когда Такэда прыгнул назад, к тому из «рабочих», которому досталось по челюсти. Но не успел. «Рабочий» выстрелил в него сгустком зеленого огня, сорвавшегося, как показалось инженеру, с костяшек пальцев левой руки.

Он по-кошачьи извернулся в воздухе, одновременно защищая грудь мечом, и это его спасло: сгусток огня в форме когтистой медвежьей лапы врезался в лезвие меча, срикошетил и пропахал плечо лезвием жуткого холода. В голове Толи взорвалась ледяная глыба, и на какое-то мгновение он потерял способность видеть и чувствовать, упав за одно из кресел возле лестницы, а когда очнулся, увидел заключительный акт драмы.

«Рабочий», стрелявший в него огнем, засовывал в портфель типа «дипломат» или «атташе-кейс» черного цвета копыя и предметы, похожие на черные кастеты. Затем коснулся «дипломата» головой и упал навзничь рядом. «Дипломат» свернулся в шар, прочертил черную линию в воздухе и исчез через окно. «Рабочие» лежали не шевелясь: двое без сознания, третий был мертв. *Вселение* закончилось. На стене, требующей побелки, остался след от копий – два пыльных кольца и дыры в форме черных клякс.

Не чувствуя плеча, Такэда дотронулся до стены, потрогал ее кончиком меча – твердая. Огляделся. Вдохнув, поплелся дальше по коридору, заглянул в читальный зал. Два тела на полу у полок – юноша и девушка, и третья – старушки библиотечкариши за столом – уронила голову на книги. Живы, дышат. Слава Богу! Но где же танцор?

Такэда вернулся в коридор и внимательно оглядел свежую кирпичную стену, в которой осталось заделать лишь три верхних ряда. Поискал глазами что-нибудь тяжелое, нашел молоток и стал методично разрушать стену, вытаскивая кирпичи: раствор еще не схватился и кирпичи выпадали легко. Никиту он нашел лежащим в нише, образованной пустой пожарной

камерой, между старой и новой стенами. Сухов был жив, но в себя не приходил, парализованный, видимо, холодным разрядом копий или «кастетов» десанта СС. Позвонив в «Скорую» и в милицию, Толя потащил тело друга вниз, чтобы успеть до приезда тревожных служб.

Сухов пришел в себя уже дома, на кровати. Долго глядел на инженера, не узнавая, потом отвернулся к стене, как бы давая понять, что обвиняет в случившемся именно приятеля. Толя, понимая его чувства, не торопился оправдываться. Приготовив тонизирующее снадобье – чай, отвар шиповника и женьшеневый настой, – заставил танцора выпить. Потом сел рядом и начал читать книгу.

Никита не выдержал первым. Жаловаться, однако, не стал, пересилил себя. Сказал с горечью:

– Взяли меня, как цыпленка! «Эй, интеллектуал, – говорят, – пособи-ка подвинуть лестницу». Ну, я и помог... «Свита Сатаны»? Или ЧК?

– Обычные люди, соотечественники.

– То есть какие еще соотечественники?!

– Боевики в них вселились, в их мозг. Это называется психовселением.

Никита немного подумал.

– Я решил, такие трюки возможны только в литературе. А почему же тогда в меня никто не вселился? Насколько проще убрать меня таким образом: влез в мозги, приказал броситься вниз с высотного дома, и дело с концом.

– Психоматрица не всеильна, подать приказ телу выполнить акт самоубийства она не может, организм сопротивляется на уровне инстинктов, на уровне подсознания. А вот убить другого – пожалуйста.

Никита опять немного подумал.

– Скоты! Зачем я только ввязался в это дело! Или еще не поздно выйти из игры?

Такэда молчал.

– Ясно, – вздохнул Никита, – значит, поздно. Но ведь я ничего еще не сделал, почему они решили меня убрать?

– Скорее всего это профилактическая проверка работы «печати зла». Но могут быть верными и другие варианты. Скажем, у них здесь есть свои наблюдатели. Или же «печать зла» обладает обратной реакцией, сигнализируя хозяевам о тщетности заклития. Факт, что они послали малый патруль «бархатного вмешательства».

– А что, есть и большой?

– Бывает малый, специальный и достаточный патрули. В малом – трое боевиков, в специальном – пятеро, ну а достаточный – это прайд СС, уйти от него, наверное, невозможно. Как и от десанта ЧК. Хорошо, что в нашем случае малый патруль был в с е л ё н н ы м. – Такэда помедлил. – Тебе надо исчезнуть, Кит.

– Как это – исчезнуть? – повернул к нему голову Сухов. – Куда исчезнуть?

– Совсем. Из города. Из страны. Надо инсценировать твою смерть. Похороны.

– Ты с ума сошел! А мама? Ты о ней подумал? Ксения тоже... У меня же куча родственников, друзей...

– Маму мы на некоторое время отправим куда-нибудь, скажем, к родственникам, пока ты будешь овладевать собой. А с Ксюшей... тоже что-нибудь придумаем. Или у тебя есть другие идеи?

Никита отвернулся, несколько минут молчал.

– А я куда денусь? Буду жить под псевдонимом?

– Вместе со мной. Мне тоже придется «погибнуть». У японцев есть такой обычай – дзюнси: вассал следует в могилу вслед за своим господином, сюзереном.

Никита сел на кровати, бледный до синевы, грустно улыбнулся.

– Ну и судьбу ты мне накаркал... вассал.

– Старый ворон не каркнет даром. Ну что? Решено?

– Мне надо попрощаться с... Ксенией. – Имя девушки Сухов выговорил с трудом. – Понимаешь? Или нельзя?

В прихожей раздался звонок. Никита подскочил, с испугом глянул на друга, который рассматривал перстень, подмигивающий зеленым зрачком.

– Иди прощайся, – вздохнул Толя. – Видимо, вы с ней одного поля ягоды. Это Ксения.

Никита вихрем промчался по комнате, открыл дверь и встретил улыбку художницы, одетой по-дорожному. У ног ее стояла огромная сумка.

– Вот и я, – сказала она певуче. – Не выдержала. Толя будет ругаться...

Больше она ничего не успела сказать, потому что Никита закрыл ее рот поцелуем.

Вершина вторая НОВИЧОК-УЧЕНИК

Глава 1

Похоронная процессия была не очень большой и шла недолго: от подъезда дома, в котором жил погибший, до автобуса-катафалка с черной траурной лентой насчитывалось всего полсотни шагов. Хоронили двоих: молодого парня, бывшего акробата и танцора, и его друга, бывшего инженера-электронщика. Одному едва исполнилось двадцать шесть лет, второму тридцать два. Правда, увидеть, какими они были, не представлялось возможным: хоронили их останки, завернутые в белое полотно. Оба погибли в автокатастрофе – их машина врезалась на повороте в дерево и загорелась, так что опознать их по лицам было невозможно, разве что по личным вещам, да мать более молодого узнала сына по родинкам на плече, схожим с цифрой семь.

На кладбище, пока произносили прощальные речи представители делегаций театра, в котором выступал танцор, спортивного комитета и Института электроники, где работал инженер, к одному из рабочих похоронной команды подошел пожилой лысоватый мужчина с брюшком; он бродил среди могил, когда привезли погибших.

– Кого хоронят?

Рабочий, молодой, загорелый, в черной рубашке, разматывающий длинное полотенце, оглянулся.

– Говорят, какого-то мастера спорта по акробатике и его друга-японца.

– Молодые?

– Да кто их знает, отец. Говорят, молодые, разбились на машине и сгорели.

– А как их опознали?

Рабочий пожал плечами.

– Что за интерес, отец? Опознали, иначе не хоронили бы. Да и кто мог ехать в машине спортсмена, кроме него самого?

– Ну, угнал кто-то...

– А ты часом не из милиции, папаша? Так их спецы уже провели расследование. – Парень отошел к гробам, возле которых стояли родственники погибших, человек двадцать.

Пожилой мужчина проводил его взглядом, долго смотрел на гробы, на которых заколачивались крышки, и тихонько отошел к деревьям у прохода. К нему подошел еще один мужчина, совсем старик, они поговорили о чем-то, а затем вдруг начали оглядываться в недоумении, будто не понимая, как и зачем сюда попали. Они приходили в себя долго, в течение всей церемонии, и по их лицам было видно, насколько они удивлены и напуганы. Правда, за ними никто не наблюдал.

Похороны закончились. Гробы закопали, на холмиках установили обелиски с крестами, обнесли оградой. Близкие родственники погибших сели в микроавтобус и уехали, за ними потянулись автобусы с похоронной делегацией. Кладбище в этом неудобном уголке города, с готовыми ямами для очередных умерших, опустело. А затем к свежим могилам подошел человек в странном зелено-сером, с разводами, комбинезоне, огромный, широкий, с бледным лицом и бездонно-черными глазами. Постоял в задумчивости у могил, пристально глядя на обелиски с фотографиями похороненных, и тяжело, но бесшумно канул в заросли за оградой. На свежей земле у ограды остался отпечаток его ботинка: рифленая подошва и в центре давленный трезубец.

Через час после окончания похорон в квартиру к матери более молодого из погибших, Никиты Сухова, позвонил тот же человек в пятнистом комбинезоне, с черным чемоданчиком в руках. Ему открыл один из родственников Сухова, его дядя по материнской линии Федор Тихонович Симагин.

– Извините, здесь проживает гражданка Сухова Мария Ильинична?

– Проходите, – посторонился Симагин, круглый, потный, в костюме, несмотря на жару. – У нас тут похороны, помяните ее сына. А что вы хотели?

– Я не знал, извините. Газ-служба, обычная профилактика. Зайду в следующий раз. А что случилось?

– Погиб ее сын. – Симагин вытер лоб платком, поморщился. – Несчастный случай, разбился, с другом на машине, она загорелась... – Федор Тихонович махнул рукой с платком. – В общем, еле узнали, да и то по родинкам на плече.

Гость сожалеюще поцокал языком.

– Да, это неприятно. – Увидев удивленный взгляд родственника, заторопился. – Извините, у меня еще много заказов.

– Ничего себе – «неприятно»! – пробормотал Симагин, провожая его взглядом, но тут же забыл об этом, возвращаясь в квартиру, где царила тягостная атмосфера воспоминаний и последних речей вослед безвременно ушедшему.

Самолет взлетел в девять вечера из Быкова, и Сухов с каким-то новым для себя чувством потери глянул на город сверху: скопление рукотворных холмов из бетона, кирпича, стали, стекла и асфальта, среди которых сновали металлические жуки-автомобили и ползали мураши-люди. На душе скребли кошки, было муторно и тоскливо, и до боли в желудке хотелось проснуться и зажечь прежней, расписанной по ногам жизнью. Но танцор знал, что это невозможно, возврата к прежней жизни не было, как бы ни повернулось колесо судьбы. И все же сердце жаждало успокоения, а не борьбы. Все еще помнились глаза матери, растерянные, ничего не понимающие, не умеющие лгать, и сжималось сердце в тревоге за нее: сможет ли она сыграть роль убитой горем матери, если кому-то из неведомых далей и времен вздумается проверить, умер ли ее сын на самом деле или нет.

На свои похороны Никита не пошел, вернее, его не пустил Такэда, решивший не рисковать. Ксения присутствовала на кладбище и должна была рассказать все подробности, хотя и месяцем позже, когда все поутихнет. Как и мать, она знала правду, но роль свою сыграла вполне искренне, понимая, что от ее игры зависят последствия «похорон».

Улетали «погибшие» без нее, девушка даже не знала – куда, но готова была ждать весточки и прилететь по первому же зову.

Такэда, сидевший рядом, искоса поглядывал на друга, но молчал, понимая его состояние. Сухов отрезал свои длинные волосы, волной падавшие на шею, отрастил бородку и усы и теперь походил на коммерсанта, спешащего по делам на край света – в Хабаровск. Такэда тоже отрастил усики а-ля Чарли Чаплин и превратился в типичного экранного мафиози, связываться с которым вряд ли стоило кому бы то ни было.

Операцию с «похоронами» они разрабатывали почти месяц, а осуществили лишь в середине сентября, когда подвернулся случай.

Во всем мире существовала практика негласной перевозки и похорон трупов из моргов полиции или милиции, «прошедших опознание, но не опознанных». Чаще всего такими становились одиночки, уехавшие из родных мест и погибшие на чужбине, в авариях, катастрофах, а зачастую и от ножа бандитов. На этот раз милицейский «ворон» перевозил в Москву из Реутова десять молодых парней, целую команду «самоубийц», путешествовавшую по стране на велосипедах и не имевшую никаких документов: все они, перепившись, спали на сеновале

в одной из деревень и сгорели в одно мгновение, не успев сообразить, что случилось, когда одному из них захотелось покурить.

Машина с останками слетела с шоссе в реку ночью – лопнуло переднее колесо, и водитель не смог удержать холодильник на дороге; к счастью, сам он остался жив, как и сопровождающие мертвый груз. Правда, этим повезло меньше, оба милиционера получили сотрясение мозга.

Сообщение об аварии пришло в центральное городское ГАИ в первом часу, и тотчас же это стало известно Такэде, компьютер которого давно «дежурил» в сети компьютеров всех тревожных служб Москвы. На место происшествия инженер приехал с Никитой через полчаса, опередив гаишников и милицию. Еще через несколько минут два полуобгоревших трупа, завернутых в гардины, лежали в кабине «сотки» Сухова, а остальное было делом техники. Водитель был без сознания и ничего не заметил, и заметили ли милицейские чины пропажу останков двух человек, друзья так и не узнали: морозильник свалился в реку, и это обстоятельство сработало на руку похитителям.

Самым трудным делом оказалось воспроизведение на плече одного из трупов, соответствующего по габаритам и мускулатуре Сухову, наколки, имитирующей родинки «семерки», но в конце концов Такэда, специально консультировавшийся по данному вопросу, справился и с этим. Все их действия происходили в полутемном гараже Такэды и так измотали танцора, что он едва не сорвался, крича шепотом, что «плевать он хотел на все эти СС и ЧК», что «хочет жить, как все люди, пойдет в Госбезопасность, во всем признается, и будь что будет». Толя не возражал, продолжая начатое, и пыл Сухова иссяк, хотя потом он признался, насколько все это ему противно.

День они готовились к «операции отхода», а пятнадцатого сентября вывели ранним утром машину, выехали за город и удачно разбили ее на повороте о ствол огромного тополя, уложили подготовленные трупы надлежащим образом внутри и возле машины и подожгли ее. Похороны состоялись через два дня...

Самолет набрал высоту, стюардесса разнесла напитки, но Сухова сон не брал, несмотря на то что в последние сутки нервы его напряглись до предела, а сейчас наступило расслабление. Не спал и Толя, делая вид, что читает. Устал и он, взяв на себя на этом этапе все тяготы путешествия. В отличие от Никиты, все еще сомневающегося в верности их действий и реальности происходящего, инженер точно знал, что опасность смертельна и возврата к прежней жизни не будет. И только он один ведал, куда они летят и зачем.

В Хабаровске еще лет десять назад был создан Центр русского боевого искусства – ЦРБИ, инструктором-наставником которого стал учитель Романа, мастер шестой категории россдао, ученик знаменитого Деда, Иван Григорьевич Красильников. Такэда надеялся договориться с ним, чтобы обучать Никиту, с успехом начавшего путь бойца у Романа.

«Он просто талант! – вспомнил инженер слова инструктора. – За два месяца обогнал моих орлов, которые занимаются уже по году-полтора! Если так пойдет и дальше, он и меня обгонит через год». Через год, повторил про себя Толя. В том-то и дело, что года в запасе у него нет. Главное, чтобы в ходе занятий он осознал две истины: важна победа не над противником, а над собой, это раз, и два – побеждает не борющийся против чего-то, побеждает борющийся за что-то.

– А как было все здорово! – сказал вдруг с тоской Никита, не отрывая взгляда от иллюминатора, словно разговаривая сам с собой.

– Ты о чем? – покосился на него Толя. – Машину жалко, что ли?

Сухов на шутку не ответил и продолжать не стал, но Такэда и так понял его мысль: танцор до вмешательства в его жизнь темных сил жил в своем мире, удобном во всех отношениях, созданном для таких же, как и он, людей искусства и спорта. И потому оторванным от остальных миров, в которых на разных уровнях достатка и бытовых условий жили другие люди, от безработных до президентов, членов банд и мафиозных кланов. Оказавшись за бор-

том своего достаточно прочного ковчега, столкнувшись с чужим миром жестокости, насилия и страха, поняв, что теперь необходимо жить иначе, решать все самому и отвечать за последствия каждого шага, Никита Сухов, чемпион России по акробатике, серебряный призер чемпионата мира, великолепный танцор, растерялся. Умом он понимал, что спокойное течение бытия закончилось, но душа все еще жаждала возвращения к нему. А почва под ногами была зыбкой, неверной, колеблющейся, как торф на болоте...

– Наверное, я просто невезучий, – закончил Сухов разговор с самим собой.

– Не плачь, меченый, – сухо сказал Такэда. – Тебе еще повезло: ведь боевики СС могли тебя убить еще тогда, в парке. Вожак тебя просто пожалел.

Никита оторвался от созерцания иллюминатора, глянул на товарища, криво улыбнулся, щеки его порозовели.

– Кого милует Бог, того жалует царь. Непонятно только, что за царь и где его искать.

– Главное, чтобы он был в голове. Знаешь пословицу: без царя в голове царем не станешь!

– Ты говорил, существовала какая-то книга, в которой якобы указан вход в тоннель, связывающий Миры Веера.

– Книга Бездн. По легенде она связана Страшным проклятием на десять тысяч лет. Была заточена в стенах Сухаревой башни, которая стояла между Сретенкой и Мещанской, ее еще в эпоху Петра Первого строили. Но после разрушения башни Книга исчезла. – Такэда помолчал. – Я ищу ее уже почти полтора года.

– Ну и?..

– Есть кое-какие следы... слабые. Мне придется в связи с поисками помотаться по свету, так что побудешь один. Я оставлю тебе Даоскую книгу, она хоть и не Книга Бездн, но скрасит твое одиночество. Хочешь изречение из нее?

– Валяй, учитель. – В голосе Никиты прозвучала ирония, но инженер не обижался на такие вещи.

– Будь текуч, как вода, покоен, как зеркало, отзывчив, как эхо, и невозмутим, как тишина

²³.

Разговор на время прервался. Ровно гудели двигатели самолета, некоторые пассажиры шуршали газетами, другие разговаривали или спали. Уплывала назад родина, дом, уют, уплывало прошлое. Потом Никита подвинулся ближе, сказал мрачно:

– Совет неплохой, да опоздал. Ну-ка, расскажи мне про Веер еще раз, поподробней.

– Что именно?

– Как он возник, я понял, а какие вселенные реализовал? С какими условиями?

– На эту тему можно говорить долго, но я постараюсь покороче. Спектр Миров, реализованных Веером, практически необъятен, хотя и не бесконечен. Есть миры, совсем не отражающие земные представления о пространстве, времени и жизни, но есть и вполне земноподобные, то есть имеющие планеты, звезды, галактики, черные дыры, сверхновые звезды и даже саму Землю. Правда, обитатели тех «земель» не всегда называют ее Землей, но существуют и почти идентичные миры, отличающиеся лишь деталями. Интересно, что такие Миры Веера создают своеобразные «пакеты», в которых спектр условий проходит предельные варианты, скажем, от Порядка до Хаоса или от Добра до Зла.

Такэда остановился:

– Нет, так я тебя запутаю.

– Продолжай, пока я понимаю.

– Хорошо. В качестве примера: наша родная Земля находится в середине такого «пакета». «Ниже», то есть ближе к моменту начала Веера, реализуется М-физика, магическая физика, дающая возможность изменять мир с помощью волевого усилия, волшебства – по

²³ Гуань Иньцзы. Даоская книга.

нашим понятиям, конечно. «Выше» идут Миры, в которых есть Земли и где реализуется уже Т-физика, технологическая, счетно-анализаторная. Не спрашивай только, как все это выглядит, я не путешествовал по Мирам Веера. Может, с тобой повезет?

Никита не отреагировал на вопрос, Толя продолжал:

– Иерархия Веера довольно проста, она включает всего пять ступеней, каждая из которых имеет свой спектр вариантов. Первая ступень: верны все классические законы физики. Пример: наша Земля и ее «двойники» в соседних хронах. Вторая ступень: работают законы относительности; в нашем хроне они соблюдаются частично. Третья ступень: хозяева – законы энергоинформационного обмена, это уже подходы к магическому воздействию. Четвертая: властвуют законы изменения структуры волевым усилием. И наконец, пятая: абсолютная власть над материей, формой и сущностью, над жизнью и смертью – у сил, названий которых мы не знаем. И вряд ли узнаем. С этими силами могут соперничать только Владыки, да и то не всегда индивидуально, а лишь соединяясь в нечто вроде коллективного разума типа Соборной Души нашего Веера. Известно только одно: существуют ступени развития материи более высокие, чем разум в человеческом понятии, и принципы, более совершенные, чем добро, и более желаемые, чем блаженство. А также системы знаний, не основанные на познании и науке. Но это уже тема для отдельного разговора. Денница, кстати, родился в одном из таких миров, – Такэда задумчиво пососал палец, – хотя и не реализовал все эти перечисленные мной постулаты. Правда, я сам не все здесь понимаю... – Он осекся.

Сухов спал. Лицо у него было бледное, осунувшееся, измученное. И Такэда впервые остро пожалел, что случай вовлек парня в эту дикую, непонятную, непредсказуемую, невероятную авантюру.

Но пути назад действительно не было.

Иван Григорьевич Красильников, инструктор россдао, о котором говорил Роман, бывший его ученик, оказался почти таким же молодым, как и сам Роман: шел ему тридцать первый год. На вид нескладный, долговязый, слегка сутулый, не имеющий особо развитой мускулатуры, он не производил впечатления сильного человека и опытного бойца, но глаза – серые, цепкие, умные – выдавали его сразу. В них за блеском иронического внимания таилась скрытая сила и предупреждение, вызывающие невольное уважение любого, кто встречался с Красильниковым.

Никита помнил слова Такэды, что мастера шестой категории россдао «достать» невозможно, однако убедился в справедливости сказанного только в ЦРБИ, где Красильников работал инструктором-наставником. На первой же тренировке наставник провел учебный бой сразу с шестнадцатью учениками, нападавшими со всех сторон, и, не получив ни одного прямого удара, уложил их всех в течение трех минут. И это несмотря на то, что многие из ребят занимались россдао по пять-шесть лет и сами были инструкторами в других школах!

Никите Иван Григорьевич – все звали его только по имени и отчеству – понравился. Он не любил много говорить, зато много показывал, и жесты его были красноречивее слов. Сухову он после показательного боя задал только один вопрос:

– Как, по-вашему, можно сформулировать цель мастера россдао в схватке с многочисленным противником?

Никита, застигнутый вопросом врасплох, промямлил:

– Ну... наверное, использовать неизбежную сумятицу... вести бой в манере защита-контратака...

– Основная цель – вывести из строя противника наиболее-эффективным методом и с наименьшей затратой сил. – Красильников внимательно оглядел Никиту снизу вверх. – Хотя и вы, конечно, в чем-то правы. – Повернулся к молчавшему Такэде. – Рекомендации Романа мне

вполне достаточно, да и материал неплохой, будем работать. Но и вам придется позаниматься с ним, если хотите достичь максимального результата.

На этом и закончился «цикл вводных лекций» Красильникова, отбирающего учеников только по ему одному известным качествам.

Занятия отвлекали от горестных дум и тягостных ожиданий, и Никита, сменивший имя и фамилию на Владимира Петрова, с головой ушел в борьбу, занимаясь по двенадцать часов в сутки.

Они сняли квартиру на северной окраине Хабаровска, разбросанной по сопкам, у пожилой четы Ивлевых, пенсионеров, подрабатывающих в летнее время сбором облепихи, грибов и ягод. Хозяев звали Федором Полуяновичем и Марией Кирилловной и были они тихими, неразговорчивыми, стеснительными и добрыми людьми, прожившими в тайге полжизни и лишь к старости получившими квартиру в городе, да и то по настоянию детей. Сын женился на белоруске и уехал в Гомель, благо в славянских странах еще не дошло до визового обмена, дочь тоже уехала – на Сахалин, выйдя замуж за капитана рыболовного сейнера, и старики остались одни. Как вышел на них Такэда, Никита не знал, но был рад, что может уединиться в комнате и заниматься своими делами, никому не мешая; комната Толи находилась напротив. Сами же хозяева жили в третьей комнате, в конце коридора, за общей гостиной, где стояли телевизор, старенькое пианино и сервант.

Комната Сухова была по-спартански пустой: стол, кровать, стул, шкаф. Зато хватало места и на отработку катю – комплекса упражнений, и на занятия со снарядами, в основном – гантелями, поясным эспандером и подвесным турником.

Такэда с неделю побыл в Хабаровске и уехал, взяв слово с танцора, что тот не сорвет «режим подводной лодки, лежащей в засаде на грунте». Инженер все еще не терял надежды найти пресловутую Книгу Бездн.

Первое время Никита свято соблюдал «режим»: ходил только на тренировки, а все остальное время проводил дома, занимаясь повторением пройденного или читая книги, в том числе оставленные Толей философские труды Лосева, Андреева, Бердяева, Шульгина и других. Но тоска по Ксении скоро превратилась в род физического недомогания, и Сухов стал искать способы отвлечения от этой напасти, самым привычным из которых был ночной клуб или бар; в Хабаровске их хватало. Слать письмо Ксении он побоялся, да и Такэда пообещал привезти весточку от нее.

День шел за днем, «печать зла» о себе не напоминала, звезда на плече молчала, и Никита поневоле втянулся в ритм ежедневных тренировок, не забывая об акробатике. Так он однажды поразил товарищей по группе тройным сальто и рондадом²⁴ с переходом на шпагат. Тоска по танцу тоже давала о себе знать, но он терпел, мечтая когда-нибудь «показать класс». В доме Ивлевых он тоже не мог танцевать открыто, да и комната для балетной танцевальной программы не подходила.

Затем его озарило, и после недолгих колебаний он предложил свои услуги в качестве солиста в казино «Бомонд», забыв об осторожности и считая случившееся в Москве, за тысячи километров отсюда, чуть ли не легендой. Уговорил он себя еще и потому, что запас денег, заработанных в прежней жизни, был не вечным.

Танцевал Никита в казино по вечерам три раза в неделю, но слава о танцоре разлетелась по городу быстро, и в дни его выступлений «Бомонд» заполнялся до отказа. Никита повеселел: после длительного перерыва он наконец-то нашел свою стихию, помогавшую скрасить жизнь. Но спустя два месяца, в течение которых от Такэды не было ни слуху ни духу, ситуация изменилась.

²⁴ Рондад – прыжок с разбега с переворотом вперед и с поворотом со стойки на руках.

Во-первых, пришло письмо от Ксении (Толя все же нашел ее и дал адрес), после которого Никита едва не сорвался с места и не помчался в Москву. Во-вторых, Красильников узнал о ночной жизни подопечного и потребовал ее прекратить, обратив внимание на усталость танцора, мешающую работать в полную силу. На инструкции Такэды он ссылаются не стал, но аккуратно провожал ученика с тренировок до дома, оставаясь незамеченным. В-третьих, Сухов почувствовал *дуновение* посторонней силы. В результате интенсивных занятий по концентрации внутренней энергии внимание и чувствительность его обострились, и ему показалось, что кто-то начал опять следить за ним – слепо, не видя, на уровне психического контакта.

Точку поставило происшествие в казино.

В этот вечер начала ноября, холодный и дождливый, в казино заявили воротила местного бизнеса: президент Дальневосточного филиала «Интробанка», директор колбасной фабрики, сопresident японско-российской коммерческой фирмы «Хацюмэ» и с ними три десятка «крутых» парней, телохранители, приятели, девицы. Перед такой публикой Никита выступать не любил, но платили ему хорошо, и делать было нечего, приходилось танцевать. К двенадцати ночи он вымотался, работая по заказам. «Генацвале, держи. – Кто-то из свиты бизнесменов совал ему десяти тысячную банкноту. – Танцуй харापпу». И Никита танцевал.

Но без четверти двенадцать он решительно отодвинул ведущего и заявил в микрофон, что Просит уважаемых гостей «не гнать лошадей», программа закончена. Однако гости, подогретые обильными возлияниями, продолжали кричать «бис» и совать деньги, требуя продолжения. Сухов пожал плечами, сошел со сцены и наткнулся на коренастого крепыща в светлом костюме с гвоздикой в петлице. Это был один из друзей Щавеля, президента «Интробанка», а может, не друзей, а компаньонов.

– Танцуй, малый, – сказал он хрипло, протягивая пачку долларов. – Плачу «зелеными». Но уйдешь только по моему сигналу.

Никита побагровел: в таком тоне с ним еще не разговаривали. Однако сдержался.

– Прошу прощений, мистер, но программа закончена.

Сбоку подsunулся владелец казино Голдман, рыхлый, вечно потеющий, лысый, как колено.

– Володя, не ерпенься, попрыгай еще полчасика. Гости просят, нельзя отказывать.

Сухов заколебался было, но коренастый повел себя в прежней манере:

– Куда он денется? Еще не родился такой оригинал, который отказал бы Щавелю. И мне.

– Этот оригинал я. – Никита сбросил с локтя пухлую руку Голдмана и направился к двери около стойки бара.

За спиной раздался злой хрип коренастого, тенорок владельца казино, еще чьи-то голоса, но танцора никто не остановил. Зато его встретили за дверью казино, в переулке.

Никита ощутил толчок в сердце: вспомнились прежние столкновения, инициированные «печатью зла». Неужели она снова нашла его? Несмотря на все ухищрения скрыться, замаскироваться, выйти из «круга устойчивого интереса» парней СС? Или все объясняется вполне прозаически: местные мафиози решили наказать строптивного танцоришку?..

Итак, трое... нет, больше. Сухов привычно собрался, концентрируя внимание. Он уже научился пользоваться резервами внутренней энергии организма, но применять свое знание еще не приходилось.

Значит, трое – впереди, еще двое – за кустами, справа. Эти наиболее опасны, потому что вооружены. И все же это не засада «свиты Сатаны», а тем более не ЧК.

– Ты что возомнил о себе, танцор? – пренебрежительно сказал один из троих, самый высокий; одеты все трое были в одинаковые серые плащи и шляпы. – Мало платят? Что за капризы? Шеф остался очень недоволен, а за это наказывают.

– Что ты с ним церемонишься, Жердь? – вмешался второй, пониже, с волосами до бровей. – Он думает, если накачал мускулы, значит, имеет право хамить. Он нуль, и пусть знает, что нуль!

Волна гнева ударила в голову, затмила сознание, и Никита едва удержался от ответа, вовремя вспомнив наставление Красильникова: «Злость должна быть чисто спортивной и направлена на себя, но ни в коем случае не на противника. Это – путь к поражению».

Видимо, трое приняли его колебания за проявление малодушия, потому что третий член группы презрительно сплюнул, едва не попав на брюки Сухова.

– Наложил в штаны, танцор? Мы тебя побьем несильно, для профилактики, чтобы знал, как отвечать шефу, и чтобы другим неповадно было.

Высокий тут же ударил Никиту в грудь, вернее, в то место, где он стоял. И ойкнул, получив хлесткую пощечину, от которой у него посыпались искры из глаз. Второй «эксекютор» тоже махнул рукой – у него был кастет – и заработал удар по ушам, который вывел его из строя на несколько минут. Третий, самый низкорослый, но быстрый и подвижный, знал каратэ – судя по его прыжку и удару ногой, но и его замах не нашел цели: Никита ушел в сторону и еще раз пнул прыгуна.

– Все? – буднично спросил Сухов высокого. – Я могу идти?

Сам он в это время думал о тех двоих, что готовились его встретить у выхода из переулочка. Но заниматься ими ему не пришлось. На свет фонаря вышла фигура в спортивной куртке с капюшоном, поманила танцора рукой:

– Кит, побыстрей.

У Никиты едва не выскочило от радости сердце – это был Такэда собственной персоной. Трое нападавших не стали продолжать «урок»: ворча и ругаясь, убралась прочь.

– А остальные? – спросил Никита.

Такэда оглянулся на кусты, махнул рукой.

– Ими занимался Красильников, все нормально.

– Иван Григорьевич?!

– Для подстраховки. Извини, я не предупредил. Но и ты, я гляжу, кое-чему научился, а?

– Ситуация была не очень сложной. – Изумление Сухова прошло не сразу. – Ну ты и даешь, Оямович! И Красильников согласился?

– У меня осечек не бывает. Идем, сейчас дождь пойдет, а я без зонтика.

Никита поспешил за другом, даже не пытаясь скрыть радость: появление Толи означало не только свежую информацию, но и перемену хода событий.

Они проговорили часа два и спать легли в половине третьего ночи. Но Сухов не смог уснуть и появился к Такэде через пятнадцать минут. Постучал.

– Извини, не спишь? У меня пара вопросов.

– Спи, завтра задашь... вернее, сегодня утром. Подъем в семь. – Толя задумчиво оглядел стоящего в халате танцора. – Плохо контролируешь нервы. Что вы проходите с Красильниковым?

– Блоки. То есть это не те блоки, а комплексы приемов...

– Мне можешь не объяснять.

– Прошли блоки сидя, лежа, против уличной толпы, сейчас доводим блок «работы с хода». Но этих блоков еще – пруд пруди: против всех видов захватов, в ограниченном пространстве, против профессионалов каратэ... и айкидо, кстати, против вооруженных банд... Не отвлекай, Оямович, а то не слезу с тебя до утра. Как ты думаешь, этот сегодняшний случай связан с «печатью зла»?

– Не знаю, – тихо ответил Такэда, подвинул повыше подушку и лег. – Мы с тобой вроде бы как умерли... но для полного отрицания, как говорят мудрецы, самоубийства недостаточно.

«Свита Сатаны» умеет доводить дело до конца и не остановится, пока не проверит подлинность нашего ухода в мир иной.

Никита хмыкнул. Они уже поговорили о маме, о Ксении, о ситуации в Москве, о квартирах – жалко, что квартира Такэды отошла в госпользование (книги, кое-какие личные вещи и картины Толя все-таки увез), и все же душа Сухова была беспокойна. Хотелось лично убедиться в безопасности мамы, родственников и Ксении, которая переслала через Толю письмо не менее чем на десяти страницах.

– Как ты умеешь успокаивать, – произнес наконец Никита недовольно. – А если они все-таки появятся здесь?

– Все зависит от тебя. Ты должен успеть обрести свою силу и найти свое оружие, только тогда появится шанс уйти от преследования и вступить на Путь.

– Путь Меча? Никак не пойму, почему нельзя сразу начать с другого Пути – Ума, например.

– Потому что тебя будут стремиться уничтожить всеми средствами, доступными СС, ЧК и магам – помощникам Люцифера, и ты должен выжить, чтобы вступить на синто – Путь Мысли. Самое трудное – выйти на первого Владыку, первого мага. Он поможет дальше.

Никита беззвучно выговорил ругательство.

– Отличная перспектива! Жутко оптимистичная. Тогда следующий вопрос. Ты говорил, что Семеро уже собирались дважды... или трижды? – чтобы справиться с Люцифером, а теперь их надо собирать снова. Но неужели они так долго живут?

Такэда покачал головой.

– Хотя время в Мирах Веера течет по-разному, никто, конечно, в пределах всего Веера не вечен, даже Владыка любого из хронов, но дело в том, что защита Веера – прерогатива молодости! Состарившиеся Владыки, как правило, уходят в такую творческую деятельность, ни цели которой, ни способов ее достижения, ни масштабов нам не понять. А может быть, они вообще уходят из Веера, создают свои вселенные. Никто этого не знает. Точнее, я не осведомлен. Факт, что Семеро каждый раз собирались вновь. Время от времени в Мирах Веера рождаются великие творцы, маги, начинающие с малого, проходящие этапы роста, в том числе и этап борьбы с Денницей.

Такэда улыбнулся, глянув на ошеломленного танцора.

– Все, иди спать. Тебе есть теперь о чем размышлять до утра, хотя я советую сделать это завтра.

Никита послушно направился к себе, но, уже открыв дверь, остановился:

– Толя, а почему его... ну Люцифера... не убили? Это же проще, чем каждый раз потом...

– Молодец, – печально сказал инженер. – Я тоже когда-то задал такой вопрос и получил ответ, над которым размышляю до сих пор: во-первых, мага класса Денницы невозможно ни победить, ни уничтожить, он практически неуязвим. Ни одна из Семерок магов не нашла способа его умертвить. Впрочем, как мне известно, не очень-то они и искали. А во-вторых, смерть не является абсолютно правильным решением. Ты все понял?

– Ни фигя! – честно признался Никита.

– Вот иди и думай, созревай.

Уснул Сухов, придя к себе, мгновенно.

Глава 2

Красильников, как и Роман в свое время, тоже был удивлен успехами ученика, вернее, не столько удивлен, сколько озадачен.

– Он схватывает все на лету, – сказал инструктор при встрече с Такэдой. – Так, тренинг «амортизатора»²⁵ требует не менее полугода занятий, а он овладел им за месяц. Если будет заниматься и расти в том же темпе, через год догонит меня. Но... – Красильников замялся. – Станный он какой-то, неуравновешенный, то бесшабашно веселый, то угрюмый, ожесточенный.

– У него есть на это причины. Просьбу свою о его подстраховке снимаю, он и сам теперь постоит за себя. А вот кэндо уделите как можно больше внимания, это ему пригодится в первую очередь.

– Где это ему пригодится? – нахмурился инструктор.

Такэда неопределенно ткнул пальцем вверх.

– Там, в других сферах. Я не шучу, Иван Григорьевич, но и объяснить внятно не смогу.

– Темните вы что-то, уважаемый Тоява Оямович. Уж не контрразведчика ли будущего вы мне подсунули? Или разведчика? Роман-то в этой организации работает. Впрочем, меня это не касается, тем более что заниматься с таким парнем – одно удовольствие. Не поверите, но он усовершенствовал два приема в комбинациях импоссибл²⁶. Творчество – дар необыкновенный, подвластный только избранникам, и ваш Петров далеко пойдет, если будет этот дар развивать и дальше.

Они сидели в комнате наставника на втором этаже здания ЦРБИ и пили чай. Такэда больше молчал, слушая инструктора, и лишь иногда вставлял реплики. Отвечая на последние слова Красильникова, заметил:

– Вы даже не представляете, насколько правы – насчет избранника. Хотя известный философ Даниил Андреев с вами был бы не согласен. Он говорил, что творчество, как и любовь, не есть исключительный дар, ведомый только избранникам. Избранникам ведомы праведность и святость, героизм и мудрость, гениальность и талант.

– Я читал Андреева. С ним можно спорить, потому что в его утверждениях кроются парадоксы, но я не буду. Скажу только, что у Петрова – фамилия небось подставная? – есть и талант, и творческая жилка, а остальное придет. Что касается занятий с мечами, то они впереди. Я не считаю себя великим знатоком кэндо, дам, что смогу, а потом сведу его с одним своим знакомым. Вот он – мастер высшего класса по бою на мечех, владеющий даже «сечей Радогора».

– Годится. Иван Григорьевич, сегодня вы меня не видели и вообще не знаете. Договорились? Так надо. Во-вторых, я снова уеду на некоторое время...

– Понял, подстрахую.

– Нет, дело в другом. Ник... Владимир Петров – не только акробат, но и танцор, причем неординарный.

– Уже видел. Он связался с казино, хотя я и не советовал.

– Спасибо, что вмешались в прошлый раз, я мог бы не успеть. Ему надо бы дать возможность где-то репетировать, танцевать, хотя бы раз в неделю, иначе он затоскует. В каком-нибудь интеллигентном молодежном клубе, но не в заведении типа казино.

²⁵ Амортизатор – прием, позволяющий сокращением мышц тушить удар.

²⁶ Импоссибл – вид приемов из самых неудобных и невозможных положений.

– Хорошо, я поищу. И все же было бы лучше, если бы вы рассказали мне о нем побольше. Такое впечатление, что он вспоминает забытое умение боя, а это заставляет меня сомневаться в правильности собственных планов.

– «Когда ты учишь, ты лишь открываешь, что давно уже знаешь»²⁷, – философски промолвил Такэда. – Это не я сказал. – Встал. – Спасибо за прием.

После встречи с Красильниковым инженер зашел на Главпочтамт и спросил корреспонденцию «до востребования» на имя Кусуноки Мацумото – под этим псевдонимом он и поселился в Хабаровске. Писем не было, но пришла телеграмма из Москвы, от Романа: «Творится странное. Прилетай». Думал Толя недолго. Он знал инструктора давно и не верил, что тот может запаниковать. Уж если он дал телеграмму, значит, действительно не мог разобраться с возникшей проблемой.

Инженер нашел Сухова в ЦРБИ и сообщил, что улетает на неделю. Не дав ему опомниться, поспешил из центра, на ходу предупредив Красильникова об отъезде. Спустя сутки он звонил Роману из аэропорта Быково, а когда тот поднял трубку, сказал только несколько слов:

– Это я. Вариант один подходит?

– Подходит, – глуховатым голосом ответил Роман.

– О'кей.

Для подстраховки Такэда разработал три варианта встреч с Романом. Теперь они виделись в Переделкине, недалеко от писательского Дома творчества, у известного кладбища, где было похоронено немало именитых писателей.

Роман прибыл первым, окинул взглядом инженера, когда тот поднимался по ступенькам на холм. Как всегда в конце ноября, уже выпал снег, было холодно, и одет инструктор был в зеленое финское пальто, в отличие от Такэды, предпочитавшего куртку на меху.

Вечерело. Лицо Романа казалось серым, холодным и страдающим, но голос не изменился.

– Быстро ты добрался.

– Хорошо, что существуют частные авиакомпании.

Они пожали друг другу руки, и Роман кивнул на скамеечку возле одной из огороженных могил.

– Присядем. Я здесь все осмотрел, вроде никого нет.

– Ксению видел?

– Вчера вечером. Как и договаривались, я ее провожаю домой... незаметно. Какие-то типы подходили пару раз, но инцидентов не было. А вот у меня дома... и на работе...

Роман хмыкнул. Он умело контролировал свои чувства, но по некоторой суетливости Такэда видел, что приятель взволнован.

– Сначала позвонили по телефону: «Никита Сухов не у вас? Дайте ему трубочку». Я говорю: девушка, он погиб и давно похоронен...

– Звонила девушка?

– Женский голос, приятный такой, мурлыкающий. Положила трубку. Ни «извините», ни «до свидания». Потом через неделю зашел некто в штатском, представился сотрудником милиции, книжечку показал, все чин чинном, и тоже о Сухове: как погиб, когда, где похоронен. Я ответил, а потом спрашиваю: «А в чем дело?» И ты знаешь, что он ответил? Начал вдруг оглядываться, да с такой изумленной рожей, будто не понимает, где находится и как сюда попал, да и говорит: «Кажется, я заблудился».

– *Вселение*, – глухо сказал Такэда.

– Что?

– Ничего, продолжай.

²⁷ Ричард Бах, американский социолог.

– Ну вот. Через день после прихода этого ненормального на меня с плиты упал бак с кипятком: жена стирала и кипятила белье. Еле увернулся! И ведь точно помню, что стоял он в центре плиты и прочно. А завалился – будто подтолкнул кто. Дальше – больше. Загорелся стол, когда я писал отчет! Ни с чего! Сгорел почти весь, зеленым пламенем. Телефон вдруг начал... стрелять! Звонок. Беру трубку, говорю: «Алло», а динамик в ухе чуть ли не взрывается. От одного такого «выстрела» я оглох на два дня. И это еще не все...

– Короче, Роман.

Инструктор умолк, слегка обидевшись, но пересилил раздражение.

– Длится эта кутерьма уже месяц. Каждый день жду новой каверзы. Хорошо, что это не отражается на жене, она ничего не знает. А позавчера... меня встретили. Вышел из школы, повернул к остановке, а навстречу человек пять, все в пятнистых комбинезонах, без шапок...

Такэда молча встал, потом сел. Роман смотрел на него удивленно, потом неуверенно продолжил:

– Я подумал, что это или омовцы, или спецгруппа нашего учреждения. Командиры из «высших» соображений вполне могли устроить тренировку, не ставя меня в известность, как уже было один раз. Так и не понял, кто это был. Один из них, настоящий Геракл, подошел и тихо так, но внятно: «Ты работал с Суховым? Больше не вмешивайся. Умрешь». А я ему так же тихо отвечаю: «А пошел бы ты в известном направлении». Он внимательно на меня посмотрел, а взгляд у него – б-р-р! – как у мертвеца, просипел: «Второго предупреждения не будет». И они не спеша удалились.

Такэда выдохнул сквозь стиснутые зубы, отвернулся.

– Может быть, тебе уехать на время?

Роман повернул его к себе.

– Что все это означает, Толя? Какие секреты вы с Суховым скрываете? За что вас преследуют и кто?

– Длинная история... Да и ни к чему тебе знать все, Рома. Не обижайся. Сухов в опасности, а от него очень многое зависит в будущем, очень многое. Если не все.

– Кто он? Сверхсекретный агент? Террорист? Главарь мафии, укравший миллиард и скрывающийся от своих?

– Не гадай, Рома, он... скажем так, Тэнгу, сказочный герой, вынужденный до поры до времени скрываться и копить силы.

– Темно. Мне было бы легче, если бы ты кое-что рассказал.

– Чем меньше ты знаешь, тем лучше. Эти «омовцы» – боевики СС, и они не отстанут, пока не найдут Сухова. Ах, наму-мехо-рэнгэке! Я думал, что у нас больше времени...

– Что еще за СС?

– «свита Сатаны». Их задача – нейтрализовать Посланника... э-э... в общем, уничтожить Сухова.

Роман покачал головой.

– Веселенькое дельце. – Помолчал. – Как дела у Никиты?

– Нормально, Красильников доволен. Но времени у него на серьезную подготовку мало, в конце концов СС выйдут на след. Рома, не связывайся с этими... «омовцами», если они встретят еще раз, даже тебе с ними не справиться. Если уж такое случится, скажешь им, что мы уехали на Дальний Восток, это даст нам еще пару месяцев форы. Договорились?

– Посмотрим.

– А за Ксенией понаблюдай еще некоторое время. Она предупреждена, но подстраховка не помешает. Хотя, опять же, если и на нее выйдут люди «свиты»...

– Понял, не беспокойся, я приму кое-какие меры.

Такэда молча сжал плечо инструктора.

Расстались они через полчаса, не заметив и не встретив ни одного человека. Стемнело. Тучи заволокли небосвод, и пошел мелкий снег.

В Хабаровск Такэда вернулся через трое суток, предварительно повидав Ксению – с такими же предосторожностями, как и при встрече с Романом, – и посетив кое-какие учреждения для пополнения информации. Очень недоставало выхода в компьютерную сеть, вот и приходилось изворачиваться.

Поиски Книги Бездн не то чтобы зашли в тупик, но не дали ощутимых результатов. Такэда объехал все древние монастыри, церкви и пустыни, как действующие, так и заброшенные, разрушенные, хоть как-то упоминаемые легендами в предполагаемом пути Книги по Руси, однако ни в одном не нашел достаточно реального, достоверного следа, за который можно было бы уцепиться. Оставался единственный шанс – Сухарева башня. Надо было либо вскрывать асфальт, под которым покоился фундамент башни, и попытаться разобрать фундамент, что было практически невыполнимо, либо искать свидетелей взрыва башни, могущих помнить какие-нибудь необычные факты. Этим поиском и занимался инженер в последнее время, используя свои старые связи и каналы госбезопасности, нащупанные им с помощью компьютера.

Конечно, он искал выход в Веер и другим способом, не через Книгу Бездн, – с помощью хрустальной пепельницы в форме бабочки – рации, имеющей связь с информационной службой Собора. Толя упорно клал в нее записки с вопросом: где вход? Но ответа пока не получил.

Из свидетелей, оставшихся в живых в обширном списке всех причастных к акту вандализма – разрушению Сухаревки, он обнаружил четверых, причем один из них непосредственно участвовал в подготовке и проведении взрыва, но возраст их не позволял надеяться на успех: самому младшему исполнилось девяносто шесть лет, а старший дышал на ладан, неизвестно как ухитрившись дожить до ста с лишним. Этим старшим и был взрывник – Кирилл Мефодиевич Неплюев, живший в настоящий момент в поселке Гроздухово, в ста сорока километрах от Хабаровска. Визит к нему Такэда наметил нанести вместе с Суховым, тем более что по пути можно было показать танцору одну интересную вещь – «прогиб Мира».

Никита был рад и возвращению друга, и возможности отвлечься, сменить обстановку. Однако у него появились сомнения, и он честно высказал их вслух:

– По-моему, искать твою Книгу Бездн – почище, чем искать иголку в стогу сена.

– Ты был бы прав, если бы речь шла о книге обычной, – возразил Такэда. – Но Книга Бездн – не книга вовсе, это свод магических формул и сведений, закодированных неизвестным способом, нечто вроде генетически запрограммированного зародыша, информационной программы, готовой открыться только магу.

– Но ты же говорил, что эта Книга... и она связана Страшным Проклятием на десять тысяч лет...

– Язык человеческий беден для адекватного отражения свойств Книги, и, говоря о Страшном Проклятии, я подразумевал команду маскировки, а также защиты Книги, которую подал ее последний владелец. И пришла эта книга к нам, очевидно, из другого хрона, где законы физики несколько иные и допускают магические преобразования. Но и будучи у нас, эта Книга натворила дел, изменяя вариабельность бытия и стабильность материальных основ.

– Жуть! – вполне искренне сказал Сухов. – Я ничего такого не предполагал. Есть над чем задуматься.

– Тебе еще придется поломать голову всерьез, отдыхай, пока Книгой занимаюсь я.

Сухов откинул спинку сиденья и закрыл глаза.

Чтобы лишний раз перестраховаться, он по совету (по сути – приказу) Такэды уволился из казино, сказав, что уезжает во Владивосток. Красильников уже на следующий день после разговора с Толей нашел молодежный клуб, где танцор мог бы показать свое умение, но Никита решил не спешить с «гастролями», пока тяга к танцу не станет непреодолимой. Он еще не

оценил по достоинству все сделанное для него Тоявой, но чувствовал, что давно был бы на том свете, не будь рядом инженера.

В Гроздухово можно было добраться самолетом, поездом или автобусом, но путешественники решили отправиться на автобусе, договорившись действовать по обстоятельствам.

Выехали в девятом часу утра, придевшись потеплей: зимние холода наступили еще в начале ноября и держались на уровне минус пятнадцати-двадцати градусов. Пока автобус выбирался по заснеженным улицам города на шоссе Хабаровск – Комсомольск-на-Амуре, молчали. Потом Никита, одетый в такую же куртку, что и Такэда, с капюшоном и пуховой подбивкой, только серого цвета, высвободил подбородок из пухового белого шарфа:

– Не спишь?

Инженер приоткрыл один глаз, не отвечая.

– Ты хорошо знаешь Красильникова?

Ни звука в ответ. Это означало, что Толя подтвердил его догадку. Никита давно привык к манере его разговора и знал, когда можно продолжать беседу, когда нет.

– Это правда, что Иван может вести бой с меняющимся противником двое суток подряд?

– Правда. Он может и больше, я его пределов не знаю. В истории единоборств такие примеры уже были. Мастер кекусинкай карате Масутацу Ояма вел бой с меняющимся противником в течение трех суток и победил сто человек.

– Ничего себе!

– Ты тоже сможешь, если захочешь.

– Я хочу.

Такэда промолчал. Некоторое время ехали погруженные каждый в свои думы. Сухов перевел разговор на другую, более интересующую его тему.

– Допустим, я дойду до нужной кондиции и начну Путь. Каким образом я отыщу нужных людей? Я имею в виду магов. Ведь Миров много. На Земле – и то непросто найти нужного человека, а тут – огромное количество вселенных! Не планет, не звездных систем – вселенных!

– Во-первых, Миры Веера в некотором смысле напоминают жесткие пластины веера-прообраза, так как время в одном из них течет «под углом» ко времени в другом, а хроноскажины, соединяющие их, жестко привязаны к одному моменту в каждом. И не только к моменту, но и пространственно – к точке с координатами, соответствующими положению Земли – в нашем хроне, и другим обитаемым планетам-двойникам – в других хронах. Во-вторых, искать мы будем не просто людей, а Владык-магов, которых легко выделить из толпы и вообще в пространстве по их ауре, то есть по так называемой магауре. Каждый из них излучает в «магическом диапазоне» – это целый набор био-, пси-, электромагнитных и еще неизвестных нам волн.

– Более или менее понятно. Однако я не обладаю способностью видеть эту... магауру.

– На первом этапе придется обходиться кое-какими... локаторами, приборами, одним словом, если говорить нашим языком, хотя на самом деле это нечто вроде магических вещей из волшебных сказок.

– Типа волшебной палочки и сапог-скороходов?

– Не ерничай, ты угодил в самую точку.

– И где же мы их найдем, в каком сундуке?

Такэда заворочался, полез в нагрудный карман куртки и достал стеклянную или, скорее, хрустальную вещицу величиной с ладонь в виде крылышка бабочки в серебряной оправе. Открыл – пусто.

– Портсигар, что ли? – спросил Никита.

– Рация. Точнее – М-передатчик и еще что-то, о чем я не имею ни малейшего представления. Мне его вручил ангел после посвящения.

– Кто?!

– А-а... разве ты не знаешь, что ангел с греческого – вестник?

– В греческом не силен. Ну и что дальше? Как эта штука работает?

– Я передаю с ее помощью информацию в те Миры, где ждут мои сообщения. Надиктовываю кассету, кладу сюда, закрываю, и... кассета исчезает. Правда, ответа дождался за все это время только один раз, когда меня предупредили, чтобы я ждал Вестника. – Такэда спрятал портсигар-пепельницу. – Это было в тот день, когда ты наткнулся на мальчиков СС.

– Все? У тебя больше ничего нет? – В голосе Сухова послышалось разочарование. – А где волшебная палочка?

– Палочки нет. – Такэда вытянул левую руку, растопырил пальцы: на среднем был надет перстень из голубовато-сизого металла с невзрачным мутно-черным камешком. – М-индикатор. Может засечь и «наших» магов, и «чужих», в том числе функционеров СС и ЧК. На первое время сгодятся они, а потом...

Молчание длилось больше трех минут, так что Никита не выдержал:

– Что потом?

– А потом должна заговорить Весть. – Такэда кивком показал на плечо танцора.

– А если не заговорит?

– В таком случае ты не тот человек, который может пройти Путь. Но ведь она уже подавала сигналы?

Никита, вспомнив свои ощущения, когда он нечаянно задел «родинку»-звезду, помрачнел.

– Подавала... как дубиной по голове!

– Ничего, значит, не безнадежен. Но если она заговорит, у тебя появится шанс самому стать магом. Весть может разбудить резервы твоей психики, экстравозможности, глубокую родовую память, только понравься ей.

Никита хмыкнул, искоса глянул на неподвижно-спокойное лицо друга. Хотел произнести фразу: «Легко сказать – понравься...» – но передумал. Вместо этого пробормотал:

– Как во сне все это! – Виновато шмыгнул носом. – Не то чтобы не верю, но...

– Понимаю, – кивнул Такэда. – Пусть будет все, что будет. Выкарабкаемся.

Никита вдруг успокоился, откинулся на спинку сиденья, закрыл глаза и не заметил, как заснул.

Квартиру Неплюева удалось найти почти сразу, жил он в центре Грозодохова, в новой девятиэтажке. Жил – в прошедшем времени. Потому что неожиданные гости прибыли прямо на похороны: Кирилл Мефодиевич Неплюев, бывший сапер, бывший минер, бывший рядовой штрафбата, заключенный, конюх, скотник, бригадир, партработник, пенсионер, умер на сто шестом году жизни. Прибывшие потолкались в толпе родственников и знакомых покойного, побывали в квартире, поглазели на гроб, в котором лежал Неплюев – высохший, как скелет, вышли во двор, где уже готовились к траурной процессии. Такэда остановил пожилого мужчину с белой повязкой на рукаве:

– От чего он умер, отец?

Мужчина снял шапку, вытер вспотевшую лысину, снова надел шапку.

– Несчастный случай – лифт оборвался. Жил бы еще да жил. С ним вообще в последнее время творились чудеса: то в ванной кипятик пойдет – чуть не сварился, то стул под ним распылется, то зацепится за что – упадет. А позавчера газ на кухне взорвался.

– Семеныч, – окликнули мужчину. Тот кивнул и отошел.

Друзья переглянулись.

– Все это сильно смахивает... – начал Сухов.

– На внедрение, – закончил Такэда. – Кто-то очень не хочет, чтобы Книга Бездн была найдена. А это значит, что она не пропала бесследно, существует и находится где-то на Земле. Неплюев наверняка кое-что знал об этом. История сохранила легенду о «чудесах», творив-

шихся во время уничтожения Сухаревой башни. Буду продолжать поиски. Правда, свои возможности я почти исчерпал.

Они вышли со двора и побрели к остановке автобуса.

– А почему бы тебе не спросить у *тех*, кто принимает твою информацию, где находится вход в... м-м... в хроноскважину? – вслух подумал Никита.

– Сто раз спрашивал, не отвечают. Может быть, считают, что еще не время, может, надеются, что мы отыщем сами.

Сухов хмыкнул и замолчал.

На автовокзале они перекусили в буфете, подошли к расписанию.

– Куда теперь?

– Домой. По пути я тебе кое-что покажу.

Не доезжая до Хабаровска километров тридцать, сошли во время остановки в маленьком поселке со смешным названием Тревердень.

– Прогуляемся, пока не стемнело. Уедем следующим рейсом. – Такэда повел танцора по накатанной дороге в обход поселка, к сопкам. Удивленный Сухов только головой покачал, не понимая, зачем и куда они идут.

Дорога, по которой изредка проплывали грузовые «КрАЗы», нырнула в елово-пихтовый лес, потом поднялась на сопку, и Такэда сошел с нее, направляясь по целине в просвет между расступившимся дубняком. Через несколько минут выбрались к обрыву: сопка здесь оголяла вертикальную стену, падавшую в долину, которую заполняла лиственничная марь. В конце долины возвышалась странной формы сопка, даже не сопка – каменный горб, голый, в редких куртинах низкого кустарника, с крутыми боками.

Такэда кивнул на этот горб.

– Видишь?

Никита еще раз оглядел сопку.

– Скала как скала... форма, конечно, интересная...

Очертаниями сопка напоминала не то буйвола, уткнувшего морду в землю, не то медведя, закрывшего лапами голову.

– Это убу-гами, дословно с японского – «священное тело Бога». На самом деле – это прогиб нашего хрона, реальный след, вернее, отражение в нашем мире былой войны сил Света и Тьмы, Владык и воинства Люцифера. Война шла, конечно, за много хронов от нашего, но колебания Миров Веера были столь значительными, что в каждом хроно рождались *отражения* реально существовавших магов, демонов и их слуг. В данном случае эта скала – *отражение* кентавроподобного монстра, «коня», созданного Денницей для магов, помогавших ему. Таких скал на Земле я знаю четыре: Медведь – так зовут эту сопку здесь, остров Петрова в Японском море, гора Айерс-Рок в Австралии и Ай-Петри в Крыму.

Сухов снял перчатку, зачерпнул ладонью снег, пожевал.

– Впечатление достаточно мрачное. А он не оживет?

– Я же сказал – это *отражение*, подчиняющееся лишь принципу формы. Где-то в других хронах оно постепенно уплотняется, приобретает и другие свойства, пока не становится идентичным самому «коню». Мертвому, конечно. Хотя при определенных обстоятельствах он может и ожить. Останки этих монстров могут сохраняться чуть ли не вечно.

Никита приставил ладонь ко лбу козырьком.

– Представляю... – Поежился. – Пошли отсюда, зябко. Или ты хотел дойти до сопки?

– Можно было бы и дойти, но лучше этого не делать. – Такэда первым зашагал обратно, потом остановился, протянул Сухову перстень, внутри которого пульсировал алый чертик. – Видишь? Здесь пространство нашего хрона прогибается, индикатор чувствует это. Возможно, именно в таких местах и прячется вход в хроноскважину, соединяющую миры.

В Хабаровск они приехали поздним вечером, а в комнате Сухова их ждала Ксения.

Глава 3

Художница пробыла в гостях три дня, успев понравиться хозяевам, вызвав у Сухова душевный подъем и заставив Такэду здорово понервничать. Виду он не показал, хотя окончательно понял, что его надежды на семейную жизнь с этой девушкой – он любил ее давно – рухнули с приездом Ксении в Хабаровск. Приехала она сюда не ради него, а ради Никиты, слегка обалдевшего от свалившегося счастья. Правда, тень идеала, который создала Ксения не без влияния Такэды, все еще стояла между ней и танцором.

Неизвестно, дала ли она почувствовать это Сухову, но после ее отъезда он с такой яростной энергией продолжил тренировки, что удивил даже инженера, с которым все чаще проводил спарринг.

Красильников сдержал слово и познакомил Никиту с мастером фехтования, который несколько лет назад основал Ассоциацию профессионалов риска (АПР). Мастера звали Виктором Борисовичем Зленским, шел ему сорок шестой год, он и выглядел на все свои сорок шесть, если не больше – огромный рыжий детина, широкий, пузатый, с руками-лопатами, заросший бородой чуть ли не до глаз, – но в бою он преображался, прибавляя к гигантской силе невиданную гибкость, ловкость и грацию барса. Никиту он поразил тем, что мог вести бой с завязанными глазами, хотя чудом было уже и владение всеми видами холодного оружия – от кинжала и шпаги до сабли и меча. Клинок казался естественным продолжением его руки.

Никита начал уставать, хотя и не признавался никому, упорно уделяя тренировкам по двенадцать часов в день. Однако Такэда не стал требовать сокращения объема тренировок, интуитивно чувствуя, что их свободе вот-вот придет конец. В конце ноября он снова уехал, строго-настрого приказав Сухову соблюдать все меры предосторожности и быть готовым к появлению эффектов *внедрения*, или *вселения*.

Сухов, слегка осунувшийся и побледневший в последнее время, только кивнул. Сомнения в целесообразности их действий охватили его с новой силой, хотелось бросить тренировки ко всем чертям, рвануть в Москву и зажечь нормальной человеческой жизнью. Но в глубине души он понимал, что будет выглядеть предателем в глазах Такэды и слабаком в глазах Ксении. Стиснув зубы, он продолжал заниматься у Красильникова и Зленского, возвращаясь домой к ночи, а уходя из дома ранним утром.

И все же, несмотря на все ухищрения и осторожное поведение, в субботу четвертого декабря произошел инцидент в булочной, пробудивший знакомое ощущение подглядывания и преследования.

Булочная находилась недалеко от дома, в одноэтажном здании, и Никита обычно перед обедом забегал в нее, брал батон белого и лепешку черного хлеба – на день хватало и ему, и старикам. Иногда случались перебои со снабжением, тогда возникала очередь, как и на этот раз. Сухов сначала заколебался – стоять ли, но потом все-таки занял очередь, подумав, что хозяевам будет нелегко тащиться по морозу и выстаивать полчаса-час.

В этот момент в булочную ввалилась компания молодчиков лет по восемнадцать-двадцать, человек пять. Не обращая внимания на возмущенных людей, отпуская шуточки, огрызаясь, они бесцеремонно растолкали толпу у прилавка, взяли по два батона и подошли к кассе. У Никиты вспотели ладони от желания одернуть грубиянов, но он помнил наказ Толи и сдержался. Однако события продолжали развиваться по нарастающей.

Проходя мимо кассы, первый с хохотом указал на приятеля:

– Он заплатит.

Тот в свою очередь передал эстафету следующему, потом третьему и четвертому, а пятый, вывернув карманы, сказав, что забыл деньги дома и сейчас принесет, попытался мино-

вать кассу, но молоденькая кассирша, пытавшаяся увещевать хулиганов, вцепилась в его рукав со слезами:

– Платите сейчас же! Что же это делается? Мужчины, помогите...

В очереди поднялся ропот – осуждали юнцов в основном пожилые женщины да старушки, но мужчины молчали. Никита вышел из толпы и преградил путь упивавшемуся собственной смелостью и находчивостью парню, который оторвал от себя руки кассирши и собирался последовать за друзьями.

– Плати.

Четверо у двери перестали бросать издевательские реплики, очередь притихла, юнец с батоном захлопал ресницами.

– Ты чо, кореш? Чо тебе надо? Ты еще не понял? Откуда у нас такие деньги?

– Плати, – шепотом повторил Сухов. Не поворачивая головы, бросил остальным: – Мальчишки, у нас проблема – надо заплатить за хлеб. Девушка ждет.

– Ах ты... морда! – прорезался голос у парня, одетого, как и приятели, в меховую шубу, но без шапки. – А ну вали отсюда, пока не...

Никита точным движением взял его за ухо и едва не приподнял, так что тот взвыл не своим голосом, пытаясь освободиться.

– Ой-ой-ой! Отпусти, амбал, убью! Отпусти-и-и...

Сухов отобрал батоны, передал кассирше, повернулся к остальным, продолжая держать извивающегося, не оставлявшего попытки достать его ногой юнца за ухо.

– Мальчишки, или платите, или кладите хлеб обратно, а то я вас сильно огорчу.

Двое было двинулись с батоном обратно, но у черноволосого, со шрамом на губе вожака проснулась «гордость». Он бросил батоны на пол и вынул нож. Его телохранитель щелкнул вторым. Очередь подалась назад, закричали женщины. Никита кивнул на рыдавшего от боли и злости «заложника»:

– Не жалко? Я ему ухо оторву.

Вожак заколебался, потом сделал жест друзьям – уходим, мол.

Сверкнул глазами:

– Ну погоди, паскуда, мы тебя встретим!

Компания удалилась с шумом и бранью, едва не сорвав дверь с петель. Кассирша лепетала слова благодарности, вытирая слезы, очередь шумела, восхищалась, осуждала и спорила. Никита взял хлеб и вышел из булочной. Компания ждала его у соседнего дома. Сухов направился прямо к ней, чувствуя, как напряглись мышцы живота и в звезде на плече запульсировало холодное пламя. И столько в его решительной походке было целеустремленной ярости, что пятеро не отважились затевать драку, поспешили перейти на другую сторону улицы.

Опомнился Никита только у ворот дома. Прислушался к ощущениям: плечо дергала тонкая, как укол ледяного шприца, боль. Звезда пыталась языком боли что-то сказать своему владельцу, но тот ее не понимал. В Хабаровске она заговорила впервые.

Как ни берегся Сухов, как ни осторожничал, все же во время тренировок не раз получал удары по плечу с пятном Вести, однако она на это никак не реагировала, словно понимая, что «беспокоят» ее случайно, не целенаправленно. И вот Весть проснулась, проснулась в тот момент, когда Сухову понадобилась концентрация психической энергии и воли. Не это ли шаг к диалогу? Нельзя ли попытаться воздействовать на нее предельным напряжением сил и мысленного приказа?

Никита даже остановился, оценив идею, но по зрелом размышлении решил повременить с экспериментом. Риск был велик, и следовало застраховаться от неожиданностей: подождать Толю и разбудить звезду под его наблюдением.

Федор Полуянович был дома один, сказав, что жена ушла к соседке: они дружили семьями уже лет десять. Полюбопытствовал:

– Володя, мы тут со старухой гадаем: вы террористы или спортсмены? Если первые – значит, готовитесь что-то взорвать в Хабаровске, хотя ума не приложу, что у нас можно взрывать, кроме казино «Бомонд». Если спортсмены – значит, тренируетесь к чемпионату мира по каратэ.

– Террористы, – улыбнулся Никита.

Федор Полуянович улыбнулся в ответ. Постояльцев своих он уже знал достаточно хорошо, чтобы составить о них свое мнение, но любопытства все же пересилить не мог.

– То-то я вижу, вы какие-то странные приемы изучаете... А серьезно, Володя?

– Долго объяснять, дядя Федя. – Сухов разделся и прошел в свою комнату. – Вообще-то я акробат, а борьба – это хобби.

Федор Полуянович с уважением посмотрел на атлетическую фигуру постояльца.

– Да, мышцы накачаны не по-борцовски. А ваш друг сказал, что вы танцор.

– И это правда – танцевал в балете. – Никита пригласил хозяина в комнату. – Проходите, дядя Федя.

– Да нет, это я со скуки, – замахал руками Федор Полуянович. – Надоело с книгой на диване валяться. А ваш друг кто?

– Инженер, электронщик.

Хозяин поцокал языком.

– Я думал – художник. Встанет иногда и по часу картины мои разглядывает. Или вот давеча на снег смотрел.

– Это в традициях япон... – Сухов остановился. Не то чтобы он побоялся проговориться, хотя они с Такэдой и решили поменьше говорить о себе, но вопросы Ивлева вдруг перестали ему нравиться. Вспомнился термин Толи – *Вселение*. Уж не вселился ли в старика кто-нибудь из *тех*, из группы СС? Впрочем, ерунда. Старик действительно заскучал.

– Созерцание картин требует ума и вкуса, – добавил Никита, искусно меняя тему разговора. «Как танец», – добавил он мысленно.

– Да это уж конечно, – пробормотал Федор Полуянович. – Извините, что напал так сразу, с порога. В шахматишки не перекинемся?

– С удовольствием. – Никита собирался лечь спать пораньше, но отказать старику не решился. В зеркале прихожей отразилась его физиономия, и танцор задержал на ней взгляд. Твердые губы, сосредоточенный взгляд – лицо человека озабоченного и сильного. Надо же, как изменили его обстоятельства!

Отражение вдруг заколебалось, кивнуло и снова успокоилось. Никита даже глаза вытаращил, потом качнул головой – привиделось. Но заноза в душе осталась: подсознание сработало не зря, что-то изменилось в окружающем мире, сдвинулись невидимые колеса судьбы, и над будущим Сухова нависла *тьень*...

Несколько дней он старался никуда в свободное время не ходить, даже в магазины, – проверял надежность своих ощущений. И, как оказалось, не напрасно.

Сначала в дом Ивлевых заявился некий незнакомец, представившийся другом Сухова. Поскольку танцор остановился у Ивлевых под именем Петрова, Федор Полуянович ответил, что Суховых у них отродясь не проживало, и в свою очередь осведомился, с кем имеет дело.

Мужчина – лет под пятьдесят – вдруг сделал вид, что не понимает, как сюда попал, начал озираться с изумленным видом, бормотать что-то насчет головной боли и, извинившись десятков раз, ушел в полной растерянности. Федор Полуянович передал Сухову этот разговор в лицах, с юмором, и Никита даже посмеялся вместе с ним, хотя в душе у него все сжалось. Не надо было иметь семи пядей во лбу, чтобы определить *Вселение*. Функционеры СС вышли на Хабаровск, а это означало, что они не поверили в гибель танцора и его друга и включили свои поисковые системы.

Стиснув зубы, Никита продолжал ходить на тренировки, утроил осторожность, заставил работать интуицию и нервную систему сверх нормы. И – о чудо! – утомляться он стал меньше. Словно сами собой подключились резервы организма, при обычной жизни дремлющие в неподдающихся сознательному управлению «аккумуляторах».

Ни молодежных шаек, ни бандитских групп, ни профессионалов преступного мира, работающих в одиночку, Сухов уже не боялся, поверив в свои силы, может быть, чересчур рано и с изрядной долей самоуверенности. Но, тем не менее, эта уверенность отразилась и в его облике: фигура танцора стала внушать уважение, скрытую силу, так что многие инциденты удавалось тушить просто взглядом. Преобразилась и его походка. Если раньше он ходил, как танцор и гимнаст, чуть ли не на пуантах, привыкнув к мелкому шагу с вытянутым вперед носком, то теперь шаг его стал широк, стремителен, упруг и гибок, так что даже по снегу он шел почти бесшумно и ловко, словно собираясь в любой момент сделать прыжок.

Второй «звонок» прозвучал в четверг, двадцать девятого ноября, когда Сухов возвращался поздно вечером из АПР, где занимался фехтованием под руководством Зленского. Автобус шестого маршрута был почти пуст, ехало всего человек шесть: две женщины, старик, пара – юноша и девушка и сам Сухов. И вот в автобус ввалилась веселая компания парней – танцор насчитал восемь душ – и согнала с передних сидений женщин, предложив и парочке поискать другие места.

Парень не стал рисковать, встал, чтобы пересесть, но кто-то из компании толкнул девушку на сиденье.

– А она посидит с нами.

Драка началась мгновенно и так же мгновенно закончилась: парню врезали по затылку дубинкой, и он упал. Девушка закричала, бросилась к нему, но ее схватили и силой усадили на место, со смехом пригрозив:

– Сиди, не то и тебе достанется. Полежит и очухается, неча кулаками-то махать.

И в этот момент и вмешался Сухов:

– Отпустите их.

– А ты кто такой? – огрызнулся тот, что был с резиновой милицейской дубинкой. – Родственник? Или переодетый омоновец?

Никита молча подошел к лежащему ничком парню, потрогал затылок под шапкой, контролируя боковым зрением все движения группы, выпрямился.

– Вы же ему чуть голову не проломили, шутники.

Он действовал так уверенно и спокойно, что это подействовало на ребят отрезвляюще, и все закончилось бы хорошо, если бы не девица, приятельница лежащего без сознания юноши. Она сорвалась с места и бросилась с кулаками на парня с дубинкой:

– Гад! Убийца! Подонок! Ты его убил...

Дубинка поднялась и опустилась, Никита не успел перехватить удар, так как не верил, что кто-то может ударить девушку. Та упала, замолчав на полуслове.

– Ты тоже хочешь получить? – хрипло сказал парень, крутанув дубинку в руке. Было видно, что он владеет ею вполне профессионально.

– Подонок, – сказал Сухов одними губами и выхватил из сумки за плечами бамбуковую палку, которую использовал на тренировках в качестве меча.

Компания бросилась на него вся разом... и откатилась с воплями. Двое получили удары по рукам, еще двое – по лицу. И лишь парень с дубинкой остался на ногах, отбив удар. Оскалив зубы, он стоял в позиции защиты и медленно вращал дубинку. Глаза его светились.

Сухов вздрогнул, встретив этот горящий взгляд. Вспомнился вожак «десантников» СС в парке: у того тоже был такой взгляд – полный угрозы и силы. Неужели это «свита Сатаны»?! Не похоже, хлипки больно. Скорее снова *вселение*. Но тогда как точно выбран момент!

Парень прыгнул вперед, дубинка в его руке превратилась в черный веер, Никита с трудом парировал несколько быстрых и точных выпадов, понимая, что в мастерстве фехтования уступает этому дьяволу с глазами убийцы. И в это время водитель автобуса решил вмешаться в схватку. Он резко затормозил, так что вся компания попадала между сиденьями и в проходе, и выскочил из кабины с монтировкой в руках.

– А ну прекратите! Головы посшибаю!

И сорвиголовы прекратили бузу. Глаза вооруженного дубинкой погасли, он схватился за голову, с недоумением глянул вокруг, но его потянули за рукав, и компания сунулась к выходу. Никита со вздохом облегчения опустил свой бамбуковый «меч», только теперь ощутив боль в местах, где по телу прошлась дубинка в с е л ё н н о г о.

– Спасибо вам, – проговорил юноша, держась за голову. Девушка помогла ему подняться, хотя ей досталось не меньше, бросила благодарный взгляд на спасителя. Набросилась на приятеля:

– Говорила, давай останемся, нет же, не послушался, пока голову не проломили. Это те телохранители Дадуева, не понял, что ли? Я узнала двоих, а тот, с дубинкой, и вообще милиционер, тоже с ними...

Они сошли.

Напряжение спало.

– Спасибо и вам, – пробормотал Сухов водителю.

– Не за что, – ответил тот, мордастый, несимпатичный с виду. – Мы делаем одно дело.

Сухов доехал до своей остановки, сошел и долго смотрел вслед автобусу, вспоминая лицо и тон водителя, с которым тот говорил: «Мы делаем одно дело». Кто же это был?

Еще с полчаса Никита смотрел на звезды, ни о чем особом не думая, пока не созрела догадка: их нашли!

Такэда приехал второго декабря, похудевший и усталый, но все такой же невозмутимый и обманчиво флегматичный. Однако, узнав о стычках танцора с неизвестными «бандформированиями», помрачнел.

– Они запустили ЦРУ.

Никита невольно усмехнулся, переодеваясь после душа; Толя нашел его в раздевалке ЦРБИ после тренировки.

– Ну и зверинец! Сплошной фашизм: СС, ЧК, СД, теперь ЦРУ. Что еще нас ожидает?

– ЦРУ – это почти то же самое, что и ЦРУ в Штатах: Центральное разведуправление, то есть система разведки и слежки. Подручные Денницы запускают ее в потенциально опасных для них хронах, чтобы выяснить количество магов. В нашем хроне ЦРУ до сих пор не работало, Земля не считалась опасной для замыслов Люцифера, скорее наоборот. В общем, меченый, пора уходить отсюда.

Никита застыл, вдев руки в рукава рубашки.

– Куда уходить? На Луну, что ли? Ты серьезно?

– Нет, пошутил.

– Только-только начало что-то получаться – и снова в бега... Может быть, обойдется?

– Не обойдется, Кит. И ты еще не готов.

Никита оделся, и они вышли на улицу. Было два часа дня, но казалось, будто уже наступил вечер: серая пелена туч опустилась на город, не пропуская солнечный свет. Мело. Редкие прохожие торопились по своим делам, и никто не обращал внимания на друзей.

– Где был на сей раз?

– Где меня не ждали, – туманно ответил Такэда. – В том числе и в Москве.

– Ксению видел?!

– Нет... нельзя было, за ней тоже пущено ЦРУ, так что я не рискнул связываться с ней. Поискал Книгу Бездн и смылся.

Никита погас.

– Ты уверен, что она существует? А если мы ее все равно не найдем?

– Я уже говорил о вариантах. Один из них – первыми напасть на след СС и выяснить, как они попадают в наш хрон. Конечно, лучше бы найти Книгу, риска в сотни раз меньше.

Пару остановок решили пройти пешком, поговорить без свидетелей, а потом зайти в кафе пообедать.

– И все-таки, как она выглядит, Книга? Ты что-то говорил, но я не понял.

– Она может выглядеть как угодно: книгой, кассетой, кристаллом, камнем, любым предметом. Главное, что она содержит информацию о входе в хроноскважину. – Такэда помолчал. – И не только о входе. Но не каждый сможет ее прочитать. Есть мнение, что Книга за время скитаний по Земле потеряла большую часть информации, рассеялась по другим книгам черной магии.

Никита хмыкнул.

– Тогда зачем ты ее ищешь?

– Потому что у меня другое мнение. Я думаю, что срок в десять тысяч лет, на который она была заколдована «страшным проклятием», уже истек, и Книга начала свободное хождение, расшатывая стабильность нашего хрона. Где она появляется – начинаются национал-фашистские конфликты, войны, геноцид, массовые болезни, разгул терроризма и бандитизма, низменных страстей и религиозного фанатизма. К сожалению, я не успел закончить всесторонний компьютерный анализ, но кое-что посчитал: Книга сейчас находится у нас, на территории Лиги, а точнее – или на границе Афганистан – Таджикистан, или в Карабахе, там снова неспокойно, или в Чечне. И путь по бывшему СССР она прошла быстро: начала с Москвы, через страны Балтии и Югославию пришла в Молдову, потом в Абхазию, Карабах, Грузию, Таджикистан. Вероятнее всего, там она и застряла.

Никита скептически скривил губы.

– Это не более чем твои предположения. Не может же Книга передвигаться сама.

– Кто знает, – пожал плечами Такэда. – Может быть, у нее есть владелец, а может, она способна передвигаться.

Сухов от неожиданности поскользнулся, но, сделав пируэт, удержался от падения.

– Шутишь!

– Если бы.

Кафе называлось «Веселый Роджер», и кормили здесь прилично. Никита съел харчо и отбивные, Такэда буай-бесс²⁸ и жареную рыбу. За столом разговаривали мало, больше смотрели за входящими посетителями. Одеваясь, Сухов спросил:

– Что, прямо сейчас и поедем?

– Дня через два.

– А может, отобьемся?

Инженер поднял на друга скептический взгляд.

– Чем, бамбуковыми мечами? Тебе повезло в автобусе, что *вселенный* имел при себе лишь дубинку, а не настоящий меч или пистолет. Применит бы не задумываясь.

Никита зябко передернул плечами.

– Таких инструкторов, как Иван, мы уже не найдем. Зленский вообще уникал. Видел бы ты, что он делает с холодным оружием! Он владеет всем, что колет, режет или рубит, не говоря о мечах и саблях.

²⁸ Рыбный суп.

– Тут ты, к сожалению, прав, Зленского я тебе не заменю. «Сечей Радогора» владеет только он. Придется просить его дать на время свод приемов и правил, отреставрированных и доработанных еще его учителем – историком Бельцовым. Кстати, тоже великим фехтовальщиком. Но Зленский его превзошел. Он уже определил параметры твоего личного меча?

– Нет... не знаю... мне он ничего не говорил. Что за параметры? И что такое «сеча Радогора»? Слышу второй раз.

– Вечером расскажу. Я пошел по делам, а ты поглядывай по сторонам, не расслабляйся. ЦРУ не ошибается дважды.

Такэда заявился домой в двенадцатом часу ночи, и Никита едва сдержал нетерпение, чтобы не атаковать инженера вопросами с порога.

Обстоятельный Такэда хотя и заметил горящий в глазах танцора огонь любопытства, но к беседе приступил, лишь приведя себя в порядок и насладившись горячим чаем с малиновым вареньем, которым угостила их хозяйка. Переодевшись в халат, инженер налил себе еще чаю и с чашкой уселся в кресле, рядом с торшером.

– Давно такого кайфа не испытывал! – Покосился на устроившегося рядом Сухова. – Как плечо? Все по-прежнему? – Он имел в виду звезду.

Никита выпростал из-под халата руку. Пятиконечная «родинка» Вести переместилась на самый верх плеча, «съев» три из четырех родинок в форме цифры семь. На ее фоне семерки стали зеленоватыми, еле заметными и походили больше на девятки. Такэда покачал головой, задумываясь о своем.

– Что, плохо? – поинтересовался Никита.

– Как тебе сказать... Весть словно намекает на что-то. Видишь, семерки твои вроде бы уже не семерки, а девятки. А цифра девять, по Пифагору, – не только символ высокого знания, но и символ равнодушия. Если звезда накроет и четвертую родинку, последствия могут быть самыми плачевными.

– Для кого?

– Для тебя... меня... для всех. Человеку, отмеченному четырьмя девятками, откроется истина, но сам он при этом станет немилосердным, жестоким и презирающим всех остальных людей.

– Со мной этого не произойдет.

– Кто знает? Хотя, с другой стороны, может, действительно, как говорят японцы, дайгэн дзедзю-но ками нарэ ни ари?

– Переведи.

– Божество великой мощи в тебе самом.

– Да что ты, право, – обиделся Сухов. – Сбиваешься на какие-то траурные речи. Что будет, то и будет. Ты обещал рассказать о «сече Радогора» и о мечах.

– «Сеча Радогора» – это всего-навсего комплекс боевых приемов с мечом, которым владел легендарный славянский богатырь Радогор. Славяноведы раскопали несколько эпизодов в исторических хрониках, в которых описывается бой Радогора с превосходящим по численности противником, а потом этим занялись основатели русских воинских искусств. Руки бойца с мечами в технике «сечи» движутся по сложным траекториям, и почти каждое движение – удар! А если учесть, что классный боец наносит от четырех до десяти взмахов за секунду...

– Здорово! – выдохнул Никита; у него горели глаза.

Такэда кивнул.

– Это точно. Ну, а мечи... ты читал саги, сказания, былины или чей-нибудь богатырский эпос?

– В глубоком детстве, хотя люблю их и по сей день.

– Пример, у короля Артура – Экскалибур, у Фергуса – это уже исландские саги – Каладболг. Известен меч Мухаммеда, обладающий магической силой, меч Нуаду – один из талисманов ирландских племен богини Дану, мечи Зигфрида и бога Сусаноо. Упоминаются в сказаниях мечи истинной веры, разящие, и даже мечи, предотвращающие столкновение. Но самый уникальный – меч древнерусского богатыря Святогора. Едва вытащенный из ножен, он уже колеблет пространство, словно дает знать: берегитесь! По легенде, он может удлиниться чуть ли не на несколько верст, раздваиваться и даже размножаться, корректировать силу и точность удара... – Такэда прервал речь, отхлебнув чаю. Потом сказал, будто ни к кому не обращаясь: – Найти бы этот меч...

Никита глубоко вздохнул и засмеялся.

– С таким мечом нам и СС не страшна. Только где его искать?

Инженер не ответил, продолжая изучать чашку с чаем и поглядывая при этом украдкой на перстень с черным камнем, внутри которого загорался и гас желтый чертик. Перстень предупреждал, что по их следу идут слуги мрака и ждать их материального воплощения осталось недолго.

Глава 4

Вожаки «свиты Сатаны» оказались хитрее, чем думал Такэда. Он был прав – здесь, на Земле, боевики СС, да и любой другой команды, вынуждены были следовать законам данного хрона, не позволявшим в широкой степени пользоваться силой магии, но они вполне могли обойтись и тем, чем владели: *вселением*, или *внедрением*, особенно если знали, кого и где искать.

Прибежище беглецов они вычислили уже через два месяца, а затем, пользуясь доступом к каналам российского Министерства безопасности, подкинули РОМБ – региональному отделению Министерства безопасности – «легенду» о шпионах некоей иностранной державы Сухове и Такэде, работавших в Москве и переехавших в Хабаровск, чтобы замести следы.

Поскольку информация исходила сверху, из столицы, ей поверили, к тому же проверка установила, что характеристики «погибших» в Москве танцора и инженера совпадают с приметам поселившихся в Хабаровске господ Петрова и Мацумото, и отдел контрразведки местного РОМБ решил не ждать команды и захватить шпионов своими силами.

Их взяли на рассвете, тихо, быстро, без шума, профессионально. Спящие в дальней комнате Федор Полуянович и Мария Ильинична ничего не услышали. Так же тихо был произведен и обыск, который, конечно, ничего не дал.

Обвинение в государственной измене зачитали Никите сразу же по прибытии в контору РОМБ на Краснофлотской, на что он, переживший двойной стресс, сначала подумал: «СС! Накрыли!..» Потом увидел под дулом пистолета удостоверение сотрудника безопасности, пробормотал равнодушно:

– А на большее фантазии у вас не хватает?

Его допрашивали час, выложив все козыри с похоронами двойников, частыми поездками Такэды и поспешным бегством, а Сухов все никак не мог решить, рассказывать правду или нет.

Через час в кабинет, где допрашивали танцора, вошел тучный здоровяк с погонами подполковника, кивнул вставшим сотрудникам, обошел стул, на котором сидел Сухов, разглядывая его заплывшими глазками.

– Молчит?

– Как партизан.

– А второй наплел там с три короба. – Подполковник глянул на встрепенувшегося Никиту. – Будто бы им угрожает смертельная опасность от какой-то террористической организации – СС... и будто бы уже были жертвы, эти «эсэсовцы» убили двоих...

– Только фашистов нам не хватало, – улыбнулся старший из сотрудников, блондин с выгоревшими бровями. – Надо же – эсэсовцы в наше время!

– Так что, танцор? – обратился подполковник к Сухову. – Как же это тебя угораздило? Говорят, ты и акробат, и балетный солист, зарабатывал неплохо, и вдруг вербуешься иностранным разведчиком! Захотелось приключений? Или хорошей жизни по японскому образцу?

– Толя... Тоява рассказал вам правду, – угрюмо буркнул Никита, чувствуя облегчение, что не надо врать и изворачиваться. – Только СС – это не фашисты, а похуже, это аббревиатура организации под названием «Свита Сатаны».

Трое сотрудников засмеялись, подполковник продолжал изучать внешность танцора. Бугристое лицо его ничего не выражало.

– А карате ты занялся, конечно же, для защиты от этих... из «свиты», так?

– Да, – кивнул Никита. – Только не карате – россдао.

– Ну да, ты же патриот, – кивнул здоровяк.

Безопасники снова засмеялись.

– Смешно, – скривил губы Сухов. – Честно говоря, я был лучшего мнения об умственных способностях эмбистов. Ведь вам ничего не стоит проверить факты, и все станет на свои места. Я мог бы рассказать то же, что и Оямович, но позволю себе лишь один вопрос: зачем вражескому агенту, инженеру-электронщику, вербовать акробата и танцора? Какие тайны он может выведать с его помощью? Военные? Экономические? Политические? Спортивные? Или хореографические? Бредятина!

– Разберемся. – Подполковник снова обошел стул Никиты. – Хватит на сегодня. Его – к напарнику, в «сундук».

– Но ведь они... – запротестовал было блондин.

– Посидят до вечера вместе, – отрезал подполковник и оглянулся на пороге. Никиту мороз продрал по коже – во взгляде начальника контрразведки сверкнул злой огонь, как выстрел из темноты. Такой взгляд мог быть только у боевика СС.

– Поздравляю, – прохрипел Сухов, глядя на закрывающуюся дверь. – Вы, ребята, еще не знаете, что такое *Вселение*? В скором времени узнаете... когда будете судить начальника.

Сотрудники отдела переглянулись.

– Странный ты шпион, Сухов, – задумчиво проговорил блондин. – Или очень хитрый, или...

– Второе, – вздохнул Никита.

«Сундук», в который отвели Сухова, оказался нормальной комнатой с душем и санузлом, разве что без особой мебели – две кровати одна над другой, два стула, стол, полка с десятком книг – да с зарешеченным окном. Такэда уже находился там, сидел со скрещенными ногами на стуле и созерцал стену с репродукцией Айвазовского: море, гора, парусники.

– Позиция номер один – синсокан ²⁹, – прокомментировал Никита. – Угадал? Или ты занимаешься медитацией?

Такэда не ответил, продолжая сидеть в такой позе еще минуту, потом соскочил на пол гибким кошачьим движением, оглядел танцора.

– Били?

– Что? – растерялся Сухов.

– Обычно интеллигентов бьют, и те раскалываются.

– А-а... тебе, значит, это испытание не грозило. Ну и что будем делать, стратег? Положение совершенно идиотское.

Такэда быстро нанес три удара один за другим: рукой-ногой-рукой, – и Никита так же быстро их заблокировал, продолжая разговаривать и оставаясь с виду рассеянным и ленивым.

– Суй-но-ката ³⁰, – пробормотал инженер. – Ты добрался уже и до Воды? Молодец.

– Стараюсь.

– Как ты думаешь, зачем нас поместили вместе?

Никита вспомнил взгляд подполковника, изменился в лице.

– Что? – Такэда был внимателен. – Показалось что-то?

– Начальник – такой широкий и выпуклый со всех сторон бугай – *вселённый*!

Инженер сел, задумался, кивнул.

– Вот и ответ. Тем, кто нас подставил, нет нужды собирать компромат, разворачивать следствие, проверки и анализ, им надо нас просто убрать. Физически. Они *вселятся* в тюремщиков и придут по наши души. Может быть, уже сегодня.

От этих простых слов, сказанных хладнокровно и уверенно, спину Сухова охватил ледяной озноб. Однако он уже научился сдерживать порывы и эмоции, сказывался физический и психический тренинг.

²⁹ Синсокан – поза созерцания (яп.).

³⁰ Суй-но-ката – в кэмпо ускользание от атак, способ Воды (яп.).

– Мы с ними справимся?

– Не знаю. С одним, в крайнем случае с двумя.

– А если попробовать «разбудить» Весть?

Такэда покачал головой, глянув на плечо танцора, заколебался, снова покачал головой.

– Рано. Не выдержишь.

– Я уже...

– Ийе, – твердо сказал Толя, и Никита опустил голову, хорошо зная этот тон. «Ийе» означало «нет».

Через минуту он вдруг вспомнил.

– Толя, а твои вещи при тебе? Не отобрали?

Такэда понял.

– Индикатор и рацию? – Он показал перстень – внутри камня подрагивал оранжевый пятиугольник – и достал из кармана портсигар.

– А что, если дать знать этим твоим друзьям, что мы в опасности?

– Вряд ли это что-то даст. Рация, по-моему, не имеет связи с другими хронами, она работает в пределах нашего хрона как ретранслятор...

– Откуда ты знаешь? А если нет?

– Я все же немножко копенгаген в таких вещах. Для преодоления потенциального барьера между хронами требуется огромная энергия, а объем портсигара слишком мал для нужной концентрации.

– А наши приятели из СС тоже пользуются такими рациями?

– Может быть. Во всяком случае, связь они должны иметь. Плюс контейнеры для ношения оружия. Помнишь «дипломаты» десантников?

– А оружие – те самые копыя, стреляющие холодом?

– Не холодом. – Такэда подумал и улегся на кровать. – Это какое-то физическое поле, высасывающее энергию атомных и молекулярных связей.

– Черт с ним, наши пистолеты не менее надежны. У меня идея. – Сухов понизил голос. – Если ты прав и «дипломаты» – всего лишь контейнеры для ношения оружия, то парни СС должны знать выход в наш хрон. Что, если захватить сейчас *вселённого*, когда они придут за нами, и вывести у него, где выход?

Такэда засмеялся, тихо и мелко. Никита всего второй раз в жизни видел, как смеется инженер.

– Чего ржешь? – рассердился он. – Это единственный шанс.

Такэда еще некоторое время смотрел на него улыбаясь, и во взгляде его читались одобрение и надежда.

– А ты воин, однако. – Помолчал. – Донесение о нашем положении я отправил. Но не уверен, что получу ответ.

– Так какого рожна издеваешься? Должен быть выход и из этого положения.

– Единственный выход там, где для человеческого ума нет выхода. – Инженер снова улыбнулся, заметив растерянность друга. – Это не я сказал, известный философ³¹. Но он как в воду глядел. Садись, отдохни, индикатор покажет, когда начнется кутерьма.

Никита пожал плечами, походил из угла в угол камеры и залез на вторую койку. Его порыв к борьбе почти угас, навалились усталость, отчаяние и чувство безнадежности. Такэда подал голос спустя четверть часа, словно разговаривая сам с собой:

– Добро и Зло... древняя формула бытия человеческого... Добро обычно спит, а Зло действует, действует, действует, пока не переходит какой-то предел, способный разбудить социум, и тогда появляются люди, борющиеся со Злом активно... люди боя. Они никогда не прибли-

³¹ А. Шестов.

жаются в достаточной мере к стороне, на которой сражаются, они всегда посередине и оттого вдвойне несчастны. Ибо зачастую презираемы теми, за кого воюют, и ненавидимы теми, против кого воюют. Никита промолчал. Через минуту Такэда заговорил снова:

– Вот бы выяснить, кто или что и когда положили на Земле начало Злу и Предательству? Или такими нас создала природа?

– Не всех, – не удержался от реплики Сухов.

– Не всех, – согласился Такэда. – Но слишком многих. Добро и Зло... и мы посередине... не боишься?

– Быть презираемым? Не боюсь. Кто нужно, тот оценит. – Никита подумал о Ксении. Он не верил, что может умереть уже через час-два. – Помнишь притчу Конфуция? Некто спросил: «Правильно ли говорят, что за зло нужно платить добром?» Учитель сказал: «А чем же тогда платить за добро? За зло надо платить по справедливости».

– Конфуций был прав, а может быть, знал, что справедливость – один из двух высших законов Веера.

– А каков второй закон?

– Толерантность.

– А-а... терпимость, что ли?

– Да, если понимать его упрощенно. Но ты растешь, мастер, ты хороший ученик. Жаль только, что учиться нам уже некогда.

– Ничего, учиться можно вечно и в любых условиях.

– Вечно... Ничто не вечно в нашем мире, кроме, может быть, дружбы.

– Разве этого мало? – Никита переборол отчаяние и чувствовал себя лучше. Пришло ощущение чьей-то огромной теплой ладони, погладившей спину, плечо, голову, словно кто-то невидимый одобрял его мысли. Весть? Проснулась Весть?

Он прислушался к себе, но плечо молчало, лишь мурашки теплой струйкой всшершавили кожу от плеча до шеи. И все же это был сигнал Вести...

За ними пришли в час ночи. Хозяева были так уверены в себе, что пришли вдвоем: здоровяк-подполковник и его заместитель в штатском, чернявый, горбоносый, со спортивной выправкой. В руках подполковник нес черный «дипломат».

Арестованные переглянулись; они уже встали и расположились по обе стороны стола.

– Не вмешиваться, – приказал подполковник охраннику в коридоре, закрывая дверь.

В тот же момент Такэда метнулся к нему, а Никита в подкате – к чернявому: они решили начать первыми, так было больше шансов уцелеть.

Конечно, их противниками были уже не просто люди, знающие свое дело, тренированные и готовые к непредвиденным осложнениям, память и знание *вселённых* подняли их – профессионализм на порядок выше, но все же их физическая оболочка осталась прежней, как и реакция, и сила, и психофизические кондиции. Вселённый в подполковника ответил на прыжок соперника мгновенно, однако *тело* подполковника отреагировало с запозданием; ему было уже за пятьдесят пять, сказывался и возраст, и отсутствие должного тренинга, и лишний вес. Такэда выбил из рук здоровяка «дипломат» и тут же без замаха снова ударил...

Чернявый зам был проворней шефа и успел вытащить пистолет, но и он не был в прежней жизни достаточно натаскан на оперативную схватку, и полусекундного его колебания хватило Никите на проведение приема.

Радиус поражения подката – три метра, от него почти нет спасения, уйти можно только высоким прыжком или встречным падением. Но, во-первых, бой происходил в помещении, а во-вторых, заместитель не встречался с родером как профессионал-оперативник. Никита достал его с первого же приема.

И все же это был не конец.

В обычном бою от таких ударов, какие нанесли Такэда и Сухов, противник давно отключился бы, *новселённые* имели возможность заставить тела хозяев работать на пределе черного шлейфа, то есть на пределе физико-биологических возможностей, не считаясь с риском автотравмы, и превратили тела безопасников в роботоподобные, не боящиеся боли, накачанные чудовищной силой машины. *Вселённым* не надо было заботиться о последствиях такого боя, им был важен результат, а что станет с теми, в кого они вселились, не имело значения.

Схватка продолжалась еще некоторое время. Вот когда Никите понадобился опыт росодао, позволявший сражаться с любым противником, использовать не только свою силу, но и его промахи. Танцор сражался яростно и вдохновенно, вдруг осознав, что борется за жизнь не только свою, но и Толину, и Ксении, и мамы, и других людей, не подозревающих, то творится на свете. И шансов отыграться он чернявому не дал, выбив пистолет и раз за разом посылая его на пол.

У Такэды была другая задача. Он понимал, что долго они не продержатся, и маневрировал так, чтобы первым завладеть «дипломатом», где наверняка находилось оружие гостей, с помощью которого можно было превратить пленников в ничто, в облачко газа. И он достиг своей цели, свалив подполковника под стол, так что тот не мог выбраться оттуда сразу.

«Дипломат» не открылся. Он не открывался ни на щелчки пряжками, ни после нажатия кнопки на замке, ни от ударов – тяжелый, мягкий, теплый на ощупь, кажущийся живым. В нем угадывалась мощь и угроза. Казалось, внутри прячется кто-то живой и вот-вот выскочит, превращаясь в монстра...

Сухов понял затруднения друга почти сразу. Крикнул:

– Отвлеки их, я попробую!

Такэда бросил ему «дипломат» и «принял» обоих, заметался между ними, как молния. Он знал, что, если пустить в ход пистолеты эмбистов, значит тяжело их ранить, если не убить, а им и так придется несладко после ухода *вселённых*.

Никита целых две секунды стоял над «дипломатом», вслушиваясь в себя, в грохот сердца и гул крови, а потом резко ткнул плечом в лоснящуюся шкуру кейса, прокричав натужно *внутрь* звезды: «Открывай!» Ответом была бесшумная белая вспышка, резанувшая по глазам – *изнутри* глаз – и отозвавшаяся болью во всем теле: показалось, что всю кожу от ушей до пят ошпарили кипятком! Но сознания Сухов не потерял. Время как бы застыло, замедлилось в тысячи раз, и застыли сражавшиеся рядом, все трое – в падении, из них лишь Такэда – в контролируемом. В следующее мгновение Сухов знал, как открыть «дипломат», вернее – трансскоф, трансфизический кокон, как и то, что в нем находится.

Охранник, прислушивающийся к шуму в камере с заключенными, выдержал несколько минут, потом, после особо сильных ударов, треска и звона, дал тревогу и открыл дверь. Его взору открылась устрашающая картина разрушения и беспорядка.

Стол и стулья были разломаны, верхняя койка сброшена на пол и покорежена, санузел разгромлен, а на месте окна с решеткой зиял провал без единого осколка стекла, в который ветер задувал с улицы космы снега.

Начальник отдела подполковник Суржиков лежал ничком у окна и со стонами порывался встать. Его заместитель майор Кендадзе стоял, шатаясь, возле кровати и непослушной рукой пытался выстрелить в окно из табельного пистолета. Судя по их состоянию, можно было подумать, что они попали под горный обвал. Остолбнев, охранник смотрел на разгром в комнате побелевшими глазами, пока не прибежала тревожная смена.

Но «шпионы», взятые прошлой ночью, исчезли...

Профессиональные разведчики или преступники никогда не вернулись бы домой после побега из тюрьмы, однако Такэда и Сухов были дилетантами и поэтому надеялись, что погоня

ринется сразу на вокзал и в аэропорт, а не по их домашнему адресу, и не обманулись в ожиданиях.

Пробежав в одних костюмах, без пальто и шапок, в пургу, два километра, они остановили какого-то сумасшедшего частника, не побоявшегося взять раздетых пассажиров, и тот подвез их к дому за четверть часа. Еще столько же ушло на сборы и объяснения с хозяевами, а потом наступил черед «аллюра три креста» в неизвестном направлении, пока Такэда не объяснил начавшему терять терпение Сухову, куда они бегут. Путь их лежал к Виктору Борисовичу Зленскому, у которого была машина – бежевая «сотка», как у Никиты когда-то. Черный «дипломат»-транскоф Сухов нес сам.

Зленский их появлению в половине третьего ночи не удивился, как не удивился и просьбе одолжить машину на пару дней. Красильникову он верил, а тот верил Такэде, следовательно, все было в порядке вещей.

В три часа ночи беглецы выехали по юго-восточной магистрали в сторону Советской Гавани, понимая, что, если объявлен их розыск, дороги могут быть уже перекрыты. Но что-то не сработало у РОМБ, а может быть, эмбисты не захотели привлекать милицию и ГАИ к своим делам: последний пост автоинспекции на выезде из города машину беглецов не остановил.

И с этого момента началась для них жизнь, состоящая из переездов, перелетов, коротких остановок, стычек с разного рода группами, многие из которых, наверное, не имели никакого отношения к СС, зализывания ран, заметания следов и бегства в ночь.

Новый год встречали на Сахалине, январь и февраль провели на Камчатке, март и апрель – в Энмелене, на Чукотке. Но ЦРУ засекло их и здесь, и тогда Такэда предложил бежать в Японию, тем более что у него там были родственники и друзья по отцу. Никита, ни на день не прекращавший тренировок, неистово изучавший приемы россдао по книге, которую дал Красильников, а искусство фехтования – по трактату Зленского, не возражал, и в мае они бежали в Японию, воспользовавшись безвизовым проездом из свободной экономической зоны Хоккайдо – Кунашир.

Однако и в Японии они не задержались: по их следу шли уже не техники ЦРУ и не *вселённые*, за ними вел охоту один из прайдов «свиты Сатаны», уйти от которого на Земле было невозможно. Встреча беглецов и охотников лишь оттягивалась, но это не могло длиться вечно.

Из Японии их маршрут вел на Тайвань, оттуда на Филиппины, потом в Индонезию и Бирму. Каким образом им удавалось перебираться из страны в страну без международных ооновских паспортов, Никита не задумывался, переложив эту заботу на плечи Такэды, поэтому лишь Толя знал, что им кто-то помогает. Кто именно – не имел понятия и он сам.

В Бирме Никите повезло: в одной из частных школ тайбо в Читтагонге, где они остановились – спасало знание английского, – он три месяца занимался под руководством замечательного мастера Тхе Квотай, усвоив ранее не дававшиеся общие тонкости боя – четкий ритм, чувство дистанции, чувство времени, правильное дыхание, а главное – правильное распределение энергии ци, внутренней энергии организма.

Из Бирмы «свита Сатаны» погнала их через Индию в Оман и Саудовскую Аравию, потом в Египет – всего на две недели, затем пришлось переплыть Средиземное море и путешествовать по Европе, отменившей границы. И наконец, спустя почти год, устав от постоянного напряжения и бешеной гонки, от постоянных тренировок и забот о хлебе насущном – приходилось подрабатывать где придется, – прибыв в Финляндию, Никита взбунтовался.

Они остановились в Котке, на берегу Финского залива, в гостинице «Киттиля», и, стоя у окон номера, выходящих к заливу, Сухов сказал Такэде, вытиравшему волосы после душа:

– Все!

– Что все? – осведомился инженер, по-отечески любясь поджарой могучей фигурой танцора.

– Все, хватит. – Никита повернулся к другу. – Бегство наше закончено. Я и так, не мечтая об этом, объехал полмира, дальнейшее путешествие в том же темпе – излишне.

– Но нас догонят и убьют!

– Может, да, а может, и нет. – Сухов выдержал пытливый взгляд инженера абсолютно спокойно. – Во-первых, я постиг главное: цель любого учения – преодоление себя и лишь потом – обстоятельств. Во-вторых, у нас есть транскоф... «дипломат» СС, полный тайн. Кстати, мне кажется, именно он наводит на нас нюхачей «свиты», излучая нечто, некое поле, по которому нас пеленгуют.

Никита умолчал о том, что несколько раз пытался открыть «дипломат», но у него ничего не вышло. Видимо, открывался он только при определенной комбинации мысленного «крика» или при преодолении некоего порога мощности биоизлучения, для чего требовалось предельное напряжение организма. Могло быть и так, что открывался транскоф лишь с помощью Вести, ее тонкой и неощутимой для сознания подсказки.

– Мне тоже так кажется, – ответил Такэда.

– В-третьих, я готов к расшифровке информации Вести. Не очень физически, быть может, зато морально. Один раз она мне уже помогла, значит, есть надежда на полную передачу. Поскольку поиски Книги Бездн вряд ли осуществимы, действовать придется по второму варианту – через функционеров СС.

Этот вариант почти стопроцентно гарантирует нам загробную жизнь. Да и вряд ли кто-нибудь из боевиков СС скажет, где находится вход в Веер, даже если нам удастся его выловить. Да и выследить их проблема, слежку они почуют наверняка. Нет, мой друг, надо все ж таки попытаться найти Книгу. Я ведь еще раз был у Неплюева... вернее, у него дома, кое-что узнал. Оказывается, он очень сильно болел в свое время, как раз перед войной, а потом к нему стал навещать знахарь, и в один прекрасный день Неплюев встал с постели весел и здоров. И прожил, как горец, более ста лет. Это тебе ни о чем не говорит?

Никита прошелся по комнате, теребя подбородок.

– Ты хочешь сказать, что Книга была у него? А потом кто-то забрал ее, и Неплюев выздоровел?

– Молодец, соображаешь. Только у Неплюева была не вся Книга, а фрагмент. Как и у трех других свидетелей взрыва Сухаревой башни. Книга Бездн вечна, она уцелела во всех катаклизмах в течение многих столетий и нашла способ уцелеть и при взрыве башни. А теперь она в руках некоего таинственного типа, кочующего по Земле в своих интересах. Кто он, я не знаю. Но не из «свиты Сатаны» и не из стана наших друзей. Если бы СС завладела Книгой, она бы ее уже унесла в Миры Синклита. Итак, попытаемся?

Никита скептически хмыкнул.

– Честное слово, не очень-то верится в существование Книги. Все расплывчато, туманно, неконкретно... как во сне. Но если нет других путей, почему бы не попытаться? Удача – награда за смелость, а не за трусливую дрожь в коленках.

– Речь не мальчика, но мужа. – Такэда придвинул к себе «дипломат». – Как бы нам его открыть еще раз?

– Я думаю, открыть его может только человек, доведенный до стрессового состояния. Так что придется ждать, когда нас вынудят действовать на пределе. – Сухов помолчал. – Толя, если я... мы... представляем такую опасность для Люцифера, то почему он не пошлет более подготовленных ребят? «Черных командос», например, джиннов каких-нибудь...

– На этом этапе было бы достаточно «бархатного вмешательства»... если бы тебе не помогали. Да и вряд ли сам Денница знает о нашем существовании, как и Синклит Четырех. Нами пока занимаются его клеветы рангом пониже, на уровне шепота, без лишнего шума. Ведь если вмешается кто-то из магов «свиты», всколыхнется весь Веер, и деятельность Люцифера станет известна... скажем так, общественности, Собору Веера.

– Ясно. Значит, впереди у нас встречи поопаснее встреч с ЦРУ, СС и ЧК? Это нормально. Ну, и куда мы теперь?

– В Турцию. Оттуда в Афганистан. Тот, у кого Книга Бездн, думаю, в том районе, у границ Таджикистана. Там мы и попробуем разбудить твою Весть.

Никита невольно коснулся плеча пальцами, и ему показалось, что у ног его раскрывается бездна.

– А если я предложу другой маршрут?

– Какой?

– Москва – Таджикистан!

– В Москве нас наверняка ждут.

– Вот именно.

Такэда покачал головой.

– Я имею в виду СС.

– А я Ксению. Я ее почти год не видел, понимаешь? Впрочем, если хочешь, двигай своим маршрутом, а я своим. Встретимся на границе.

Такэда поднял брови. Он видел, что Сухов готов настоять на своем, и не знал, радоваться этой его решимости или нет.

Глава 5

В Россию они вернулись накануне Нового года, попытавшись изменить внешность. Такэда настаивал даже на пластической операции, но Сухов его не поддержал. Он снова отрастил длинные волосы, падающие на шею, а также бороду и усы. Толя, наоборот, свои привычные усы сбрил и стал носить накладные, рыжие, под цвет парика.

В Петербурге, куда прибыл поезд из Хельсинки, задерживаться не стали, и через день экспресс «Новая эра» доставил их в Москву.

Целый час друзья, ошалевавшие от шума и воздуха родины, гуляли по столице, толкались в толпе москвичей и гостей города, любовались набережной и пили квас на Тверской. Такэда очнулся первым, эмоциям он был подвержен меньше, чем артистическая натура танцора.

– Предлагаю разделиться. Я пойду поищу Романа, а ты Ксюшу. Встречаемся в двенадцать у Никитских ворот.

– А кейс куда? Может быть, сдадим в камеру хранения на вокзале? Таскать неохота.

– Возьми пока с собой, оставлять его опасно, потом решим, что с ним делать. Об осторожности, надеюсь, предупреждать не надо? Если в Москве оставлена сеть ЦРУ, то все наши знакомые находятся «под колпаком». Вот тебе на всякий случай эрцхаор... э-э... индикатор. – Толя снял перстень с камнем. – Видишь, мигает оранжевый пятиугольник? Это означает, что в городе повышен «демонический фон». А это, в свою очередь, говорит о том, что ЦРУ здесь. Или прикрытие «свиты». Если форма знака и цвет изменятся на алый полумесяц, значит, кто-то из них рядом.

Никита отодвинул руку Толи.

– Тебе он больше пригодится. У меня обострилось восприятие... после включения Вести. Я и так почую неладное.

Такэда не стал настаивать, постепенно свыкаясь с ролью ведомого. Инициатива постепенно переходила в руки танцора, что говорило об изменениях его характера. Год тренинга россадо, изматывающие душу попытки бегства от смерти закалили Сухова, заставили собраться, сделали более решительным и жестким. Он все больше убеждался в исключительной важности предназначенной ему роли, сумев при этом не скатиться до высокомерия, апломба и зазнайства, но и не потерять честолюбия, толкающего творческие личности на риск и подвиги.

Студия оказалась закрытой, несмотря на обычный рабочий день – четверг. На двери висел клочок бумаги с двумя буквами: «Не...» – остальное оторвали. Чувствуя, как тревожно забилося сердце, Никита незаметно огляделся, никого не обнаружил, отошел в раздумье: что же означает это «не»?

На углу Малого Козихинского он позвонил Ксении домой и долго вслушивался в длинные гудки. К трубке так никто и не подошел. Что делать дальше, Сухов не знал, но потом, поразмыслив, решил довести дело до конца.

Сначала он съездил на Леваневского, в Союз художников, и час потратил на выяснение – знает ли кто из завсегдатаев Дома художников Ксению Краснову и когда ее видели в последний раз. Кое-кто из молодых художников, не отличающихся от Никиты «одухотворенностью» – то есть наличием бород и усов, Ксению знал, но ни один не смог ответить на вопрос, когда встречал ее в последний раз. «С месяц назад» – вот и вся информация.

Тогда Сухов поехал к девушке домой, начав тревожиться всерьез. Правда, мелькнула в голове мысль, что Ксения именно в этот момент куда-то уехала, может быть, и на поиски их, но Никита отогнал эту мысль: они дали о себе знать еще с Камчатки, и Ксения не могла помчаться в белый свет, как в копеечку, искать их след. А в метро танцор вдруг понял, что его «ведут». Ощущение было острым, как укол в ягодицу, и Никита чуть было не запаниковал, с великим

трудом заставив себя не вертеть головой во все стороны. Украдкой оглядел вагон – никто в его сторону не смотрел. Но заноза чужого взгляда осталась. С ней он вышел из метро, ехал в троллейбусе и шел через мост над железнодорожными путями. Лишь у самого дома Ксении ощущение исчезло, будто где-то выключили телекамеру. Никита вздохнул с облегчением, хотя тут же подумал, что наблюдатели поняли, куда он идет, и просто передали его другой смене. Напряжение вернулось.

Замедлив шаг, Никита перешел на глубокое дыхание, сконцентрировал психику на немедленный ответ на любое внешнее воздействие и «проиграл» встречу с СС в квартире Ксении или около нее. Пришла уверенность в своих силах и спокойствие сжатой пружины – он был готов. Никита усмехнулся в душе: он был готов к действию в гораздо большей степени, чем думал Такэда, а тем более – чем знали парни из «свиты Сатаны».

В сумке за плечом шевельнулся «дипломат». Вернее, так показалось Никите. Все же транскоф реагировал на его состояние, и он это чувствовал. Плечо со звездой Вести покрылось пупырышками, словно от холода. И оно в свою очередь реагировало на мысли и эмоции хозяйина, на состояние его психики, и снова Сухову почудилось, будто стоит он у крутого обрыва в глубокую пропасть. Еще один шаг – и откроется дно ада... или истина!

– Рано! – сказал сам себе Никита, покрываясь испариной. – Погоди чуток. Вот найдешь Ксению...

Квартира художницы была заперта, на звонки никто не отвечал, но Сухов нажимал кнопку звонка до тех пор, пока не щелкнул замок соседской квартиры и на пороге не возникла сухонькая старушка. Никита знал ее, старушку звали Анна Павловна, шел ей восемьдесят пятый год, но бодрости ее могли бы позавидовать и молодые.

– Добрый день, – поздоровался Никита, хотел было добавить «Анна Павловна», но вовремя прикусил язык: вряд ли соседка узнает его в этом обличье. – Вы не знаете, где Ксения... э-э... Константиновна? На работе ее нет, дома тоже.

– А уехала она, мил человек, – певуче ответила старушка. – Приезжали к ней какие-то хлопцы, суровые больно, а глаза у них нехорошие такие. Я как раз от мусор выносила, а они идут. И молчат все. Только когда выходили они, Ксения вроде бы всплакнула...

– Когда?! – Никита внезапно охрип. – Когда они приходили?

– Да с месяц назад, мил человек. А вы кто ей будете? Где-то я вас видела.

Глазастая бабуля, подумал Сухов, а в голове вертелась одна фраза: «Здесь была «свита Сатаны»... здесь была «свита Сатаны»...»

– Она ничего вам не сказала, не передавала?

– Ничего, сынок, только поглядела так искоса, сквозь слезы... а может, то и не слезы были, я ведь подслеповата чуток. Только главный из их компании, с тебя ростом, но посолиднее, пробурчал что-то. Мне послышалось: «Никуда не денется...»

У Никиты, наверное, заметно изменилось лицо, потому что старушка заволновалась, всплеснула руками:

– Ай случилось что с нашей Ксеньюшкой?

– Не знаю, – прохрипел Сухов непослушными губами. – Ключ... у вас есть ключ от ее квартиры?

– Да откуда ж, мил человек? Ксения – девушка самостоятельная, строгая, живность не держит, а стало быть, и присматривать не за кем, случись отлучка. А вы кто ей будете, ежели не секрет?

– Родственник... брат двоюродный, – сказал Никита первое, что пришло в голову. Опомнился. – Извините, что побеспокоил. – Повернулся, чтобы уйти.

– Ах, подождите, молодой человек.

Никита обернулся. Старушка смотрела на него ясными, живыми, пронизательными глазами.

– Запомняла я, ключик-то оставила Ксюша, еще до этих... угрюмых. Сейчас принесу. Но вы уж со мной к ней пройдете. Хоть и не тать, видно, а все ж я как в ответственности за квартиру.

Сухов только кивнул, сглатывая комок в горле.

В квартире Ксении он бывал раз пять и ориентировался в ней хорошо. Маленькая передняя, такая же кухня, гостиная и спальня. Везде чистота, уют, продуманность интерьера – ничего лишнего, но и не аскетизм. И ни одной картины! Имеется в виду – своей. Ксения не любила выставлять напоказ свое мастерство в бытовой обстановке. Хотя картины – современных художников – на стенах висели: два пейзажа Селиванова в гостиной и сказочный сюжет Мегрели в спальне.

Никита обошел комнаты, кухню – нигде ничего, ни следа борьбы или поспешного бегства, лишь тонкий слой пыли на книжных полках и серванте говорил о долгом отсутствии хозяйки. Вернулся в спальню – соседка следила за ним, склонив сухонькую седую головку на плечо, – заглянул в шкаф, а потом вдруг приподнял книгу, брошенную на тахту. Интуиция его не подвела: клочок бумаги и на нем три торопливых слова: «Не ищи – погибнешь!» И все.

Никита ощутил в груди холод и пустоту. В голове больно запульсировала жилка, лопнула с тихим звоном, словно стеклянная, и под черепом прозвучал знакомый гулкий шепот:

– Саммай...

– Что? – от растерянности Сухов заговорил вслух, хотя хорошо понимал, что слышит «голос» Вести.

– Саммай... – Шепот втянулся в кости черепа и стих. Никита хотел выругаться – он не понял, чего от него хотели, и вспомнил: саммай – состояние просветления в философии Дао, и Весть напомнила ему о единственной формуле, способной помочь.

Больше в квартире Ксении делать было нечего, и Сухов поспешил уйти, поблагодарив соседку за доверие. В памяти остался ее жест – она перекрестила его тихонько, но танцор не придал этому жесту значения.

В двенадцать часов пополудни они встретились с Такэдой у Никитских ворот и зашли в кафе: на улице было холодно. Первым информацией поделился Толя:

– Роман в больнице. Месяц назад на него напали, попал в реанимацию, но выжил. Сломаны два ребра и обе руки.

– О, черт! СС?!

– Без сомнения. К сожалению, Роман не учел, что против него действовала не обычная молодежная банда и даже не боевики-профессионалы мафии. Ни чести, ни совести не имеют ни те, ни другие, ни третьи, но «свита Сатаны» применяет, кроме всего прочего, оружие, против которого нет защиты.

– Излучатель холода?

Никита имел в виду короткое копьё со светящимся наконечником, с помощью которого они ушли год назад из камеры РОМБ в Хабаровске. Картина странного боя встала перед глазами.

«Дипломат», отобранный у подполковника, открылся тогда только после вспышки ярости и гнева, которую пережил Сухов, надеясь, что заговорит Весть. Она и заговорила – удар по сознанию был настолько силен, что танцор на мгновение отключился, а когда пришел в себя – «дипломат» транскофа был уже открыт. Оставалось сунуть туда руку и вытащить... но что? Почему он тогда вытащил именно копьё – вардзуни, как оно называлось на самом деле? Потому что думал о таком оружии?..

Остальное произошло в течение двух-трех секунд: Никита направил острие копья на решетку окна и... оно сработало само! Синий-синий сноп прозрачного огня, вызвавшего волну острого холода, вонзился в окно, решетка и стекло исчезли беззвучно, испарились, осталось лишь выпрыгнуть наружу, что и сделали арестанты один за другим...

– Слава Богу, что Роман жив! Пусть только попробуют сунуться к нам! Толя, я чувствую слежку. Надо срочно будить Весть и... искать Ксению. – Никита скупко рассказал о своих поисках девушки. – И теперь она у них.

Такэда перестал есть и некоторое время сидел сгорбившись, прикрыв глаза ладонью. Глухо произнес:

– Это я виноват... надо было учесть все шаги «свиты»... Мы их здорово разозлили, отобрав транскоф, и они не остановятся ни перед чем, чтобы оправдаться... вернуть транскоф и уничтожить нас. А заодно и всех свидетелей.

– Я одного не понимаю. – Никита скатал из хлеба шарик и щелчком послал его по столу, сбив наглого таракана. – Ксения сама по себе «свите» не нужна, им нужен я, почему же тогда похитители не оставили мне записку: мол, ищи ее там-то и там-то, иначе – секир-башка заложнице?

Инженер продолжал сидеть в той же позе, казня себя жестоко и больно.

– Надо было сразу лететь в Москву, как только мы вырвались из РОМБ Хабаровска. Они же на уши встали из-за потери транскофа... Что ты сказал?

Сухов терпеливо повторил вопрос.

– Я их логику не анализировал, – ответил Такэда. – Может быть, они, как и все маги или демоны, владеют футур-прогнозом. Просчитали, что ты так или иначе появишься на Пути, вот и ждут тебя у входа в хроноскажину, в засаде.

– Проще было бы устроить засаду в квартире Ксени.

– Проще для тебя, как землянина, для человека вообще, но не для них. Они не люди и мыслят не человеческими категориями. Ты прав в одном: пора выходить в Путь.

– Как?

– Есть только один вариант – Весть. Пора ее будить всерьез. И дай Бог тебе выдержать!

Никита поежился, но не позволил голосу дрогнуть.

– Выдержу.

Они вышли из кафе, и сразу же у Никиты заныли зубы.

– О черт!

– Что? – покосился на него Такэда.

– Снова это проклятое ощущение: кто-то глядит сверху и вот-вот шарахнет по голове!

– У тебя заработала экстрасенсорная система, поздравляю. Привыкай. Но рядом никого нет, я имею в виду СС или ЧК, иначе у меня сработал бы инди... – Такэда замолк, глядя на пульсирующий алым светом полумесяц в камне. – Не может быть! – Глаза инженера остекленели, лоб покрылся испариной.

– Что с тобой? – Сухов поддержал друга под локоть, оглядываясь, куда бы посадить его, и решая, не нужно ли звать на помощь. Они стояли возле арки длинного желтого здания, в котором размещались кафе и магазин «Оптика». Народу было мало, все торопились по своим делам, кутаясь в пальто и шубы, и никому не было дела до остановившихся мужчин.

– Пошли. – Такэда, пошатываясь, толчками, зашагал в арку. Было видно, что внутри него происходит какая-то непонятная борьба.

Никита, недоумевая, направился за ним. Что сработало, какое чувство – «шестое» или «седьмое», он не понял, но на внезапный удар Толи среагировал точно.

Это был ин бран – удар кулаком между бровями в стиле леопарда, и попади Такэда – Сухов вряд ли скоро очнулся бы, но включенный интуицией рефлекс и знание приемов россдао – блок работы «с хода» – спасли его от смерти.

– Ты что, с ума сошел?! – возмутился он, отскакивая, и язык прилип к гортани. Взгляд инженера сказал ему все: это был взгляд «десантника» СС: пустой, равнодушный и в то же время беспощадный, полный угрозы и силы.

Такэда прыгнул, целя в голову, в горло и одновременно пытаюсь выбить «дипломат» из рук танцора. Защищаясь, Никита вынужден был пустить в ход обе руки, поэтому транскоф он отбросил в сторону, за урну с мусором, чтобы его не достал Толя. Тот сразу начал строить бой таким образом, чтобы оттеснить Сухова от «дипломата». Никита сам понимал, что, если это произойдет – он покойник, и дрался отчаянно, призвав все свое умение и навыки, полученные им у Романа и Красильникова.

Это был не очень красивый – мешала зимняя одежда, – но быстрый бой, и закончился он неожиданно: на какое-то неуловимое мгновение Такэда смог освободиться от вселённого, чуть промедлил, и Сухов не смог удержать удар; дрался он на рефлекс, почти без участия сознания, во всяком случае – без обдумывания тактики боя.

В арку заглянула какая-то парочка и шарахнулась прочь, только каблуки застучали. Никита постоял, опустив руки, приходя в себя, ни о чем не думая. В голове стоял звон, и хрип, и гул, и чей-то лепет... Потом сердце перестало гнать кровь в темпе силовой отдачи, гулы и звон из головы ушли и стал слышен голос второго «я» Сухова:

– Как ты мог?! Это же твой друг! Как ты мог воспользоваться его промашкой? А тем более, он сделал это специально...

– Заткнись! – огрызнулся Никита. Нагнулся над лежащим на боку Толей, приподнял голову.

Такэда заворочался, ощупал челюсть, нос, лоб, зашипел от боли.

– Кто?.. Что это? Такое впечатление, что на меня упала стена.

Никита молча помог ему подняться, взгляделся в лицо, ища взгляд, с облегчением вздохнул и отыскал лежащий в стороне «дипломат».

– Это ты меня, что ли? – продолжал Такэда. Хмыкнул, посипел немного сквозь зубы. – Ты первый, кто меня «вырубил».

– С твоей помощью. Ты на долю секунды отключил вселённого, и я этим воспользовался.

– Да? Ничего не помню. – Толя подошел к сгорбившемуся Сухову. – Никогда не думал, что им удастся вселить в меня боевика СС. А должен был подумать! Извини.

– Ничего. – Никиту вдруг затрясло, с минуту он унимал дрожь, наконец глубоко вздохнул. – Забыли. Но это было... страшно!

– Наверное, – кивнул инженер, морщась. – Саданул ты меня крепко. Феномен! За год с небольшим овладеть россдао – это мощно!

– Не преувеличивай, мне еще тренироваться и тренироваться. С мечом, например, у меня не очень-то получается. Куда теперь?

– К Роману, домой. Он дал мне ключ. Отдохнем.

– Отдыхать будем потом, первым делом попробуем поработать с Вестью.

Такэда сквозь пелену на глазах глянул на ожесточенное, осунувшееся, похуевшее лицо танцора, хотел что-то сказать, но передумал. Удар, которым его послал в нокаут Сухов, еще давал о себе знать, но вместе с болью и головокружением в душе зрело и другое чувство – восхищение. А вместе с ним и уверенность в завтрашнем дне. Хотя Тоява и понимал всю сложность их положения, как и то, что трудности и мытарства, ожидающие их впереди, не идут ни в какое сравнение с земными.

К эксперименту с «включением» Вести они готовились два дня. Отдыхали, спали, выходили из квартиры Романа, расположенной на Кузнецком мосту, лишь для покупки необходимого, слушали новости по телевизору и почти не разговаривали. О Ксении не было сказано ни слова, хотя о ней они думали больше, чем обо всем остальном. Такэда еще раз навестил ее квартиру и студию, но никаких следов, ни намек на ее появление... И все же они верили, что девушка жива.

В среду утром, сразу после завтрака, Никита с решительным видом разделся до пояса, некоторое время разглядывал «родимое пятно» Вести, не потерявшее форму звезды, буркнул Такэде:

– Поехали, чего тянуть.

– Садись в кресло. Ничего такого не чувствуешь?

– Никаких ощущений... кроме мандража. Боюсь, конечно, чего уж там, но и на попятную идти – себя не уважать. Давай лучше попросимся на всякий случай. Кто знает, что может случиться...

– Если не уверен – не начинай. – Такэда украдкой глянул на перстень, оранжевый пятиугольник пульсировал с нарастающей частотой. Вокруг незримо концентрировались силы мрака, настойчиво ища двух человек, несущих угрозу существованию Системы – Системы вседозволенности, насилия и страха, которую создали добровольные помощники грозного Денницы-Люцифера. Да, он имел право быть недовольным своим положением, так же как имел право называть себя Владыкой, величайшим из вершителей судеб Веера Милов. Но создателем, творцом назвать его было нельзя. Понимал ли он сам, что является величайшим разрушителем, когда-либо существовавшим во Вселенной? Или только людям, разумным существам, доступны муки моральных сомнений по поводу того или иного поступка, муки нравственного оправдания?..

– Что застыл? – осведомился Никита.

– Я тоже боюсь, – вздохнул Такэда. – Больше, чем ты. Но времени у нас нет. Они могут объявиться здесь в любую минуту. Если готов – начинай.

– Как?

Толя походил в задумчивости вокруг кресла, в котором сидел Сухов, подергал себя за вихор.

– Понимаешь, я, как и ты, считаю, что просто так Весть не заговорит, нужен эмоциональный взрыв, стресс, как в прошлый раз.

– Я попробую. – Сухов сосредоточился, прислушиваясь к своим ощущениям. Что-то сдвинулось внутри, словно открылась форточка в сплошной стене и кто-то выглянул оттуда, угрюмый и опасный. Но сама «стена» осталась монолитной и непреступной. Не помогли ни внутренние призывы к Вести открыться, ни болезненное напряжение всех мышц. Весть молчала. Лишь один раз удалось ощутить тонкий укол холода в плечо – во время «открывания форточки в стене», затем «форточка захлопнулась», холодная сыпь перестала играть кожей плеча, и ощущение бездны у ног исчезло.

– Все! – выдохнул Сухов, мокрый от пота. Расслабился, вытер лоб, виновато глянул на бесстрастного Такэду. – Не получается. Она меня слышит, я чувствую, но отвечать не хочет.

– Я же говорил... – начал было Толя, и в этот момент какой-то звук у входной двери заставил его замереть. – Т-с-с-с...

Никита мгновенно вскочил, напрягся, все еще думая о звезде Вести, и почувствовал бесшумный толчок в голову; перед глазами все поплыло, будто при нокдауне или после стакана спирта, а затем сильнейший «электрический» разряд пронизал плечо, шею, висок, вонзился в голову и на некоторое время парализовал тело. Сухов не упал только потому, что длился этот паралич мгновение. И тут же все изменилось.

Визуальное восприятие предметов перестроилось, как и ощущение пространства, времени, веса, объема тела. Казалось, Никита размножился, внедрился в каждую вещь, в стены комнаты, всего дома, ощущая их как части своего тела. Все предметы стали полупрозрачными, неплотными, оставаясь в то же время твердыми и материально ощутимыми. Никита видел их и снаружи, и изнутри, абсолютно точно зная состав каждого, характеристики и возможности. Он мог бы при желании изменить параметры любого из них, вылепить новую форму и придать другие свойства. Он мог бы свободно пройти сквозь любую стену, оставив ее целой и невреди-

мой, мог бы проделать в ней отверстие любого размера практически без применения энергии, бесшумно, мог бы...

Пространство снова изменилось вокруг: состояние всемогущества длилось три удара сердца, как и состояние паралича. Вернулось ощущение привычно существующего тела, готового к физическому действию, основанному на законах бытия этого мира. Ушло *везнание и всеумение*, исчезло чувство колоссальных возможностей, а с ним и тысяча других чувств, не передаваемых человеческим языком. Но кое-что осталось – частичка *знания*, медленно поступающего в голову, как маленькая крупинка драгоценного металла сквозь мутную воду на дне лотка золотоискателя.

В комнате ничего не изменилось, вся гамма состояний Никиты действительно длилась не более секунды, поэтому Такэда ничего не заметил, вслушиваясь в шорохи за дверью. Перстень на его пальце пылал, как осколок алой звезды.

– Их пятеро, – прошептал Никита. – Есть лишь один вариант спасения...

Инженер поднял брови, показывая пальцем на «дипломат». Сухов отрицательно качнул головой.

– Пожар.

Такэде не надо было пояснять мысль: выбор был – жизнь за обстановку квартиры товарища, и вряд ли Роман протестовал бы, знай этот расклад.

Жил он в однокомнатной квартире, по-спартански голый: шкаф, стол, кровать, два кресла, гимнастическая стенка, шкафчик для спортивных снарядов. И единственной по-настоящему ценной вещью была полка с книгами. В кладовой, располагавшейся в нише прихожей, Никита нашел пластмассовую трехлитровую канистру с бензином для очистки загрязненных поверхностей, плеснул на пол прихожей и на дверь. За дверью почему-то медлили, хотя и не уходили: обострившимся чутьем Никита буквально видел сочившиеся в щели зло и угрозу. Однако нерешительность гостей дала им несколько секунд форы, и беглецы успели выполнить свой план.

Сухов бросил спичку, взметнулось пламя. За дверью затихли, затем тишину взорвал хор восклицаний. Тяжелый удар едва не сорвал с петель дверь, замок крикнул и вылез из лунки. В образовавшуюся щель рвануло пламя, охватив чье-то лицо. В тот же момент Такэда разбил окно в комнате – со звоном разлетелось стекло – и завопил, будто они собирались бежать этим путем:

– Прыгай!

Вслед за криком раздался приглушенный удар – Толя выбросил в окно гирию.

В дверь ударили еще раз, так что она распахнулась во всю ширь и пламя загудело веселее, не давая пришельцам ворваться в квартиру. Сквозь треск и шипение послышался еще один хлопок снаружи – Такэда выбросил в окно гантели. И гости подумали, что их жертвы сиганули в окно с пятого этажа. Послышался топот – все пятеро бросились вниз по лестнице, лифта в этом доме не было.

Как только лестничная площадка очистилась, Никита прыгнул сквозь пламя в прихожей, загородив рукавом лицо. За ним выскочил Толя, более осторожный и внимательный, чем танцор. Он рассчитывал на худший вариант и не ошибся: на площадке пролетом ниже их ждал еще один чужак – профессионалы «свиты» знали толк в подстраховке.

Такэда появился на площадке в тот момент, когда Сухов, пропустив удар, падал на пол, а громадный парень в сером комбинезоне со множеством кармашков и «молний» отводил назад руку с коротким светящимся копьём. На прыжок инженера он отреагировал тотчас же, но запнулся о выставленную ногу Никиты, – тот успел среагировать, будучи в полубессознательном состоянии! – и нунчак Толи, позаимствованный у Романа, с глухим треском врезался пришельцу в переносицу. Это был страшный удар, способный проломить череп быку, но боевик СС лишь откинул голову с разбитым носом назад, снова нацеливая свое копьё. И все же он

был потрясен, потому что пропустил еще два удара – по руке с оружием и по челюсти. Копье выстрелило, уже вылетев из руки гиганта. Разряд неведомой энергии, сопровождаемый волной холода, погасил пламя, рвущееся из квартиры Романа, и проделал в стене лестничной клетки глубокий, метровой длины шрам.

Такэда подхватил копье, едва не заорав от неожиданной боли – рука онемела, как от тока, – но не выпустил его, сделав угрожающее движение в сторону гиганта в сером, упавшего на колено. Наклонился над Суховым, протягивая руку с нунчаком.

– Жив? Идти можешь?

– Могу. – Никита с трудом встал, глаза его стали осмысленными. – Чем это он меня?

– Хорошо, что не вард... э-э... копьем. Вперед, пока он не очухался.

И они побежали наверх, на шестой этаж, не обращая внимания на ошеломленные лица соседей Романа, выглядывавших из квартир.

На крышу вылезать, однако, не стали, только открыли люк и затаились на чердаке, дом был старый, с чердаком и двускатной крышей. А потом спустились вниз в толпе возбужденных пожарных, милиционеров, врачей «Скорой» и соседей, делящихся впечатлениями о случившемся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.